

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.342.5

Н.И. КАРЕЕВ О СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности социологического подхода к анализу сущности общественной деятельности и природы политической элиты, разрабатываемого крупнейшим отечественным социологом Н. И. Кареевым. Особое внимание обращается на предлагаемую им трактовку сущности элиты и её параметров, а также характеристику представленных в ней разновидностей политических лидеров.

Ключевые слова: политическая элита, общественная деятельность, исторический деятель.

N. I. Kareev about Essence of Public Work and a Role of Political Elite

D. V. Pokatov

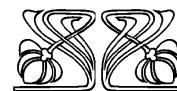
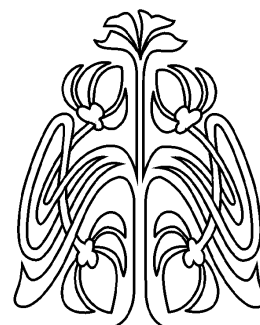
This article deals with features of the sociological approach to the analysis of essence of public work and a nature of the political elite, developed by the famous native N. I. Kareev. He draws the special attention to interpretation of essence of elite and its parameters and also to the characteristic of the version of political leaders.

Key words: political elite, social activity, historical person.

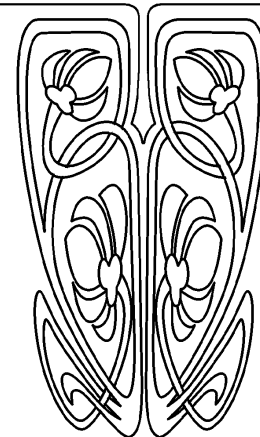
Н. И. Кареев является одним из выдающихся представителей отечественной социологической науки, творчество которого по-прежнему привлекает к себе внимание современных исследователей. Несмотря на то, что в последние годы появился ряд солидных исследований, посвященных анализу его историко-социологических воззрений, следует признать, что многие важные проблемы, поднимавшиеся в его трудах, а также используемые им принципы научного анализа общественных явлений изучены ещё достаточно слабо.

Широта научных интересов и применяемых им теоретико-методологических подходов не позволяет однозначно определить его принадлежность к тому или иному направлению. Современный социолог И. А. Голосенко отмечает, что Н. И. Кареев был убежденным сторонником социологического «психологизма» в той форме, в какой его трактовала субъективная школа¹. В. В. Козловский и И. Д. Осипов констатируют, что в начале XX в. теоретическая позиция Н. И. Кареева изменилась и в «Историологии», а также в серии «Типологических курсов по истории государственного быта (1903–1905)» он стал развивать концепцию среднего пути между социологией и историей, которая заключалась в исследовании не отдельного общества, а в рассмотрении исторических типов. Этот подход, по их мнению, стал теоретической основой сравнительной и генетической социологии².

В ряде современных исследований Н. И. Кареев, исходя из его методологических ориентаций, причисляется к представителям классического позитивизма³. Этот подход, как думается, можно принять за основу, если учитывать, что сам ученый отмечал в своих произведениях, что «будущее должно принадлежать науке, положительному знанию и основанному на опыте искусству»⁴.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Будучи необычайно разносторонним исследователем, Н. И. Кареев затрагивал в своих произведениях разнообразные проблемы, в том числе методологических основ социологии, её задач, типологии обществ, соотношения политики и морали, критериев прогресса, форм правления, роли и функций политических партий, сущности общественной деятельности. Не остались без внимания исследователя и различные аспекты многогранной элитной проблематики.

В своих произведениях («Роль идей, учреждений и личности в истории», «Мысли о сущности общественной деятельности», «Историология (Теория исторического процесса)») он утверждает, что выделение в обществе особого, по сути, элитарного слоя является объективным. В работе «Мысли о сущности общественной деятельности» Кареев констатирует: «Не все люди одинаково одарены общественным инстинктом, интересом к общественной жизни, склонностью к общественной деятельности. Общественная деятельность в тесном смысле может быть лишь личным призванием»⁵. Он отмечает, что «одни индивиды являются “преобладающими и направляющими” и с этой точки зрения главным образом и причиняющими совокупное действие, тогда как другие – им только подчиняются»⁶. В более позднем, по сравнению с предыдущими, исследовании «Историология (Теория исторического процесса)» мыслитель доказывает, что «среди членов общества всегда будут выделяться инициаторы, изобретатели, реформаторы и вожди, из которых многие действительно могут быть называемыми великими людьми»⁷. Обосновывая объективное выделение слоя общественных деятелей, представителей элиты общества, Н. И. Кареев видит их главную роль в решении общественных вопросов, что так или иначе оказывает существенное воздействие на все общество⁸.

Сама общественная деятельность представлялась мыслителю весьма неоднородной, включающей такие разновидности, как «деятельность, имеющая своей целью удовлетворение духовных потребностей членов общества, культурное воздействие на общество», деятельность по управлению обществом, поддержанию в нем порядка, заботы о его безопасности и материальном благосостоянии, правосудии и деятельность в области физического и материального благосостояния⁹.

Рассматривая деятельность в области управления, он особо останавливается на отличиях, которые обнаруживаются им между общественным деятелем (фактически представителем элиты общества) и чиновником, бюрократом. Как справедливо отмечает ученый, «общественный деятель создается не внешним положением, не тою или другою профессией или должностью, а внутренним отношением к делу; тем, что он делает из своей профессии»¹⁰.

Общественный деятель, в его представлении, есть проявление свободы и инициативы. Он не

может смотреть на свое дело как на выполнение заказа или исполнение поручения начальства. Он всегда должен предвидеть результаты своей работы. В отличие от чиновника, ориентированного на «рутину» и привычные «способы удовлетворения текущих нужд общества», общественный деятель должен «заглядывать» в будущее и «стремиться влиять на самые условия своей деятельности»¹¹.

Идеалом для Н. И. Кареева выступают «лучшие люди», которые обладают «наиболее сильным умом и образованием, чуткостью и преданностью общественным интересам, характером и опытностью»¹². Однако «умственное и волевое величие» должно дополняться и особыми нравственными ориентациями, что, как справедливо констатирует мыслитель, встречается не так уж и часто. В «Историологии (Теории исторического процесса)» он справедливо пишет: «Не всегда умственное и волевое величие является величием в нравственном отношении»¹³.

Для того чтобы идеал общественного деятеля оказался реализуем, общество, по мнению Н. И. Кареева, должно предъявлять к нему определенные требования, которые будут определять его личностный облик и образовательную и профессиональную подготовку. Мыслитель призвал обращать внимание на общее умственное и нравственное развитие представителя элиты, учитывать, имеется ли у него уважение к личности, интерес к общественности, стремление к общему благу. Особое внимание, по его мнению, необходимо обращать на этическое и социологическое образование, «закрывающееся в усвоении важнейших общих фактов нравственной и общественной жизни, наиболее существенных этических, экономических и юридических, политических и социологических теорий и научного метода, исключая всякий догматизм»¹⁴.

Наряду с общим образованием ученый отводил особое место и историческому образованию, которое должно предусматривать знакомство общественных (особенно политических) деятелей с научными биографиями выдающихся общественных деятелей разных стран, с научными описаниями, разборами и характеристиками деятельности, особенностями внутреннего развития и борьбы политических партий, с анализом причин возникновения, условий, определяющих ход и результаты эволюции общественных движений, а также историческими фактами, имеющими непосредственно близкое отношение к вопросам общественной деятельности, в том числе историй преобразований разного рода отношений, подлежащих преобразованиям, их возникновения, борьбы политических партий по этому поводу и т. д.¹⁵

Высказанные ученым суждения о необходимости для представителя политической элиты знаний в различных гуманитарных сферах фактически предвосхитили постановку многими современными западными и отечественными исследователями (в том числе Ч. Р. Миллсом,

Г. К. Ашиным и другими) вопроса о формировании особой системы элитного образования и необходимости для элитного деятеля политического профессионализма, который является во многом следствием полученных политиком в ходе такого обучения знаний, умений и навыков.

В целом рассмотрение общих вопросов, связанных с общественной и политической деятельностью, дополнялось в трудах Н. И. Кареева характеристикой типов деятелей, участвующих в политических и исторических процессах.

Останавливаясь на проблеме классификации таких деятелей, он подвергает критике как теорию «героев» и толпы Т. Карлейля, превозносившего героических личностей, так и взгляды Л. Н. Толстого, считавшего, что история совершается не великими людьми, а народными массами. По его мнению, «трудно представить себе большую противоположность в понимании роли выдающихся личностей в истории, как та, какую мы видим в историологических взглядах Карлейля и Толстого. У первого исключительная активность на стороне героев, которые в истории все, массы же у него инертны, тогда как у другого история движется только роевой силой, великие же люди лишь бурлящие струи, призраки, нули, ничто...»¹⁶.

Н. И. Кареев подчеркивает, что к вопросу о «героях» и «толпе» необходимо подходить с научных, объективных позиций. Это, по его мнению, означает, что «во-первых, ненаучно выделять из народной массы великих людей, героев, гениев и их ей противопоставлять, ибо масса состоит из людей великих и малых, героических и обыденных, гениальных и очень простых, гигантов и пигмеев, т.е. и великие люди составляют часть массы. Во-вторых, сама масса не может считаться каким-то блоком, или конкретным целым без различения в нем отдельных личностей. В-третьих, наконец, слабые, из которых состоит общая сумма, далеко не равновелики. ... Самое главное здесь, это то, что могущие иметь историческое значение действия людей далеко неравны между собою, а потому и роли отдельных личностей весьма различны»¹⁷.

Сам ученый в своих трудах дает характеристику нескольким типам исторических деятелей – «великим людям» и «крупным личностям». Истинно «великий деятель», в его представлении, – тот, кто содействует прогрессу, вносит совсем новые идеи, либо действует с особым сознанием, либо выражает в себе назревшие потребности общества, либо умеет соединить силы общества для выполнения своих планов¹⁸. Н. И. Кареев неоднократно подчеркивал социальную обусловленность деятельности великого человека, связанную с подготовкой, т.е. зависимостью от прошлого, и содействием, помощью других представителей общества¹⁹.

В отличие от «великих деятелей», которые должны содействовать прогрессу, деятельность «крупных личностей» направлена на изменение общества «в том или другом направлении, безразлично по отношению к регрессивности или

регрессивности последнего»²⁰. В представлении ученого они, как правило, появляются в эпохи внутреннего брожения, «когда в обществе есть элементы так или иначе враждебного status quo...». Гениальность «крупной личности», по его мнению, заключается в том, чтобы вовремя понять, как нейтрализовать негативное их воздействие и «комбинировать их для достижения той или иной поставленной цели»²¹.

Все сказанное выше позволяет говорить о том, что Н. И. Кареев не только продолжил, но и существенно обогатил гуманистическую традицию в изучении элитных групп, заложенную и развиваемую представителями российской позитивистской социологии, что в дальнейшем нашло свое продолжение в трудах целого ряда крупнейших отечественных социологов и философов, среди которых можно отметить, в частности, М. Я. Острогорского, П. А. Сорокина, Г. П. Федотова и многих других.

Примечания

- 1 См.: *Голосенко И. А.* Историко-социологические взгляды Н. И. Кареева // Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 10.
- 2 См.: *Козловский В. В., Осипов И. Д.* Примечания и комментарии // Социология истории Николая Кареева: Межвуз. сб. / Под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского, И. Д. Осипова. СПб., 2000. С. 219.
- 3 См.: Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е. И. Кукушкиной. М., 2004. С. 47–48.
- 4 *Кареев Н. И.* Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 105.
- 5 Там же. С. 36.
- 6 *Кареев Н. И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С. 296.
- 7 *Кареев Н. И.* Историология ... С. 119.
- 8 См.: *Кареев Н. И.* Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 37.
- 9 Там же. С. 58–59.
- 10 Там же. С. 59.
- 11 Там же. С. 63.
- 12 Там же. С. 142.
- 13 *Кареев Н. И.* Историология ... С. 119.
- 14 *Кареев Н. И.* Мысли о сущности общественной деятельности. С. 131.
- 15 Там же. С. 133–134.
- 16 *Кареев Н. И.* Историология... С. 113.
- 17 Там же. С. 115–116.
- 18 См.: *Кареев Н. И.* Роль идей, учреждений и личности в истории. Одесса, 1895. С. 22.
- 19 См.: *Кареев Н. И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С. 324.
- 20 *Кареев Н. И.* Роль идей, учреждений и личности в истории. С. 27.
- 21 Там же.

УДК 316+929

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я. А. Никифоров

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматривается процесс становления и основные составляющие социологического дискурса в литературно-публицистическом творчестве Н. Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на социальные функции литературы и публицистики.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, идейность.

Becoming of Sociological Discourse in Literature and Publicistics of N. G. Chernyshevskiy

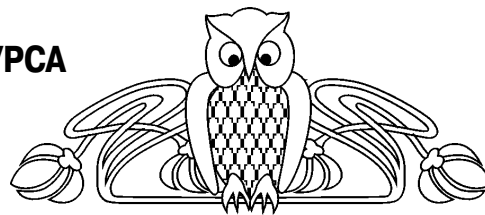
Ya. A. Nikiforov

Process of becoming and basic components of a sociological discourse of N. G. Chernyshevskiy is considered in article. The special attention is given to sights of the Russian thinker at social functions of literature and publicistics.

Key words: discourse, publicistics, ideals.

Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и языке.

Один из классов употреблений термина «дискурс» восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, и прежде всего к М. Фуко, хотя в обосновании этих употреблений важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М. Пешё и др. За этими употреблениями просматривается стремление к уточнению традиционных понятий стиля (в том самом максимально широком значении, которое имеют в виду, говоря «стиль – это человек») и индивидуального языка. Понимаемый таким образом термин «дискурс» описывает способ говорения и обязательно имеет определение – чей дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. Можно

сказать, что дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика плюс стоящая за ней идеология. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса. По сути дела, определение какой или чей дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным, групповым или даже абстрактным. Подобного рода понимание дискурса, безусловно, является социологическим и представляется наиболее корректным при исследовании литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского.

Вся журнально-литературная деятельность Николая Гавриловича Чернышевского укладывается в очень небольшой промежуток времени: восемь – девять лет необычайно интенсивной, разнообразной, напряженной работы. В результате своей плодотворной, но непродолжительной работы журналистом в «Отечественных записках», «Современнике» и некоторых других периодических изданиях он твердо убедился в том, что необходимо писать только то, чего ждет от писателя общественность, будь то журнальная заметка, критическая статья, роман и любое другое литературное произведение. Чернышевским-критиком и публицистом резко осуждались пустота содержания и приверженность к приукрашиванию действительности. Будучи идейным руководителем «Современника», Чернышевский выступал за реалистичность в писательской деятельности. Литература, по его мнению, должна быть выразительницей мысли общества, своеобразным учебником жизни для молодого поколения.

Как активный публицист, на чьем счету около пятисот печатных листов по различным отраслям знания, Чернышевский всегда писал о том, что не хотел бы быть «бесполезным для общества говоруном о пустяках»¹. Все его литературные работы отражали острые, насущные проблемы современной ему социальной жизни. Все написанное им – написано об обществе и для общества. Многогранная общественная деятельность Н. Г. Чернышевского послужила основой формирования его литературно-публицистического дискурса.

Наиболее полно авторская оригинальная система воззрений на литературу и ее общественное назначение была изложена Чернышевским в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Наиболее важным, по мнению Николая Гавриловича, является

представление о прекрасном. Он утверждает, что прекрасное существует в действительности, а не в идеальном мире, откуда оно будто бы переносится в жизнь творческим усилием художника. Кроме того, оно зависит от социальных обстоятельств, при которых осознается художником и соответственно воспринимается читателем, зрителем или слушателем. Сама жизнь является источником, однако «не всякое ее проявление эстетично: бывают и безобразные ее проявления, хотя бы они и являлись совершенными в своем роде»².

Таким образом, Чернышевский на новой социальной основе переосмыслил известную формулу Гегеля: «Все разумное действительно, все действительное разумно». Оставив ведущее начало за разумом, Чернышевский ясно дал понять своему читателю, что далеко не все в русской жизни разумно, не все может претендовать на роль источника прекрасного.

Кроме того, Чернышевский ввел в свою систему представление об активном начале в искусстве: оно не просто отражает действительность – оно пересоздает ее. Тем самым художники участвуют в общественном развитии. Необходимо отметить, что это убеждение легло в основу литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского.

Чернышевский исходил из того, что сознание человека обусловлено обстоятельствами его жизни. При этом наглядно пояснял свои размышления примерами понимания прекрасного в дворянской и крестьянской среде: их представления о красоте различны именно вследствие несходства социальных условий существования представителей этих сословий. Чернышевский указывал на существенное несходство понятия прекрасного, рожденного в разной социальной среде. «Прекрасное и возвышенное, – писал Н. Г. Чернышевский, – действительно существуют в природе и человеческой жизни. Но с тем вместе следует, что наслаждение теми или другими предметами, имеющими в себе эти качества, непосредственно зависит от понятий наслаждающегося человека: прекрасно то, в чем мы видим жизнь, сообразную с нашими понятиями о жизни, возвышенно то, что гораздо больше предметов, с которыми сравниваем его мы. Таким образом, объективное существование прекрасного и возвышенного в действительности примеряется с субъективными воззрениями человека»³.

Не просто мера мастерства или художественного совершенства принимается им за основу, а мера общественной целесообразности и значимости. «Усвоение русскими писателями материалистического взгляда на природу человека, на отношения его к социальной среде, на исторически сложную диалектику этих отношений открывает широкие возможности, – как полагал Н. Г. Чернышевский, – для преодоления абстрактного морализма прежней литературы»⁴. В свою очередь обеспечивался выход литературы из сферы образного воспроизведения личности,

индивидуально-психологической и семейно-бытовой жизни человека в область широких исследований и обобщений политической, государственной, общественной жизни России, ее социальных групп и классов.

В дальнейшем в своей статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский выдвигает и другую крупную социальную задачу литературы – задачу правдивого изображения народа и его жизни. «Роман, комедия, трагедия, лирическое стихотворение, – пишет он, – должны одинаково изображать действительность, изображать людей, характеры, действия, чувства такими, какими бывают они в действительности»⁵.

Таким образом, Чернышевский ратует за реалистическую литературу, изображающую жизнь в ее существенных закономерностях. Значение и авторитет писательской деятельности представлялись Николаю Гавриловичу в тесной связи с обязанностью ее решать важные общественные задачи, играть активную роль в общественной жизни. При этом жизненная правда, соответствие художественных образов конкретно-исторической реальности – важнейшее условие, которое Чернышевский предъявляет к литературе. «Чрезвычайно важна мысль, что художник может выразить основные тенденции действительности в “преднамеренной” форме, в “заостренном”, как бы мы теперь сказали, образе или сюжете, не имеющих прямого, видимого соответствия в жизни. Реалистическая правда произведения от этого не только не пострадает, но и выиграет. Она глубоко проникнет в содержание и смысл изображаемых явлений жизни и получит огромную силу воспитательного воздействия»⁶.

Столь свойственная стилю Чернышевского критика и публициста ирония играла большую роль, разоблачая в обществе и литературе бездарность, искусственность, ложь и фальшь враждебных народу идеологий, эстетических принципов, политических доктрин. Литературная критика на определенном этапе стала для Чернышевского главным полем сражения. Его противники возмущались тем, что он в своих статьях говорил будто бы не столько о художественных особенностях рассматриваемых произведений, сколько о важнейших проблемах общественной русской жизни. Действительно, критика Чернышевского имела откровенную социально-политическую направленность.

А целью, которую он ставил перед собой, было воздействие на писателя и читателя в духе социального их просвещения. Чернышевский был убежден, что писатель обязан писать не вообще о том, что он чувствует и думает, не обо всем том, что попадает ему на глаза, а о наиболее острых, наиболее болезненных вопросах современности. С другой стороны, читатель может и должен научиться читать, глубоко вникая в социальный смысл изображаемого, размышляя о происходящем в окружающей действительности.

Нужно заметить, что Чернышевский вообще не отделял читателя от литературной жизни, не отводил ему роли пассивного зрителя. Более того, он подчеркивал, что литература – дело совместное, что читатель, не менее чем писатель, оказывает воздействие на общий ход развития литературы. «Власть публики в литературных делах всеильна, – полагает Н. Г. Чернышевский, – чего хочет публика, тем и бывает литература. Когда литература или не достигает своего истинного значения, или уклоняется от него, в том всегда бывает виновна только публика, а не кто другой. Общество не имеет права слагать с себя ответственность за недостатки, от которых терпит. Ведь ему нужно только выразить твердую, непреклонную волю, чтобы устранить всякий недостаток»⁷. Чернышевский мимоходом, как бы обмолвкой, выходит из границ историко-литературного исследования и намекает вообще на решающую силу общественного мнения.

Главная установка Чернышевского-критика, публициста и писателя научить читателя мыслить, помочь ему сделать правильные выводы и найти ответ на множество возникших перед ним вопросов. Примером тому может послужить и знаменитая его статья «Антропологический принцип в философии». Впервые в России подобного рода философско-политический трактат был адресован самому широкому читателю. При этом автор прекрасно понимал, насколько трудно новые идеи усваиваются массой и какое сопротивление они вызывают своей непривычностью, по крайней мере на первых порах. Поэтому Чернышевский старается помочь читателю, на протяжении всей статьи беседуя с ним: «в научный анализ легко и непринужденно влетает разговорная речь, шутка; автор посмеивается то над самим собой, то над собеседником, как это бывает в дружеском кругу». Он как будто вместе с читателем обдумывает поставленные им самим вопросы и вместе с ним проходит все этапы развития мысли, постепенно, без всякого нажима совершая процесс выяснения истины. После того как пройден первый существенный этап этого процесса, Чернышевский пишет: «Теперь мы замечаем, – жаль, что заметили слишком поздно, – что эта статья, при всей своей бессвязности, может служить предисловием к изложению понятий нынешней науки о человеке как отдельной личности». В итоге я еще раз убеждаюсь в том, что автор объединяет себя с читателем («мы замечаем»), вместе с ним размышляет, делает выводы и «вместе с ним усмехается, преодолевая первоначальную инерцию сопротивления новому»⁸.

Таким образом, публицистика Чернышевского, помимо своего научного и политического значения, обладает еще и большим воспитательным воздействием. Она переворачивает, заставляет изменяться привычный консерватизм сознания, вызывая тягу к активной работе мысли. Здесь необходимо отметить также то, что Чернышев-

ский высоко ценил искусство слова как средство познания жизни и духовного воздействия на общество.

Немаловажен тот факт, что Чернышевский-критик и публицист никогда не скрывал своих симпатий и антипатий. Читателю не приходилось ломать себе голову в поисках ответа на вопрос: что Чернышевский любит и что ненавидит. Позиции его были предельно ясны. Именно поэтому в своей литературно-критической деятельности он не боялся резко выступать против зла «в борьбе за добро, за правду, за высокое общественное предназначение литературы».

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский четко поставил вопрос о том, что искусство, не связанное с насущными интересами, ведущими проблемами действительности, невозможно: его никогда не было и не может быть. Разнообразные теории «чистого искусства», считает он, служат лишь «прикрытием» иных интересов. Странники этих теорий заботятся вовсе не об искусстве, а прикрываются им для пропаганды своих взглядов и идей. «Как и всякая другая достойная внимания умственная или нравственная деятельность, литература по самой натуре не может не быть служительницей стремлений века, не может не быть выразительницей его идей. Вопрос состоит только в том, каким целям должна служить она, – таким ли, которые, не имея важного места в жизни века, сообщат и литературе, ими ограничивающейся, характер пустоты, празднословия, или тем идеям, которыми движется век. Ответ на это нисколько не затруднителен: только те направления литературы достигают блестящего развития, которые возникают под влиянием идей сильных и живых, которые удовлетворяют настоятельным потребностям эпохи». И здесь мы еще раз убеждаемся, что Чернышевский постоянно уделял внимание идейному содержанию литературы. Идейность, по его мнению, это непреложное требование, предъявляемое литературе. Идейность – условие жизненности искусства, «...идея есть зерно, из которого вырастает художественное произведение, есть душа, его оживляющая..., красота формы состоит в соответствии ее с идеею»⁹.

Чернышевский теснейшим образом связывает поведение человека в личной жизни с его поведением в обществе. Никчемность в личной жизни и никчемность в обществе – это две стороны одной медали. «Люди впадают в пустую и грязную пошлость, когда их мысль уклоняется от общественных интересов». «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или, по крайней мере, не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без

влияния чувств, пробуждаемых в них¹⁰» – такова концепция общественно-нравственных потребностей в жизни и литературе.

Подводя итоги, определим сущностные черты литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского. По глубокому убеждению Н. Г. Чернышевского, литература и публицистика обязаны решать важные общественные задачи, играть активную социальную роль в общественной жизни. Цель, стоящая перед литературой и публицистикой – воздействие на читателя в духе социального и нравственного его просвещения. Читатель должен научиться читать, вникая в социальный смысл изображаемого, размышляя о происходящем в окружающей действительности. Николай Гаврилович утверждал, что литература и публицистика должны мобилизовать силы общества на борьбу против всего, что стоит на пути к прекрасному в самой жизни. Источником силы литературы будет являться верность интересам народа, его жизненным потребностям. Литературный процесс, по мнению Чернышевского, должен быть

обязательно связан с общественным движением, а также он должен отвечать на актуальные вопросы общественной жизни.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 591
- ² Шаталов С.Е., Курилов А.С. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1978. С. 18.
- ³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 114.
- ⁴ Шаталов С.Е., Курилов А.С. Указ. соч. С. 24.
- ⁵ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 807.
- ⁶ Там же. С. 86.
- ⁷ Там же. С. 401.
- ⁸ Наумова Н. Н. Г. Чернышевский. Биография писателя. Л., 1974. С. 61.
- ⁹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 163–164.
- ¹⁰ Там же. Т. 5. С. 168–169.

УДК 316.2

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ М.ВЕБЕРА

А. А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социология молодежи
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье рассматривается проблема социальной идентичности сквозь призму основных социологических концепций классика социологии М. Вебера: теории социального действия, идеальных типов, социологии религии.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальное действие, идеальный тип.

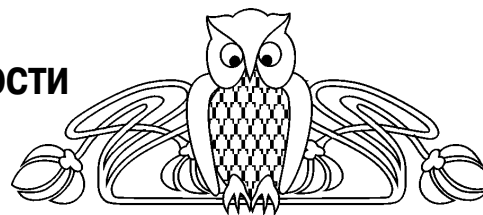
Identification of Social Reality in Veber Conceptions

A.A. Koshelev

This article looks at the problem of social identity through the prism of main Veber's classic social conceptions: the theories of social action, of ideal models, of the sociology of religion.

Key words: social identity, social action, ideal type.

Творчество Макса Вебера представляет собой совокупность разнообразных теорий, отличающихся практическим и теоретико-методологическим универсализмом. Иными словами, фундаментальные научные изыскания немецкого ученого являются основой в изучении социальных и гуманитарных проблем, актуализирующихся в настоящее время и требующих тщательной и всесторонней рефлексии. Одной из таких про-

blem является осмысление вопросов социальной идентичности, приобретающей особое значение в связи с трансформационным периодом развития не только российского социума, но и глобализацией вопросов взаимодействия наций в рамках международного сообщества.

О. Конт, определяющий социальную идентичность как смену представлений индивидов в рамках закона «О трех состояниях интеллектуального развития», пришел к выводу о том, что позитивный этап в развитии человечества будет способствовать стабилизации, ведь война как форма конструирования социальных объектов выполнила свою миссию – сформировала в социуме устойчивые структуры. Дальнейшее развитие общества должно осуществляться чрез трансляцию духовных ценностей по аналогии с Древним Римом, где период кровопролитных войн закончился появлением и распространением христианской религии. Однако данные утверждения основоположника социологии не подтвердились: вооруженные конфликты продолжались с постоянной периодичностью, а трагической кульминацией стала Вторая мировая война, унесшая жизни миллионов людей.

В этом смысле концепции М. Вебера представляются более гибким социальным мышлением, так как основаны на совмещении рационализма и прагматичной духовности в обосновании

влияния чувств, пробуждаемых в них¹⁰» – такова концепция общественно-нравственных потребностей в жизни и литературе.

Подводя итоги, определим сущностные черты литературно-публицистического дискурса Н. Г. Чернышевского. По глубокому убеждению Н. Г. Чернышевского, литература и публицистика обязаны решать важные общественные задачи, играть активную социальную роль в общественной жизни. Цель, стоящая перед литературой и публицистикой – воздействие на читателя в духе социального и нравственного его просвещения. Читатель должен научиться читать, вникая в социальный смысл изображаемого, размышляя о происходящем в окружающей действительности. Николай Гаврилович утверждал, что литература и публицистика должны мобилизовать силы общества на борьбу против всего, что стоит на пути к прекрасному в самой жизни. Источником силы литературы будет являться верность интересам народа, его жизненным потребностям. Литературный процесс, по мнению Чернышевского, должен быть

обязательно связан с общественным движением, а также он должен отвечать на актуальные вопросы общественной жизни.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 591
- ² Шаталов С.Е., Курилов А.С. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1978. С. 18.
- ³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 114.
- ⁴ Шаталов С.Е., Курилов А.С. Указ. соч. С. 24.
- ⁵ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 807.
- ⁶ Там же. С. 86.
- ⁷ Там же. С. 401.
- ⁸ Наумова Н. Н. Г. Чернышевский. Биография писателя. Л., 1974. С. 61.
- ⁹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 163–164.
- ¹⁰ Там же. Т. 5. С. 168–169.

УДК 316.2

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ М.ВЕБЕРА

А. А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социология молодежи
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье рассматривается проблема социальной идентичности сквозь призму основных социологических концепций классика социологии М. Вебера: теории социального действия, идеальных типов, социологии религии.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальное действие, идеальный тип.

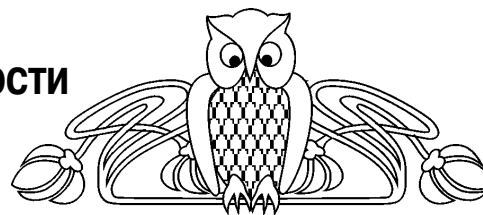
Identification of Social Reality in Veber Conceptions

A.A. Koshelev

This article looks at the problem of social identity through the prism of main Veber's classic social conceptions: the theories of social action, of ideal models, of the sociology of religion.

Key words: social identity, social action, ideal type.

Творчество Макса Вебера представляет собой совокупность разнообразных теорий, отличающихся практическим и теоретико-методологическим универсализмом. Иными словами, фундаментальные научные изыскания немецкого ученого являются основой в изучении социальных и гуманитарных проблем, актуализирующихся в настоящее время и требующих тщательной и всесторонней рефлексии. Одной из таких про-

blem является осмысление вопросов социальной идентичности, приобретающей особое значение в связи с трансформационным периодом развития не только российского социума, но и глобализацией вопросов взаимодействия наций в рамках международного сообщества.

О. Конт, определяющий социальную идентичность как смену представлений индивидов в рамках закона «О трех состояниях интеллектуального развития», пришел к выводу о том, что позитивный этап в развитии человечества будет способствовать стабилизации, ведь война как форма конструирования социальных объектов выполнила свою миссию – сформировала в социуме устойчивые структуры. Дальнейшее развитие общества должно осуществляться чрез трансляцию духовных ценностей по аналогии с Древним Римом, где период кровопролитных войн закончился появлением и распространением христианской религии. Однако данные утверждения основоположника социологии не подтвердились: вооруженные конфликты продолжались с постоянной периодичностью, а трагической кульминацией стала Вторая мировая война, унесшая жизни миллионов людей.

В этом смысле концепции М. Вебера представляются более гибким социальным мышлением, так как основаны на совмещении рационализма и прагматичной духовности в обосновании

идентификационных представлений индивидов о социуме.

Наиболее четко рационализм классика общественных теорий проявляется в представлении социальной идентичности через концепцию типов социального поведения. Согласно данной концепции социальное поведение можно дифференцировать на четыре типа: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и, наконец, традиционное. Целерациональный поступок соответствует просчитанному, продуманному действию, направленному на достижение конкретных целей. Результатом такого типа поведения в условиях современности можно считать бизнес-план, являющийся неотъемлемым инструментом современного предпринимателя и символизирующим философию тонкого, прагматичного расчета. В то же время, если поступок несет в себе элементы неадекватности, это еще не означает, что он не рационален. Речь идет о ценностно-рациональном типе поведения, когда индивид совершает действие во имя индивидуальной или коллективной ценности, зачастую вопреки общественному мнению и доминирующим социальным стереотипам. В качестве примера можно привести действия боксеров-профессионалов, отказавшихся от просьбы секундантов остановить бой и скончавшихся от нанесенных травм. Если для большинства членов социума этот поступок противоречит общепринятым нормам, то для среды, близкой к данному виду спорта, это мужественный поступок, который достоин восхищения. Иными словами, данные социальные группы идентифицируют свой образ жизни с манерой поведения война-гладиатора, для которого смерть на ринге – проявление абсолютного героизма. Тип поведения, в основе которого лежат эмоции, М. Вебер называет аффективным. В этом случае идентичность восприятия тех или иных событий диктуется не целью или системой ценностей, а душевным состоянием и настроением индивида в конкретный момент времени.

И наконец, традиционное восприятие социальной идентичности обусловлено привычками, обычаями, верованиями, ставшими второй натурой. Субъект в этом случае воспринимает объективную реальность и поступает согласно устоявшимся нормам, подчиняясь укоренившимся в нем за долгую практику рефлексам.

Социальное поведение, позволяющее идентифицировать образцы взаимодействия индивидов в социуме, содержит в основном осмысленное построение. Для более конкретного научного анализа социальных идентификаций можно использовать концепцию М. Вебера о понимании. Ведь если действия индивидов носят продуманный характер, то они подвержены пониманию и со стороны как окружающих индивидов, так и ученых-специалистов. Идея М. Вебера в этом смысле заключается в утверждении, что любые действия индивидов, в том числе и восприятие

объективной реальности, нужно объяснить посредством суждений, подтвержденных опытом. Понимание, таким образом, носит опосредованный характер, оно достигается через понятия и связи. Понимая поступки определенных социальных групп, мы можем выработать определенный сценарий поведения, «правила игры», что станет залогом стабильности и предсказуемости общественных взаимодействий.

Внешне несколько вразрез с прагматизмом М. Вебера выступает его концепция об идеальных типах, являющихся своего рода эталоном в определении объективной социальной реальности, ориентиром в определении целей и достижений. В то же время данная теория регулярно используется в бизнес-процессах современности при моделировании оптимальной коммерческой цели, выступающей предметом сравнения с достигнутыми показателями в конкретный момент времени. Речь идет о бюджете фирмы или компании, принимающемся на долгосрочные перспективы и приобретающем символическое значение для корпорации. По мнению финансового директора компании «Эвереди Бэтери Дистрибьютинг» Олега Яковенко, бюджет – это больше чем идеальная модель идентификации будущего компании. Бюджет – это план жизни компании, философия бизнеса, выполняющий регулирующую и мотивирующую функцию в управлении ожиданиями сотрудников фирмы¹. Следовательно, понятие «идеальный тип» связано с категорией понимания, поскольку предполагает установление осмысленных связей, свойственных определенному социальному процессу либо явлению, отраженных в идентификации индивидов. Согласно Р. Арону, в теории М. Вебера идеальные типы представлены тремя видами понятий. К первому виду относятся идеальные типы индивидуальных исторических образований, например, «демократия» и «капитализм», объединяющие общие и частные характеристики. Общие характеристики несут в себе сами понятия, а частные – уровень приближенности идентификацией социума к данному понятию². К примеру, многие современные страны провозгласили капитализм и демократию в качестве основы своего государственного устройства, хотя уровень развития соответствующих социальных институтов каждой страны различен. Вторым идеальным типом в концепции М. Вебера являются понятия, выраженные в стремлении объяснить восприятие целостности исторических образований, посредством выделения необходимых составляющих элементов. Например, представления о всеобщем избирательном праве, как неотъемлемом элементе современных рыночных демократий.

Вышеуказанные идеальные представления, отличаются различной долей абстракции. К более низкому уровню абстракции можно отнести такие понятия, как «демократия», «феодализм». К более высокому – три типа восприятия легитимного господства (легальный, традиционный и

харизматический). Каждый из трех типов власти определяется мотивами повиновения и характером легитимности, признанной управляемым индивидом. Легитимное восприятие власти основано на законах и правилах, традиционное – предполагает устоявшиеся традиции и нравы. Харизматическое восприятие власти основано на экстраординарных качествах лидера, выгодно отличающегося в кругу партнеров или конкурентов.

Третий вид идеальных типов составляют рациональные теоретические конструкции поступков индивидуального характера, в основе которых лежат, как правило, экономические ориентиры и представления индивидов. В свою очередь, экономические ориентиры формируются индивидуально и дифференцированы в зависимости от сложившихся норм и ценностей социума. При этом большое влияние на экономические интересы различных групп оказывают доминирующие в обществе религиозные установки. По мнению М. Вебера, западный капитализм – результат влияния протестантской религии, которая, в отличие аскетизма восточных вероисповеданий, предоставляла возможность увеличения богатства на земле посредством интен-

сивной, а главное эффективной работы. Следовательно, социальная идентичность, сформированная посредством религиозных мировоззрений, предопределяет восприятие индивидами своего места и роли в социуме.

Таким образом, основные концепции М. Вебера представляют новые возможности в рассмотрении теоретико-методологических аспектов социальной идентичности. Анализ базовых теорий известного немецкого специалиста позволяет рассмотреть проблемы социальных идентификаций сквозь призму поведенческих аспектов, теории идеального типа и социологии религии, формируя все новые уровни познания обозначенных тем, требующих тщательного и всестороннего анализа на стыке различных социальных и гуманитарных наук.

Примечания

- 1 См.: Семь нот менеджмента / Под ред. В. А. Красновой. М., 2000. С. 69.
- 2 См.: Арон П. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 510–511.

УДК 316.25 (32.019.52, 342.32.33)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье анализируются различные методологические подходы к социологическому изучению взаимодействия власти и общества, а также основные противоречия и детерминанты властных отношений в современной России.

Ключевые слова: власть, трансформации, институционально-матричный подход.

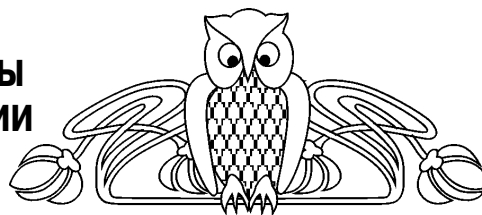
The Main Methodological Problems of Studying Power Relations in Russia

N. V. Shahmatova

The article is devoted to the analysis of various methodological approaches to the sociological study of power – society interaction as well as of the main contradictions and determinants of power relations in modern Russia.

Key words: power, transformation, institutional-matrix approach.

Отличительной чертой современного мира является его вовлеченность в глобальный процесс перемен. Наиболее важным при этом является не только факт процесса перемен, но и его качественные показатели. И прежде всего – экспоненциальные темпы развития. Исходя из этого исследование трансформационных процессов в мире в

целом и социально-политической трансформации властных отношений, в частности, представляется важной научной и практической задачей.

Перспективы вхождения России в глобально-информационное пространство в контексте реальных переходных изменений социума вызывают необходимость по-новому взглянуть на современное состояние властных отношений с позиций изменчивости, нелинейной динамики и нестабильности процессов ее развития. Это предполагает формирование нового подхода на базе сравнительного анализа неомарксистских, постмодернистских, неоконструктивистских, информационно-глобализационных и неинституциональных концепций.

Глобальные общественные изменения, постоянно отслеживаемые специалистами разных научных дисциплин и направлений, протекают различным образом и в различных режимах в конкретных обществах и чаще всего проявляются как трансформации соответствующих социально-политических структур и форм. Проблема взаимодействия стихийного и целенаправленного в процессе социальной трансформации рассматривается при этом через призму различных теоретических подходов в зависимости от инструментария, свойственного определенной научной традиции.

харизматический). Каждый из трех типов власти определяется мотивами повиновения и характером легитимности, признанной управляемым индивидом. Легитимное восприятие власти основано на законах и правилах, традиционное – предполагает устоявшиеся традиции и нравы. Харизматическое восприятие власти основано на экстраординарных качествах лидера, выгодно отличающегося в кругу партнеров или конкурентов.

Третий вид идеальных типов составляют рациональные теоретические конструкции поступков индивидуального характера, в основе которых лежат, как правило, экономические ориентиры и представления индивидов. В свою очередь, экономические ориентиры формируются индивидуально и дифференцированы в зависимости от сложившихся норм и ценностей социума. При этом большое влияние на экономические интересы различных групп оказывают доминирующие в обществе религиозные установки. По мнению М. Вебера, западный капитализм – результат влияния протестантской религии, которая, в отличие аскетизма восточных вероисповеданий, предоставляла возможность увеличения богатства на земле посредством интен-

сивной, а главное эффективной работы. Следовательно, социальная идентичность, сформированная посредством религиозных мировоззрений, предопределяет восприятие индивидами своего места и роли в социуме.

Таким образом, основные концепции М. Вебера представляют новые возможности в рассмотрении теоретико-методологических аспектов социальной идентичности. Анализ базовых теорий известного немецкого специалиста позволяет рассмотреть проблемы социальных идентификаций сквозь призму поведенческих аспектов, теории идеального типа и социологии религии, формируя все новые уровни познания обозначенных тем, требующих тщательного и всестороннего анализа на стыке различных социальных и гуманитарных наук.

Примечания

- 1 См.: Семь нот менеджмента / Под ред. В. А. Красновой. М., 2000. С. 69.
- 2 См.: Арон П. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 510–511.

УДК 316.25 (32.019.52, 342.32.33)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье анализируются различные методологические подходы к социологическому изучению взаимодействия власти и общества, а также основные противоречия и детерминанты властных отношений в современной России.

Ключевые слова: власть, трансформации, институционально-матричный подход.

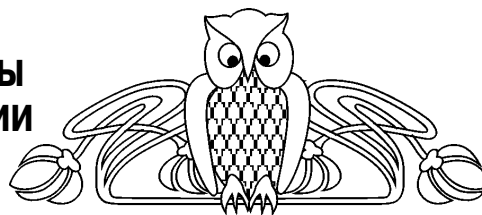
The Main Methodological Problems of Studying Power Relations in Russia

N. V. Shahmatova

The article is devoted to the analysis of various methodological approaches to the sociological study of power – society interaction as well as of the main contradictions and determinants of power relations in modern Russia.

Key words: power, transformation, institutional-matrix approach.

Отличительной чертой современного мира является его вовлеченность в глобальный процесс перемен. Наиболее важным при этом является не только факт процесса перемен, но и его качественные показатели. И прежде всего – экспоненциальные темпы развития. Исходя из этого исследование трансформационных процессов в мире в

целом и социально-политической трансформации властных отношений, в частности, представляется важной научной и практической задачей.

Перспективы вхождения России в глобально-информационное пространство в контексте реальных переходных изменений социума вызывают необходимость по-новому взглянуть на современное состояние властных отношений с позиций изменчивости, нелинейной динамики и нестабильности процессов ее развития. Это предполагает формирование нового подхода на базе сравнительного анализа неомарксистских, постмодернистских, неоконструктивистских, информационно-глобализационных и неинституциональных концепций.

Глобальные общественные изменения, постоянно отслеживаемые специалистами разных научных дисциплин и направлений, протекают различным образом и в различных режимах в конкретных обществах и чаще всего проявляются как трансформации соответствующих социально-политических структур и форм. Проблема взаимодействия стихийного и целенаправленного в процессе социальной трансформации рассматривается при этом через призму различных теоретических подходов в зависимости от инструментария, свойственного определенной научной традиции.

С этих позиций представляется возможным выделить несколько широких групп теоретико-методологических подходов исследователей. Первая группа объединяет труды тех мыслителей, чей гений открыл возможности научного подхода к исследованию окружающего мира с позиций непрерывного процесса изменений (Гесиод, Гераклит, Платон и Аристотель, И. Кант и Г. В. Ф. Гегель и др.). В их трудах заложены основы трансформационного видения социально-политических изменений, в частности, и в границах возможностей своего исторического времени сформулированы основные принципы и механизмы описания процесса данной трансформации. Ко второй группе можно отнести труды основоположников социологии (К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, М. Вебера и др.), которые выявили идеальнотипические конструкции, которые с разных сторон отражают онтологию, генезис и трансформацию социально-политических систем.

В составе третьей группы научных исследований оказались те, предметом которых является предельно возможный дискурс изучения трансформационных процессов в обществе (А. Дж. Тойнби, К. Ясперс, Тейяр де Шарден, М. Блок, Дж. Коллингвуд и О. Шпенглер, Т. Парсонс, К. Мангейм, К. Р. Поппер, Ж. П. Сартр, Э. Гуссерль, П. Рикер, М. Фуко, Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.¹). В них введены матричные представления о параметрах социально-политического процесса, даны конкретные описания отдельных моделей трансформационных процессов как на уровне отдельных социумов, так и на уровне единого мира-системы.

Значительное место в возможности определения и изучения категории социально-политической трансформации принадлежит трудам российских исследователей², которые внесли качественно новое видение проблемы трансформационных процессов на переходной стадии развития общества, а также важный вклад в формирование методологического аппарата, адекватного уровню и масштабу охватившего человечество процесса перемен различных сторон современности (С. Ю. Андреев, Л. С. Варгазарова, А. Н. Данилов, Г. Г. Дилигенский, В. А. Иноземцев, В. А. Ядов, Н. Н. Моисеев, Т. И. Заславская и др.³).

Трансформационный переход российского общества, начавшийся в середине 1980-х гг. и не вполне завершившийся к настоящему моменту, оказался связан со многими болезненными процессами, отразившимися на различных сторонах жизни широких слоев населения. В результате в публицистике и научной литературе интенсифицировались дискуссии по ряду острых вопросов, связанных с проблематикой трансформирующегося общества.

Одна из наиболее распространенных критических интерпретаций связывала часть негативных её последствий со стихийностью переходных процессов в целом. Необходимо учесть, что

предыдущая стационарная модель социального устройства российского общества воспринималась многими наблюдателями как образец ярко выраженной иерархичности и управляемости. Реальные действия политической элиты, управлявшей российским обществом на протяжении предыдущих лет, содержали в себе акцентированную установку на максимизацию властного контроля над всеми сферами социальной жизни. Именно эта установка и послужила одним из основных объектов критики в политической полемике конца 80-х годов.

Подавление неподконтрольных власти элементов социальной организации и доминирование государства, по мнению критиков, были ответственны за поражение Советского государства в социально-экономическом соревновании со странами, где рынок и гражданское общество сохранили определённую автономию от государства. Поэтому идеология раннего этапа трансформационного перехода включала в себя установку на ослабление государственного регулирования социальной жизни.

Таким образом, проблема поиска оптимальных масштабов этатизма-либерализма оказалась в центре внимания многих исследователей российской социальной трансформации. Этому способствовала и популярность синергетических концепций социальной динамики, которая подвела к идее отрицания подавления стихийной социальной энергии, если она не носит откровенно разрушительного характера. В этом плане следует отметить труды, в которых раскрываются особенности трансформации социально-политической сферы современной российской действительности⁴.

Большое количество работ посвящено исследованию феномена социальной трансформации в целом⁵, либо аргументированию выбора конкретных направлений и вариантов формирования политического курса⁶. Среди большого количества исследований в этой области необходимо отметить работы А. Н. Бугреева, А. И. Демидова, М. Г. Макарова, Н. Ф. Наумовой и М. Г. Курбанова и других.

Полифония реальных изменений российского социума вызвала к жизни теорию институциональной матрицы, где основное внимание уделяется изучению устойчивых воспроизводящихся социальных отношений и структур, которые обеспечивают целостность общества и его развитие как социальной системы, задают направления и ограничения его эволюции⁷. Теория матрицы в рамках объективистской неинституциональной парадигмы применительно к изучению властных отношений в условиях российского транзита позволяет выявить устойчивые, существующие как управленческие рамки для социального поведения, глубинные общественные структуры, становление которых обусловлено сложившимися материальными и

социокультурными условиями, увидеть многообразие институциональных форм, рассмотреть взаимодействие институтов рынка, власти и управления, выявить разнонаправленность динамики социально-политических процессов в российском обществе.

Сравнительный анализ концепций дает основания для некоторых обобщений. Во-первых, достаточно большое количество научных исследований, в которых с определенных сторон дается описание трансформационных процессов, свидетельствует как о наличии определенного разброса в методологических подходах и технологиях описания социально-политической трансформации, так и о необходимости комплексного анализа и определения интегративных характеристик и критериев выделения различных моделей данного процесса.

Во-вторых, определяющими принципами традиционной методологии описания социальных процессов до сих пор являлись линейность прогрессивного развития, структурно-функциональный анализ и приверженность одномерности описания социальных процессов. Даже введение в научный аппарат принципов цикличности и волновых характеристик кривой развития не повлияли на определение точек отсчета как одной из позиций в культурологическом, цивилизационном или формационном категориальном ряду.

В-третьих, фронтальный обзор и сравнительный анализ опубликованной информации по изучаемому вопросу показали, что практически все методологические подходы к описанию трансформационных процессов доперестроечного периода в своей основе содержали не столько научные подходы, сколько идеологические предпочтения, востребованные политической практикой противостоящих друг другу социально-экономических систем.

В современных условиях изменились как скорость протекания, так и сам характер изменения социальных и политических процессов, что вызвало изменения и в тенденциях изучения социальных трансформаций. Появились теории которые позволяют создать новую информационную матрицу для обществоведения, такие как концепции самоорганизующихся диссипативных систем, неинституциональности, глобализации и фрагментальной атомизированности и др. Они позволяют по-новому рассмотреть проблему смены состояний качества и уровней структурной организации властных отношений и социальных механизмов их формирования. С их помощью возможно описание сущности трансформационного процесса в социальном поле России и регионов, выявление общего и особенного в изучаемых процессах и осуществление типологизации системной трансформации социальной основ властных отношений в переходном обществе.

Вместе с тем, несмотря на серьезную теоретическую проработку, целостной теории трансформации общественных явлений пока нет, и даже ее формирование не прослеживается. Иными словами, в настоящее время в социологической литературе обнаруживается определённый пробел в области теоретического осмысления социально-трансформационного процесса. В связи с этим наиболее целесообразной стратегией исследования представляется критическая интерпретация теоретических концепций стихийности, целенаправленности и социальных трансформаций в сочетании с анализом процесса формирования стратегий социальных субъектов, важнейшими элементами которого являются стихийность и целенаправленность. Концептуализация трансформаций, имеющих место в переходных, транзитивных обществах, на наш взгляд, может обеспечить разработку теоретических многоуровневых моделей трансформации властных отношений переходного общества.

Анализ основных методологических подходов к исследованию социального механизма властных отношений позволяет выявить особенности и познавательный потенциал комплексного инновационного подхода, который представляет собой формализованный исследовательский конструкт, отражающий специфику и существенные характеристики социально-политической сферы и ее трансформации в современных российских условиях. Он отличается концептуальной универсальностью, функциональностью, многоуровневостью, взаимозависимостью, структурной разнонаправленностью. Этот подход обеспечивает целостность, динамичность и перспективность его социологического видения изучаемых процессов.

Трансформирующееся российское общество характеризуется изменчивостью, повышением уровня разнонаправленной социальной мобильности (при доминировании горизонтальной и нисходящей), пирамидальностью социальной организации, многоукладностью, приоритетом политики над экономикой, регионализацией, всеобщей фрагментацией, институционализацией и доминированием скрытых (латентных) функций в деятельности практически всех социальных институтов в обществе. Это вызывает необходимость акцентировать внимание на взаимодействии основных субъектов процесса преобразования общества, на традиционно-инновационном механизме стабилизации позитивного динамического вектора транзитивного социума и проблемах оптимизации его мобилизационных импульсов в социально-политической сфере.

Проявлением трансформации власти выступает многослойность, включающая в себя государственные, партийные, общественные некоммерческие структуры и организации, временные целевые сообщества, консалтинговые и иные коммерческие структуры и пр. Это обуславливает

появление институционально-матричной модели данной сферы и способствует формированию в России новой социально-политической стратегии академического капитализма, которая, сопрягаясь с информационной и образовательной эксклюзивностью, усиливает дискриминантные формы властных отношений в регионах по мере их удаления от центральных информационных и финансовых потоков.

С точки зрения социально-политического взаимодействия система властных отношений обнаруживает снижение интенсивности и устойчивости функциональной сопряженности с разнообразными социальными подсистемами, в том числе и с социальной стратификацией. Это проявляется в недостаточном стимулировании социальной мобильности, социального контроля, дискретности социокультурной трансляции общественно значимых политических, гражданских, патриотических норм и ценностных установок, в усилении латентных функций и социальной селективности политических структур. Одновременно это сопровождается нарастанием противоречий во властных отношениях как по линии центр – регионы, коммерческие – бюджетные – общественные, партийные формы, так и по линии гражданско-демократического и имперско-элитарного компонентов властных отношений в институциональном и массовом сознании, в разрыве между этими уровнями.

Процесс трансформации социально-политической сферы в современных российских условиях отличается концептуальной многоуровневостью, взаимозависимостью, структурной разнонаправленностью. Последнее обостряет противоречия между рыночными (коммерческими), дорыночными (бюджетными) и архаичными (в том числе криминальными) формами предоставления властных отношений, противоречия в социально-политическом пространстве центра и региона, противоречия между различными уровнями политической активности, между активной поддержкой реформирования социально-политической сферы «сверху» и неоднозначным отношением (вплоть до пассивного сопротивления) «снизу». Эти противоречия выступают как проявление нарушения системного характера политической сферы.

Проведенный анализ показал, что доминирующим фактором социально-политических трансформаций в регионах выступают стратегии, определяемые вертикалью власти, особенно центра, так как региональная элита ориентирована на адаптационные стратегии. На втором месте по значимости выступает экономико-финансовый фактор, который сегодня в значительной степени взаимосвязан с территориальным, так как различные регионы области имеют различный уровень ресурсов и возможностей для проведения социально ориентированной политики на принципах самофинансирования.

Примечания

- 1 См. подробнее: *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980; *Шарден П. Т. де.* Феномен человека. М., 1987; *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. М., 1993–1998; *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1994; *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991; *Он же.* Цивилизация перед судом истории. М., 1996; *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3; *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994; *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992; *Рикер П.* Герменевтика, этика, политика. М., 1995; *Он же.* Герменевтика и метод социальных наук. М., 1995; *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989; *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992; *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996; *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII века: В 3 т. М., 1992; *Он же.* Динамика капитализма. Смоленск, 1993; *Валлерстайн И.* Развитие: путеводная звезда или иллюзия? // Глобальные и региональные перемены в работах Иммануила Валлерстайна. М., 1998.
- 2 См.: *Бердяев Н.* Самопознание. М., 1991; *Он же.* Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1990; *Он же.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989; *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995; *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993; *Ключевский В. О.* Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968; *Соловьев А. И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества. М., 1998; *Соловьев В. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1989; *Сорокин П. А.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992; *Шлет Г. Г.* Сочинения. М., 1989 и др.
- 3 См.: *Абдеев Р. Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994; *Андреев С. Ю.* Наше прошлое, настоящее и будущее // Постигание. М., 1989; *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: В 2 т. М., 1999; *Барг М. А.* Цивилизационная методология: историографический контекст // Международные исследования. 1993. № 7; *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М., 1989; *Вартазарова Л. С.* Восхождение в XXI век (К вопросу о «новом социализме»). М., 1997; *Вернадский В. И.* О науке. Дубна, 1997; *Гордиенко А. А.* Макрокультуры в контексте коэволюционного развития человечества. Новосибирск, 1997; *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1994; *Он же.* Конец и вновь начало. М., 1994; *Данилов А. Н.* Переходное общество: Проблемы системной трансформации. М., 1998; *Дилигенский Г. Г.* «Конец истории», или Смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3; *Дзарасов С. С.* Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994; *Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994; *Иноземцев В. А.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества. М., 1998; *Он же.* Расколота цивилизация.

- М., 1999; *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М., 1995; *Он же.* Коммунизм как реальность. М., 1994; *Он же.* Конец российского эксперимента. М., 1995; *Кара-Мурза С. Г.* Евро-центризм. Скрытая идеология перестройки. М., 1996; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: проблемы теории исторического процесса. М., 1981; *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972; *Красильщиков В. А., Зиборов Г. М., Рябов А. В.* Модернизация России: Мировой опыт и наши перспективы // Кентавр. 1992. Май-июль; *Крылов В. В.* Теория формаций. М., 1997; *Моисеев Н. Н.* Причины крушения и рычаги процветания // Российская провинция. 1994. № 2; *Он же.* Современный рационализм. М., 1995; *Он же.* Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993. М., 1997; *Он же.* Мировое сообщество и судьба России. М., 1997; *Он же.* Время определять национальные цели. М., 1997; *Он же.* Судьба цивилизации: Путь Разума. М., 1998; *Он же.* С мыслями о будущей России. М., 1997; *Он же.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3; *Он же.* Расставание с простотой. М., 1998 и др.; *Осинов Г. В.* Экономика и политика. М., 1995; *Он же.* Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997; *Осинов И. Д.* Философия русского либерализма XIX – начало XX в. СПб., 1996; *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; *Он же.* Философия политики: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 1996; *Он же.* Вторая Европа, или Третий Рим: Избранная социально-философская публицистика. М., 1996; *Он же.* Россия между атлантизмом и евразийством. Цивилизационный процесс и вызов Запада // Российская провинция. 1993. № 1; *Он же.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; *Пантин В. И.* Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; *Черняк Е. Б.* Цивилиография. Наука о цивилизации. М., 1996; *Юзвишин И. И.* Информациология, или Закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной. М., 1996; *Яковенко И.* Цивилизация и варварство современной России // Общественные науки и современность. 1996. № 4 и др.
- ⁴ См.: *Гельман В. Я.* Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; *Мельвиль А. Ю.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999; Социальные трансформации в Европе XX века / Сост. М.Б. Корчагина. М., 1998; *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Российская реформа: Проблема признимости ретроспективных и сравнительных аналогий // Политическая наука. Реформа и власть. М., 1998; *Карпов В. В.* Социально-экономические основы региональной политики в условиях трансформации общества: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1998; *Хайрулов Д. С.* Формирование системы государственного регулирования социально-экономической трансформации субъекта Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997; *Шегорцев А. А.* Социализация молодежи в условиях макроэкономической трансформации российского общества: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1998 и др.
- ⁵ См.: *Заславская Т. И.* Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т. И. Заславской, З. И. Калугиной. Новосибирск, 1999; *Красильников Д. Г.* Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918 гг., 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998; *Ядов В. А.* А ведь же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. Ядова. М., 2001; *Castles S.* Studying Social Transformation // Inter. Polit. Science Rev. 2001. Vol. 22, iss. 1; *Genov N.* Global Trends and Eastern European Societal Transformations // Inter. Social Science J. 2000. Vol. 52, iss. 166; *Kollontai V.* Social transformations in Russia // Inter. Social Science J. 1999. Vol. 51, iss. 159; *Sanderson S.* Social Transformations: A General Theory of Historical Development. Lanham, 1999; *Smelser N.* Social transformations and social change // Inter. Social Science J. 1998. Vol. 50, iss. 156.
- ⁶ См.: *Беляев Э. В.* Трансформация: у каждой страны уникальный путь // Социс. 2002. № 10. С. 37–44; *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? / Под ред. В. Н. Садовского, В. А. Ядова. М., 1999; *Панов П. В.* Трансформации политических институтов в России: Кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6; *Поздняков А. В.* Стратегия российских реформ. Томск, 1998; *Fedotova V.* The Criminalization of Russia: Autochthonous Capitalism as a Reaction to Right-Wing Radicalism // Sociolog. Research. 2002. Vol. 41, № 5, Sept.-Oct.
- ⁷ См.: *Курдина С. Г.* Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. М., 2001; *Она же.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

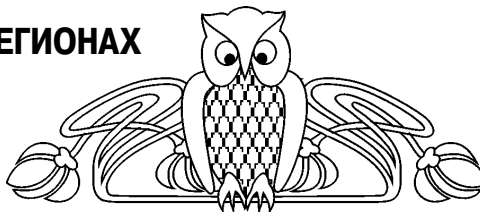

УДК 321022 (32.019.5)

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ТРЕНДОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕНТРЕ И В РЕГИОНАХ

И. А. Бегинина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: Beginina IA@info.sgu.ru

В статье раскрываются основные модели властных отношений в регионах современной России, показываются их отличительные особенности, противоречия и факторы, способствующие их трансформации в Саратовской области.

Ключевые слова: властные отношения, регион, элита.

The Social Foundations of the Main Trends of Power Relations in the Centre and in the Region

I. A. Beginina

The article deals with the main models of power relations in the regions of modern Russia, their distinguished characteristics, contradictions and factors contributing to their transformations in Saratov region.

Key words: power relations, region, elite.

В начале XXI в. возрос научный интерес к изучению переходных периодов развития российского общества, что связано с завершением в России сложной общесистемной трансформации. Важнейшим направлением в изучении переходных периодов признается анализ властных отношений, исследование содержания, форм, методов реализации власти, борьбы общественно-политических сил за ее обладание¹.

Необходимо отметить, что политические процессы в период перестройки и постсоветской России 1990-х гг. сопровождались радикальным изменением всей системы политических, властных отношений. Осмысление этой трансформации невозможно без изучения проблематики элиты как ключевого актора политического процесса в переходные периоды, которая сохраняет свои позиции в системе общественных отношений, но проводит внутреннюю перегруппировку сил, приводя к власти новые элитные группы. По справедливому мнению А. И. Соловьева, «... как демонстрирует опыт переходных преобразований, главный источник политических инициатив, как правило, находится в элитарных слоях, для которых институты выступают важнейшей формой проектирования социальных отношений, средством формирования и регулирования политического пространства»².

Говоря о трансформации элиты в постсоветской России, исходным пунктом анализа должен быть ретроспективный взгляд на властные структуры советского общества. Ответ на вопрос о перспективах и дальнейших траекториях развития

требует основательного исторического анализа, с тем чтобы представить место и роль института номенклатуры в общем контексте трансформации властных отношений в российском обществе. Что произошло в недрах советской политической элиты, в результате чего стал возможным кризис и распад системы власти? Почему она сама стала претворять в жизнь социальные и политические новации, которые буквально за несколько лет разрушили старые общественные конструкции? Эти и другие вопросы приводят к необходимости предметного изучения тех внутренних изменений в правящем слое, которые предопределили дальнейшие преобразования всей системы.

Номенклатура не следует рассматривать вне исторического контекста. Как установление, так и падение этого института власти – закономерный процесс. Будучи создана для решения стоящих перед государством задач, номенклатура изначально и по своей сути была образованием временным; институтом тоталитарного общества, функциональным в силу наличия лидера, контролирующего её. Иначе она начинает саморасширяться, а механизмов контроля над ней в обществе нет. Далее она становится неэффективным средством управления, в результате чего существование института номенклатуры пришло к своему логическому концу. Социально эта система дифференцирована на три уровня:

- 1) уровень лиц, принимающих решения, касающиеся социально-экономического и политического развития региона в целом;
- 2) уровень лиц, переводящих эти решения на уровень практических социальных технологий;
- 3) уровень лиц, осуществляющих в основном исполнительские функции.

Элита принадлежит к первому уровню, бюрократия – ко второму и третьему и соответственно подразделяется на высшую и низшую бюрократию. Бюрократия более многочисленна и более стабильна, чем элита. Она, как правило, целиком не заменяется в связи со сменой регионального лидера. Элита же едва ли не целиком в этих условиях обновляется. Между элитой и бюрократией соблюдается строгая служебная иерархия и довольно существенная не только должностная, но и социальная грань. Функции сращивания власти и собственности, отчуждения общества от власти

осуществляет в основном элита. Она менее номенклатурна, поскольку персонально зависит от итогов выборов губернатора области и президента автономии.

Становление и развитие государственной службы в регионе зависит от той модели властных отношений, которая уже существует, и одновременно от той модели, на достижение которой ориентируется региональная элита и бюрократия. Первый тип характеризует командно-административную модель управления, нередко именуемую системой умеренного или либерального авторитаризма, работники которой имеют следующие качественные черты: избегают риска, занимаются рутинной деятельностью, концентрируются на самой деятельности, не любят изменений, избегают брать на себя ответственность за принятое решение из-за боязни административного наказания, концентрируют внимание на ограничениях, выдвигают на первый план безопасность, не имеют желаний переобучаться.

Это относится в основном к бюрократии, в первую очередь к низшей. На элиту в командно-административных системах распространяются совершенно иные правила: принятие управленческих решений единолично, если это касается первых лиц области, и в первую очередь это относится к бюджетным, кадровым вопросам, к отношениям с системой местного самоуправления; отсутствие реального контроля и ответственности представителей элиты за принятые решения; определение основных принципов и направлений экономической и социальной политики в регионе в обход законодательных органов или путем давления на них; самостоятельное распоряжение бюджетными ресурсами региона и нередко в личных или клановых целях.

Административно-командной системе управления в регионе соответствует так называемая гильдейская система ротации и подбора кадров государственных служащих. Для этой системы гильдий характерны: закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь вверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постоянное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии; высокая степень институализации отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров – формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность (пример с «Единой Россией»), возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т.д.; небольшой, относительно закрытый круг электората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или первый руководитель – губернатор или президент автономии; тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу эта черта вытекает из предыдущих – наличия многочисленных формальных требований, под-

бора кадров узким кругом руководителей, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Вторая (интенсивная) модель управления характеризуется принципиально иными качественными чертами, которыми должен обладать государственный служащий. Указанная модель пронизана рыночной, инновационной психологией и ориентирована на такие черты, как риск, постоянное применение инноваций, концентрацию на результатах деятельности, стремление к изменениям, отношение к ошибкам с пониманием и учебу на них, концентрацию внимания на появляющихся возможностях, шансах, выдвижение на первый план необходимости достижений, трактовку обучения работников как выгодные инвестиции.

При всей видимости противоположности интенсивной модели регионального управления его административно-командной модели они тем не менее в отдельных своих элементах дополняют друг друга. Нет собственно чисто командно-административных и интенсивных моделей управления, как нет чистых и качественных однозначных явлений в региональной политике. Довольно существенным отличием двух отмеченных моделей является то, что в интенсивной или инновационной модели нет двойных стандартов требований к элите и бюрократии. Эти требования едины, подчинены контролю со стороны общества и его гражданских институтов и весьма прозрачны, легко проверяемы и включены в эффективную систему аттестации государственных служащих.

Инновационной модели управления соответствует антрепренерская (предпринимательская) система подбора и ротации государственных служащих. Эта система во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятия лидирующих позиций; небольшое число формальных требований, институциональных фильтров; широкий круг электората, который может включать всех избирателей региона; высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; первостепенная значимость личностных качеств, индивидуальной активности, умение найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Нужно отметить, что в настоящее время ни в чистом, ни в смешанном виде не действует ни гильдейская, ни антрепренерская модели подбора и ротации кадров государственных служащих в регионах. Действует своего рода авторитарно-мобилизационная модель, довольно неустойчивая и неорганичная. По этой модели команды губернаторов и президентов автономий как приходят, так и уходят вместе с ними. Преимущество и стабильность в этом случае отсутствуют. Один клан у власти заменяет другой клан. Сменяются

у власти все: от элиты до нищей бюрократии. Причем, хотя эта смена и носит тотальный характер, она многоэтапна. Вначале уходят первые лица, затем вытесняется и заменяется высшая бюрократия. Низшая бюрократия заменяется обычно не полностью, частично она остается в обновленном аппарате, но положение ее довольно неустойчиво.

С формальной точки зрения Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» предполагает вовлечение в нее работников с различными качественными чертами. Государственная служба предполагает как интенсивную, так и экстенсивную модели управления, ориентироваться на различные профессиональные виды деятельности, в которых заняты руководители различного ранга. Среди них формальные и неформальные лидеры, их заместители, советники и консультанты, исполнители и канцелярские работники. Поэтому модель обучения в России, несмотря на устойчивость сложившихся стереотипов управления, не может быть ориентирована на узкий круг критериев оценки управленческих работников. Само понятие «государственная служба в регионе» неоднозначно по своему социально-политическому содержанию и наполнению, поскольку неоднозначно и многогранно само понятие региона.

И все семь федеральных округов, и их подразделения (области, края, автономии) являются регионами различного уровня. В этом случае в состав регионов входят и Москва и Санкт-Петербург. Организация государственной службы в данных регионах довольно привилегированна, также имеет как универсальные, так и специфические региональные особенности. Универсальные или общие черты определяются как социальными, так и политико-правовыми факторами. Московский и Петербургский социумы, в том числе и находящиеся в них государственные служащие, являются элементами общегосударственной социальной структуры и подчинены действию общих социально-экономических и общественно-политических закономерностей. В них действуют условно общие трансформационные процессы. Условно, потому что это привилегированные города, и у государственных служащих в этих городах более высокий общественный статус, чем у провинциальных госслужащих, более широкие возможности использования собственного интеллектуального и профессионального потенциала, для получения личных материальных выгод, для карьерного продвижения в федеральные органы власти. Известно, что в настоящее время кадровые вопросы решаются не столько федеральным законом о государственной службе, а тремя неформальными кланами или клиентелами: семьей (ельцинское окружение), московским правящим и петербургским правительственным кланом.

Государственные службы в Московском и Санкт-Петербургском регионах во многом связа-

ны с обслуживанием интересов олигархических структур, которые в настоящее время совершают не только экономическую, но и политическую экспансию в регионы. Вполне вероятно, что подобная тенденция приобретет устойчивый характер, и со временем государственная региональная служба напрямую будет вмонтирована в обслуживание интересов олигархических кланов. Собственно олигархами была выдвинута идея установления жесткой вертикали власти, внешне имеющая цель покончить с региональным сепаратизмом, со своеволием губернаторов и президентов автономий. Эта, казалось бы, благая цель ставит более широкие и масштабные задачи, а именно сформировать российскую политическую систему по обслуживанию интересов олигархов и фиксирующую то состояние социальной дифференциации общества, которое сейчас имеется. При неорганичности и неуправляемости хрупкого современного социального порядка планируется создать довольно мощную и авторитарную внешнюю для него политическую оболочку. Так называемая политическая реформа мыслится как еще большее отчуждение общества от власти и приближение региональной государственной службы к поддержанию данного отчуждения. Тем самым расширяется сфера влияния олигархии.

Государственная служба привилегированных регионов наряду с финансовыми структурами обеспечивают привилегированную жизнь отмеченных социумов. Как известно, в Москве нет добычи нефти – однако через Московскую нефтяную биржу проходит 70% биржевого оборота нефти и нефтепродуктов. То же самое можно сказать и в отношении цветных металлов (через соответствующую московскую биржу проходят 85% никеля, 74% меди, 60% свинца, 50% алюминия), леса и лесоматериалов (через расположенную в Москве «Рослесбиржу» проходит 70–80% биржевого оборота продукции из леса. Столичная рента прослеживается не только в Москве, но и в наиболее крупных административных центрах субъектов РФ. Так что объективная оценка эффективности деятельности государственной службы в регионах в этих условиях едва ли возможна и одновременно едва ли возможна инновационная модель регионального управления, поскольку она связана с осуществлением риска. В отмеченной ситуации возможности риска резко сужаются.

В связи с реструктурированием российского общества возникают необходимые предпосылки для становления нового типа властных отношений. Как полагает В. Д. Виноградов, трудности в подобном становлении обусловлены наличием определенных «троп зависимости» новых институтов от старых³. Тропы зависимости, прежде всего, в сохранении прежних стереотипов поведения, ценностных установок, норм взаимодействия в сознании людей. Успешность и скорость трансформационных преобразований напрямую связана со способностью самого обще-

ства адаптировать и принять (перенять) новые нормы взаимодействия.

В результате социальных и политических преобразований во многом сменился персональный состав элитных групп, изменились социально-демографические характеристики и трансформировались основные структурные элементы власти (отсутствие монолитности, идеологический плюрализм элитных групп). В то же время эти изменения осуществлены на фоне значительной преемственности в формах взаимодействия, ценностях и ориентирах новых элитных групп (авторитарность управления, патрон-клиентные связи). Эта преемственность далеко не всеобща, наряду с существованием старых норм взаимодействия идёт институционализация новых, свойственных демократическому общественному устройству. Пережитки старых норм объясняются как воздействие института номенклатуры, которое со временем, возможно, прекратится.

Далее следует остановиться подробнее на конфликтах интересов внутри элиты как неотъемлемого признака внутрисистемного переходного периода. В рамках авторитарного общества советского типа установлено существование артикулированного конфликта интересов, который, как правило, носил внутриэлитный характер и являлся способом разрешения назревших противоречий в обществе. Субъектами данного политического конфликта выступали именно группы интересов, находящиеся на более высоком уровне внутриэлитной организации, нежели клиентелы.

Внутриэлитный конфликт интересов в условиях трансформации авторитарной советской общественно-политической системы не привел к появлению качественно иной (демократической) модели развития. Вышедшие победителями из внутриэлитных баталий группы интересов являлись в большей степени защитниками и хранителями существовавших политических традиций.

Во внутрисистемный переходный период от политики реформ к стратегии политической стабилизации региональная элита в силу специфики своего положения проявляет себя как конфликтная группа в трех «системах координат». В условиях формирования нового политического пространства конфликт интересов структурируется, во-первых, по критерию обладания власти; во-вторых, по уровням власти; в-третьих, по «отраслевому» принципу. Для региональной элиты доминантой развития конфликта является защита внутриэлитных интересов от стихийного воздействия масс.

Что касается осознания собственных интересов в политической системе региональных властных структур и бизнес-элиты, то здесь прослеживается слабый уровень гражданско-государственной идентичности⁴. Идентификация наблюдается в относительно небольших группах (предприятие, организация) и территориально ограничена городом и регионом. При рассмотре-

нии солидаризации в более крупном масштабе идентификации практически не наблюдается. Например, только 12,3% опрошенных ощущают близость с людьми схожих политических взглядов. Немного выше процент (23,1%) ощущения близости людей, принадлежащих к одной вере.

Еще одним свидетельством слабой гражданско-государственной идентичности является отсутствие солидаризации граждан с президентом. В транскриптах глубинных интервью встречается «наш Володин», «наша Слиска», «наш Гусев» – идентификация с популярными саратовскими политиками. Но необходимо отметить, что ни в одном из интервью не встретилось выражение «наш Президент». Только 9,4% респондентов высказывают лояльность к президенту в значительной степени. Как выяснилось, жители области более лояльны к президенту, чем жители областного центра.

Гражданская идентификация через солидаризацию с гражданами страны, тем более в образе «мы», среди экспертов не отмечается. Напротив, наблюдается негативное отношение к народу. Народ и для представителей власти, и для представителей бизнеса – это в основной своей массе нелюди – биомасса человекоподобных существ, не наделенных разумом. Большинство опрошенных респондентов воспринимают сограждан как людей с дефектным сознанием, неспособных к рефлексии, обвиняя в этом в первую очередь наше общество и государство с мощной системой монополизированных СМИ, в результате работы которых и происходит массовое зомбирование⁵. Бизнесменов пугает пассивность народа, незаинтересованность в отстаивании демократических завоеваний гражданского общества. Отметим, что только один респондент из числа опрошенных заявил: «я патриот своей страны». Складывается впечатление, что быть патриотом «не модно», а соответственно и отстаивать национальные интересы страны тоже.

У чиновников также не проявляется открыто чувство патриотизма, но прослеживается идентификация с государством. Более того, у представителей власти не встречаются заявления «мы – граждане», в их позиции – «государство – это мы» проявляется гиперидентичность с государством. Результаты качественного и количественного анализа на основе территориально-пространственного критерия стратификации не совпадают. Как показывает сравнительный анализ, для жителей Саратовской области гораздо важнее солидаризации по таким показателям, как: «родиться в России», «иметь российское гражданство», «мы – славяне» «чувствовать ответственность за страну», «земляки, жители города, села, области», «быть той же национальности».

Подобная картина наблюдается и в массовом сознании регионального социума. Так, по результатам анкетирования населения⁶ Саратовской области, основными институтами, с

деятельностью которых население связывает надежды на улучшение своего положения, являются органы исполнительной власти, причем наибольшим лимитом доверия обладает представитель федерального уровня власти президент (его указали 41,2% опрошенных), тогда как администрация Саратовской области, органы национальной безопасности, правоохранительные органы и армия значительно отстают по этому показателю (соответственно 12,6, 10,7, 10,7 и 14,5%). На втором месте по уровню ожиданий со стороны населения находятся органы законодательной власти, и здесь представители федерального уровня находятся в более выигрышном положении: Совет Федерации был указан 25,5% респондентами, Государственная дума – 9,8%, законодательные органы Саратовской области – 12,6%. Наконец, законодательная ветвь власти находится на самых последних позициях: с судами и мировыми судьями надежды на улучшение своей жизни в будущем связывают 8,5% и 8,8% опрошенных соответственно. Наряду с этим политические партии были указаны лишь в 8,5% случаев, средства массовой информации – 10% случаев и бизнес – 10,5%.

Даже с учетом традиционной для российского населения ориентированности не на организационные структуры, а на конкретных людей, находящихся на тех или иных постах, степень доверия региональным лидерам сохраняется на достаточно низком уровне. В той или иной степени губернатору Саратовской области доверяют лишь 42,3%, тогда как недоверие проявляют 57,7%, более того, выражение крайней степени недоверия (23,3%) практически в 6 раз (!) превышает крайнюю степень доверия населения (4%) к этому политическому лидеру. Еще более пессимистичная картина наблюдается при анализе отношения населения к муниципальным органам управления. Степень недоверия проявляют в общей сложности 72,2% опрошенных, тогда как доверие, и то только при определенных условиях, демонстрируют 27,8 % респондентов.

Субъекты реальной региональной политики недооценивают население и отдельных его представителей как возможных субъектов публичной политики. Население в их глазах выступает скорее как объект манипулирования, нежели политический субъект. Интересы населения представлены слабо, чаще всего выступают как ресурс для собственного политического выживания, что позволяет оценивать уровень публичной политики в регионах как локальный и в сильной степени зависимый от доминирующих политических акторов в регионе. И в данном варианте вряд ли возможно говорить о модернизационном прорыве, предполагающем совершенно иные формы публичной политики.

Таким образом, проведенный анализ исследования показал, что основные тренды форми-

рования и трансформации властных отношений зависят от следующих факторов.

1. Отсутствие четкой национальной концепции трансформирования. Россия опять в который раз пошла по одной из возможных моделей развития догоняющей страны. Мы стали на путь простого подражания западной цивилизации без полного учета социокультурных традиций нашего общества. Попытка простого копирования пути развитых стран, безусловно, дает определенные результаты, но имеет неразрешимые препятствия.

2. Экономическая база реформирования. Чрезвычайно милитаризованная экономика (до 80%) и низкая технологичность, неконкурентоспособность потребительских товаров в период реформ из-за отсутствия инвестиций привели к фактической остановке или сокращению многих производств. В данном случае речь идет о базе того общества, которое было построено в советское время и в котором проявилось идеологическое содержание той системы.

3. Менталитетные особенности россиян. Этот фактор является определяющим сегодня, так как первые два претерпевают изменения, а традиционное мышление и понимание, ценностные ориентации меняются недостаточно быстро. Структура ценностей россиян и, следовательно, стиль жизни, к сожалению, во многом отличается от структуры западных ценностей. Пока структуру ценностей россиян не определяют нормы и правила рыночного поведения. Как показывают исследования⁷, в менталитете россиян не представлены глубоко такие ценности рыночной экономики, как собственность, хозяйство (дело), труд. Ценность труда находится фактически во внешнем слое системы ценностей россиян. Есть понятие “идеального” труда, но ценность реального труда аморфна.

4. Низкий уровень гражданско-государственной идентичности в различных социальных слоях позволяет констатировать, что основным актором, осуществляющим поддержку населения (по оценкам самих граждан), выступают органы федеральной власти, которые и предопределяют основные тренды формирования и трансформации властных отношений в центре и регионах. На региональном уровне чиновники имеют наиболее сильный уровень гражданской идентичности, «государство – это МЫ», что прослеживается в экспертных интервью.

Таким образом, мы можем говорить о том, что процесс трансформации властных структур в современной России ещё не закончен. Усвоение новых норм властного взаимодействия и новых, принципиально иных ценностных установок потребует немало времени. Некоторые социологи оценивают продолжительность данного процесса как минимум периодом жизни одного поколения (15–20 лет). Вместе с тем налицо значительные сдвиги в данном на-

правлении. Поскольку процесс трансформации не закончен, сохраняется высокая вероятность централизации власти и доминирующим фактором социального развития регионов выступают стратегии, определяемые вертикалью власти, особенно центра, поскольку региональная элита в большей степени ориентирована на адаптационные стратегии.

Примечания

- ¹ См.: *Красильников Д.Г.* Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918 гг., 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998. С. 3.
- ² *Соловьев А.И.* Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник*. М., 2004. С. 314.
- ³ См.: *Виноградов В.Д.* Политическая реформа в России: проблемы и противоречия // <http://www.soc.pu.ru/archive/polsk.shtml#link12>

- ⁴ Данный вывод базируется на результатах 32 глубинных интервью, проведенных летом 2006 г. в рамках проекта «Будущее России: взгляд из центра и регионов».
- ⁵ Из интервью с представителем региональной власти: «Да у нас народ -то какой стал – как овцы. Куда, чего... наверное, уже смирились. Потому что выборов у нас как таковых демократических уже давно нет. Все, что запланируют, те люди и проходят. Это не демократия». «На самом деле то, что Путин выступил со своим посланием за второго ребёнка решил сделать доплату 250 тысяч рублей, которые могут на обучение потратить, не на речку и в овраг и пропить, что будут делать маргинальные семьи в которых там восемь детей, которые оборвыши ходят и кур воруют, для того чтобы купить наркотики...»
- ⁶ Социологический опрос «Социальные реформы и их последствия для жителей региона сегодня и завтра» проводился весной 2006 г. методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотной-стратифицированной выборки составил 739 респондентов – жителей г. Саратова и Саратовской области.
- ⁷ См.: *Горшков М. К.* Массовое политическое сознание: противоречия и парадоксы // Тезисы II Всерос. социолог. конгресса // <http://lib.socio.msu.ru/library>

УДК 32.019.51

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РЕГИОНЕ

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: ivchenkovsg@yandex.ru

Статья нацелена на выявление особенностей СМИ как канала взаимодействия власти и общества. Выделяются основные факторы эффективности влияния средств массовой информации на общественное мнение в регионе и социально-политическую ментальность.

Ключевые слова: СМИ, гражданское общество, власть, общественное мнение.

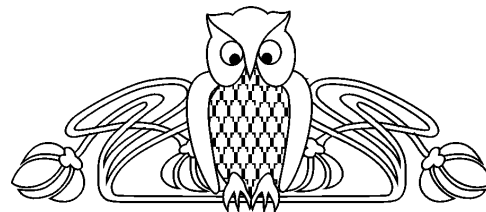
The Instrument of Mass Media Impact on the Social Opinion in the Region

S. G. Ivchenkov

The article aims at clearing up mass media channels interaction peculiarities between power and society. The main factors of mass media impact effectiveness on social opinion and socio – political mentality in the region are distinguished.

Key words: mass media, civil society, power, public opinion.

Для анализа эффективности СМИ и образовательных учреждений в контексте детерминации формирования и изменения властных отношений обратимся к анализу результатов социологических исследований, которые позволили выявить механизм воздействия СМИ

на общественное мнение населения. Формирование общественного мнения – сложный процесс. Источник его не только в естественной разделенности граждан, но и в равной степени во внешних факторах, среди которых наиболее значительным остается избирательная система. В этом смысле если политическое деление образует некие рамки, предписываемые общественному мнению извне, то это скорее отражение расхождений, существующих внутри самого общественного мнения.

Важным фактором формирования политических предпочтений респондентов является степень их доверия СМИ. Возникает вопрос о возможности воздействия на предпочтения избирателей посредством политической рекламы и пропаганды через СМИ и другие проявления. По нашим данным, решающее воздействие при голосовании оказали: выступления лидеров партии по телевидению – 39%; предвыборные ролики партии по телевидению – 13; советы знакомых и близких – 10; комментарии известных людей, журналистов – 9; реклама по радио – 9; я сам принял это решение – 24%¹.

правлении. Поскольку процесс трансформации не закончен, сохраняется высокая вероятность централизации власти и доминирующим фактором социального развития регионов выступают стратегии, определяемые вертикалью власти, особенно центра, поскольку региональная элита в большей степени ориентирована на адаптационные стратегии.

Примечания

- ¹ См.: *Красильников Д.Г.* Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918 гг., 1985–1993): опыт сравнительного анализа. Пермь, 1998. С. 3.
- ² *Соловьев А.И.* Институциональные эксперименты в пространстве политической культуры: реалии российского транзита // *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник*. М., 2004. С. 314.
- ³ См.: *Виноградов В.Д.* Политическая реформа в России: проблемы и противоречия // <http://www.soc.pu.ru/archive/polsk.shtml#link12>

- ⁴ Данный вывод базируется на результатах 32 глубинных интервью, проведенных летом 2006 г. в рамках проекта «Будущее России: взгляд из центра и регионов».
- ⁵ Из интервью с представителем региональной власти: «Да у нас народ -то какой стал – как овцы. Куда, чего... наверное, уже смирились. Потому что выборов у нас как таковых демократических уже давно нет. Все, что запланируют, те люди и проходят. Это не демократия». «На самом деле то, что Путин выступил со своим посланием за второго ребёнка решил сделать доплату 250 тысяч рублей, которые могут на обучение потратить, не на речку и в овраг и пропить, что будут делать маргинальные семьи в которых там восемь детей, которые оборвыши ходят и кур воруют, для того чтобы купить наркотики...»
- ⁶ Социологический опрос «Социальные реформы и их последствия для жителей региона сегодня и завтра» проводился весной 2006 г. методом формализованного интервью. Объем вероятностной, квотной-стратифицированной выборки составил 739 респондентов – жителей г. Саратова и Саратовской области.
- ⁷ См.: *Горшков М. К.* Массовое политическое сознание: противоречия и парадоксы // Тезисы II Всерос. социолог. конгресса // <http://lib.socio.msu.ru/library>

УДК 32.019.51

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РЕГИОНЕ

С. Г. Ивченков

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: ivchenkovsg@yandex.ru

Статья нацелена на выявление особенностей СМИ как канала взаимодействия власти и общества. Выделяются основные факторы эффективности влияния средств массовой информации на общественное мнение в регионе и социально-политическую ментальность.

Ключевые слова: СМИ, гражданское общество, власть, общественное мнение.

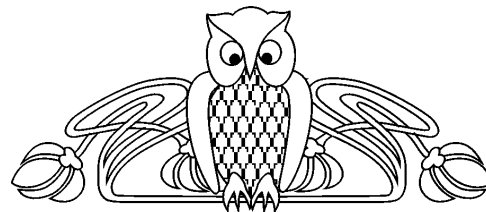
The Instrument of Mass Media Impact on the Social Opinion in the Region

S. G. Ivchenkov

The article aims at clearing up mass media channels interaction peculiarities between power and society. The main factors of mass media impact effectiveness on social opinion and socio – political mentality in the region are distinguished.

Key words: mass media, civil society, power, public opinion.

Для анализа эффективности СМИ и образовательных учреждений в контексте детерминации формирования и изменения властных отношений обратимся к анализу результатов социологических исследований, которые позволили выявить механизм воздействия СМИ

на общественное мнение населения. Формирование общественного мнения – сложный процесс. Источник его не только в естественной разделенности граждан, но и в равной степени во внешних факторах, среди которых наиболее значительным остается избирательная система. В этом смысле если политическое деление образует некие рамки, предписываемые общественному мнению извне, то это скорее отражение расхождений, существующих внутри самого общественного мнения.

Важным фактором формирования политических предпочтений респондентов является степень их доверия СМИ. Возникает вопрос о возможности воздействия на предпочтения избирателей посредством политической рекламы и пропаганды через СМИ и другие проявления. По нашим данным, решающее воздействие при голосовании оказали: выступления лидеров партии по телевидению – 39%; предвыборные ролики партии по телевидению – 13; советы знакомых и близких – 10; комментарии известных людей, журналистов – 9; реклама по радио – 9; я сам принял это решение – 24%¹.

В развитом демократическом обществе привычными каналами (и формами) выражения общественного мнения являются пресса и иные средства массовой коммуникации. Российское общество и российский (постсоветский, полусоветский) человек с трудом осваиваются с феноменами массового влияния, которые подобны западным «рекламно-рыночным» или «рекламно-политическим» образцам. Факторы и пределы такого убеждения требуют обстоятельного анализа. В частности, это относится к пугающему одних и ободряющему других (в зависимости от позиции) представлению о всемогуществе влияния СМИ на массовую аудиторию, на «массового» человека. Ряд вопросов принципиального порядка порождает аналогичность или, скажем, видимую технологическую близость повседневной коммерческой рекламы и столь памятной по избирательным кампаниям навязчивой политической агитации. В конечном счете это приводит к одной из граней извечной проблемы общественного человека: как и насколько может и желает человек поддаваться давлению коммуникативных средств «массового поражения».

В современном обществе СМИ все в большей степени выступают не только необходимым передаточным звеном в сложном механизме политики, но и ее творцом. Как отмечает крупный немецкий специалист в области теории массовых коммуникаций Н. Болц: «вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленным отличать отображение от отображенного явления... Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной (через СМИ) инсценировке. Все то, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение»².

В настоящее время явно возросла активность компьютерных сетей, дающих возможность оперативно включать в политическую борьбу огромные массивы информации, формировать с их помощью политическое сознание населения. Политический рынок не просто беззастенчиво эксплуатирует массовые зрительские и читательские аудитории в интересах заказчика. Очень часто коммуникационные каналы используются не в благих соревновательных целях, а для распространения порочащих слухов и заведомо ложных сведений о конкурентах или, как сейчас выражаются, для «слива компромата».

Результаты опроса показали, что большая часть населения (44,8%) не читает газет. Но среди тех, кто все же читает, преобладают читающие центральную прессу (19,2%) и местные издания (12,8%). Из всего многообразия центральных (общероссийских) информационно-развлекательных газет респонденты выделили «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и «Антенна». Все остальные опрошенные не смогли указать точное название наи-

более предпочитаемых ими изданий, определив их по тематике. Так, 6,4% всех опрошенных предпочитают деловые газеты, по 3,2% респондентов – юридические, финансовые, спортивные и издания по строительной тематике.

Что касается наиболее предпочитаемых журналов, то более 20% населения вообще не читает журналов. Среди тех, кто читает журналы наибольшее количество автолюбителей, так как 22,4% всех отметивших данный вариант предпочитают автомобильные журналы, 3,2% указали журнал «Авторевю». На втором месте по предпочтительности находятся бизнес-издания (12,8%), финансовые (6,4%) и деловые (6,4%), среди которых были выделены «Коммерсантъ» (3,2%) и «Новости торговли» (3,2%). Таким образом, хотелось бы отметить, что печатные издания не являются для данной категории граждан распространенным источником получаемой информации по поводу властных отношений, а скорее способом приращения профессиональных знаний и навыков, развлечения.

При изучении медиа-предпочтений населения, был составлен рейтинг наиболее популярных телеканалов. Более 50% (51,2%) всех респондентов чаще трех раз в неделю смотрят Первый канал, 41,6 – НТВ, 28 – РТР (Второй канал), 19,2 – СТС, 16 – TNT, 12,8 – спортивные каналы (Спорт, Евроспорт (3,2%) и т.д.), 6,4% – Дискавери. Среди респондентов не очень распространены телеканалы RenTV, EuroNews, новостные (по 3,2% респондентов). Вообще не смотрят телевизор 3,2% опрошенных, то есть опять сохраняется тенденция, по которой респонденты используют СМИ в целях развлечения и получения информации общероссийского и мирового толка.

Наиболее предпочитаемыми радиоканалами для опрошенных являются Европа Плюс (25,6%) и Русское радио (22,4%). На третьем месте по распространенности радиоканалов – Авто Радио, Энергия, Ретро FM (по 19,2% в каждой категории). 16% респондентов предпочитают Наше радио. Четвертое место принадлежит таким радиоканалам, как Maximum, Маяк, Эхо Москвы, Хит FM и Радио Адам (по 6,4% в каждой категории). И, наконец, Динамит FM является одной из самых нераспространенных для данной категории граждан радиостанций. Не ответивших на данный вопрос и тех, кто слушает «все подряд», не так уж и много (9,6 и 6,4% соответственно). При этом интерес саратовцев к политическим и экономическим новостям несколько не уступает ток-шоу со знаменитостями и сплетнями из мира шоу-бизнеса.

Говоря о силе воздействия средств массовой информации, таких как телевидение, печатные издания, необходимо выяснить, насколько респонденты доверяют этим средствам массовой информации. Среди тех, кто полностью доверяет какому-либо источнику информации об общественно-политических событиях, наибольшее доверие вызвало центральное телевидение – 4%, гораздо

меньшее количество полностью доверяет местному телевидению – 2% и печатным изданиям – 1%. Предпочтение центральному телевидению было отдано в силу оперативности и полярности подачи материала, причем отбор информации осуществляется, как правило, в зависимости от ее значимости и масштабности, и делать это позволяет большой поток информации, стекающийся со всего мира. Естественно, в этих качествах и особенностях центральному телевидению уступают местное телевидение и печатные издания.

В целом полностью доверяющие какому-либо средству массовой информации составили 7% от максимально возможного числа. Это связано с тем, что респонденты уже привыкли к недобросовестному использованию средств массовой информации различными политическими силами и поэтому они всегда делают скидку на возможную недостоверность информации.

Гораздо большее число респондентов относительно доверяют СМИ, таких в целом 36% от максимально возможного числа. Невелики различия между источниками информации, которой они пользуются. Доверяют опрошенные в определенной степени: центральному телевидению – 13%, местному телевидению – 12, газетам и журналам – 11%. Не доверяют средствам массовой информации в той или иной степени 29%. Респонденты, вошедшие в эту группу, уже разочаровались в средствах массовой информации и критически относятся к ним, включая освещение общественно-политических событий. И в данном случае опять «лидирует», хотя и незначительно, телевидение как центральное – 10%, так и местное – 10%. Печатные издания вызывают относительное недоверие чуть меньше – 9%. Такая парадоксальная, на первый взгляд, ситуация связана с тем фактом, что телевидение является более популярным, «демократичным» средством массовой информации, нежели газеты и журналы, поэтому судить о нем может большее число респондентов. Полностью не доверяют средствам массовой информации 15% от максимально возможного числа респондентов. Таким образом, чуть меньше шестой части опрошенных окончательно разуверились в возможности получения объективной информации – цифра угрожающе большая!

В данной части вопроса изменилось соотношение: наибольшее число опрошенных не доверяют газетам и журналам – 6%, далее идет местное телевидение – 5 и центральное – 4%. В данном случае недоверие к газетам и журналам может быть связано со многими причинами, начиная с элементарного оправдания респондентами того, что они не читают периодическую печать, заканчивая тем, что печатные издания либо открыто финансируются, либо принадлежат конкретным политическим силам, которым статьи пишутся «под заказ». Однако различия в показателях не являются существенными, чтобы углубляться в подробный анализ.

Затруднились с ответом на вопрос о доверии СМИ всего 13% респондентов, что может быть связано с недостаточным потреблением информации из какого-либо источника, а также с отсутствием желания у респондента разделять достоверную информацию и заведомо ложную, кроме того, это может быть обусловлено элементарным игнорированием общественно-политической и иной, заставляющей задуматься информации в пользу легкой и развлекательной. Таким образом, лимит доверия СМИ не превышает 43% от максимально возможного числа и даже среди тех, кто доверяет, преобладает критический взгляд на подаваемую информацию.

Регрессионный анализ сопряженности признаков в авторском исследовании показал наличие тесной связи между доверием респондентов центральному телевидению и их политическими предпочтениями ($r = 0,9$). Так, например, люди, испытывающие наибольшее недоверие к телевидению, не имеют, как правило, конкретных политических предпочтений, что объясняется, вероятно, жизненной позицией, которая заключается в недоверии СМИ, партиям, окружающим и т.д. Многие доверяющие телевидению являются сторонниками действующего президента. Анализ показывает, что лица, доверяющие телевидению, а следовательно, наиболее подверженные его влиянию, поддерживают тех, кто стоит во главе государства. Можно предположить, что такое воздействие осуществляется целенаправленно. Отчасти различия связаны с тем, что ситуация в стране в целом преломляется в сознании через средства массовой информации, порой склонные к сгущению красок. На этом фоне отнюдь не случайно оценки материального положения респондентов и их семей выглядят чуть менее негативными, чем оценки экономического положения России в целом. Вместе с тем различия между значением (рейтингом) местной социальной проблематики и воспроизводимым СМИ набором «общероссийских» проблем являются весьма существенными. Это же справедливо и в отношении политической обстановки (напряжение, вызванное событиями, которые связаны с выборами и общим ажиотажем вокруг них).

Однако в молодежных и высокодоходных группах приоритеты несколько иные. Например, молодежь и респонденты с материальным положением выше среднего чаще, чем представители других групп, отмечали в качестве главных событий падение курса доллара или выход российской сборной в финал чемпионата Европы. Они также не обошли вниманием новые телепроекты, концерт П. Маккартни, покупку Р. Абрамовичем английского клуба «Челси», введение закона об обязательном автостраховании и ситуацию вокруг компании «ЮКОС»³.

Такие высокие показатели, с одной стороны, можно объяснить общей непредсказуемостью, нестабильностью жизни страны, а с другой –

особенностями российской политической жизни, деятельности СМИ, когда достоянием общественности оказываются не политические законы и указы, принятые органами власти, а очередные политические скандалы.

Важно отметить, что на уровне поселка, малого города, села, как показал наш опрос, средства массовой информации являются одним из главных источников формирования социально-политических установок избирателей. Именно телевидение выступает главным источником политической информированности жителей поселка. Причем население отдает предпочтение демократически ориентированным программам. Программы «Новости», «Время» смотрят 77% от общего числа респондентов (40,8% от числа ответивших), «Сегодня», «Намедни», «Страна и мир» (НТВ) – 37,1 (19,7%), «Вести» (РТР) – 23 (12,2%), «Местное время» (ГТРК-Саратов) – 7,1 (3,8%).

37,2% респондентов принимают решение исключительно по собственным убеждениям, на 36,3 (31,8%) оказывают воздействие СМИ, на 24,8 (21,7%) – начальник на работе, поровну распределились мнения респондентов о влиянии семьи и коллег по работе – 4,4 (3,9%), родственники 2,7 (2,3%) и друзья 0,9 (0,8%), соседи не были отмечены. На политический выбор значительной части оказывают влияние непосредственное окружение и внешнее давление. Непосредственное окружение – взгляды и настроения, а также поведение близких, друзей, сотрудников, знакомых – не может не влиять на политические предпочтения избирателей, а если личность недостаточно самостоятельна, это влияние становится определяющим. Полностью исключить внешнее давление – прямое или косвенное – со стороны старших членов семьи, работодателей, руководителей выполняемой работы или учебы, а также администрации невозможно. Но степень воздействия их давления на политический выбор каждого зависит от свойств личности, ее способности делать самостоятельный выбор. Также выяснилось, что значимое влияние на электоральный выбор оказывают и руководители предприятий.

Таким образом, политические ориентации избирателей малых городов, сел формируются в большей степени под воздействием формальных лидеров поселка и СМИ. Опубликование в средствах массовой информации результатов общественного мнения относительно электоральных предпочтений относится к скрытой политической рекламе и вполне способно оказывать определенное влияние на электоральное сознание и поведение.

Однако механизм этого влияния достаточно сложен. Материалы местных каналов информации в предвыборный период напрямую не влияют на глубинные процессы переработки информации и выработку осознанного отношения избирателей к политическим лидерам, партиям. В лучшем

случае СМИ их запускают, и дальше уже результаты воздействия не контролируются, так как накладываются на систему индивидуальных установок, а также обсуждения и интерпретации личного окружения.

На региональном и местном уровнях воздействие СМИ является еще менее выраженным в силу коммуникационной специфики региона. Наши опросы по Саратовскому региону показали, что местный телевизионный канал максимально эффективен для повышения степени известности региональных политиков (кандидатов в депутаты). Непременным условием этого влияния должна быть оригинальная и насыщенная рекламно-пропагандистская кампания на местном ТВ.

Политические предпочтения во многом зависят от уровня известности, связанного с информационным влиянием. Первоначально информационное воздействие оказывает влияние на узнавание политического персонажа. В дальнейшем, при условии резкого роста узнавания, возможно изменение политического предпочтения по отношению к данному персонажу. При этом для телепрограммы наибольший эффект оказывает определенное количество упоминаний вне зависимости от объема и содержания упоминания. В этом смысле простое увеличение количества упоминаний позитивно влияет на субъективное ощущение увеличения знаний о кандидате. Таким образом, здесь присутствует своеобразие логики избирателя: категория «я хорошо знаю этого политика» (известность) связана не с какими-то аспектами информации, а с определенной частотой «телевизионных встреч» с политиком. При увеличении частоты упоминаний выше «порогового уровня» известность не увеличивается, и эффективность агитации снижается. Антипредпочтения начинают заметно увеличиваться при отсутствии массивного информационного воздействия. По всей видимости, здесь срабатывает обратное правило «не вижу – не знаю».

Однако влияние телевидения на известность гораздо выше, чем на политические предпочтения населения. На этой основе можно сделать предположение, что телевизионное информационное воздействие окажется наиболее эффективным для тех, кто склонен к спонтанному принятию политических (электоральных) решений на основе простого узнавания знакомых фамилий. Эффективность газеты проявляется только при продвижении политиков и партий федерального уровня.

Таким образом, основными факторами, обуславливающими существование региональных особенностей воздействия СМИ на политическое сознание, являются гораздо большее значение стихийных, неформальных взаимодействий, более низкая популярность и значимость влияния региональных и муниципальных СМИ и меньшая

политизированность, большая устойчивость регионального социально-политического пространства. В масштабе региона наблюдается некоторое смещение эффективности воздействия различных средств массовой информации по сравнению с избирательными кампаниями федерального масштаба. Если в центре основным каналом информационного воздействия является телевидение, то на региональном и местном уровнях приоритет отдается газетным публикациям, встречам с избирателями. Определенная замкнутость регионального политического пространства обуславливает приоритет деятельных, а не рекламных методов создания и поддержания имиджа политического деятеля.

УДК 316.728

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Заикина

Саратовская государственная академия права,
кафедра социологии политики и права
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические аспекты воспроизводства культурного наследия прошлого в условиях радикальных перемен в обществе. Развивая культурологические идеи о том, что каждая стадия социального развития общества вырастает из более ранней культурной ситуации, автор показывает созидательную, а нередко разрушительную роль экономических, технических инноваций, которые входят в практику вопреки устойчивым характеристикам культуры разных поколений. В то же время, доказывает автор, социальный порядок, подорванный неграмотными действиями органов управления, стремится к восстановлению за счет саморазвития культуры широких слоев населения.

Ключевые слова: культура, преемственность, признание.

Contradictions in the Continuity of the Culture of Russian Society

A. V. Zaikina

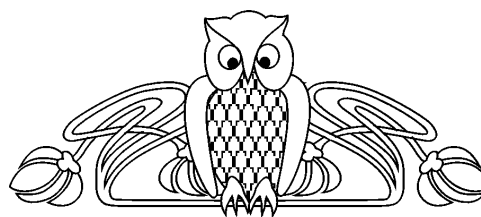
The article considers the sociological aspects of the past cultural inheritance reproduction in the circumstances of radical social changes. Developing the idea that each stage of social development results from the earlier one the author shows both the creative and the destructive roles of economic and technical innovations that come into practice regardless of the taking place at different times cultural settled characteristics. At the same time the author proves that the social practice changed by unreasonable administration tends to be restored by the population self-development.

Key words: culture, hereditary, acknowledgement.

Преемственность культуры проявляется как в рамках глубокой ретроспективы, так и относительно короткого исторического времени при сосуществовании отцов и детей, т.е. в межпоколенческой организации. Это важная проблема общественной

Примечания

- ¹ Социологическое исследование «СМИ в Саратове: социально-политический ракурс» было проведено в ЦРСИ СГУ в 2007 г. В опросе участвовало население города Саратова в возрасте от 16 лет и старше. Выборка кратно-стратифицированная (по параметрам: возраст, пол, район проживания), репрезентирующая население нашего города (мини-модель населения г. Саратова). Размер выборки составил 602 респондента.
- ² Цит. по: *Лугачев В.П.* Выборы: общая теория в российских иллюстрациях // Вестн. МГУ. Сер. 12. 1997. № 4. С. 14.
- ³ Вспоминая год ушедший: россияне о наиболее значимых событиях и перспективах: Пресс-выпуск ВЦИОМ. М., 2003. №48 (www.wciom.com).

жизни, о которой много написано философами, социологами; она являлась непреложной темой художественной литературы и искусства. Особо данная тема преломляется в общественном сознании в условиях радикальных перемен.

Речь здесь идет не о разной информированности или уровне профессионализма сравниваемых социально-демографических групп, одна из которых обгоняет другую в овладении наукой, техникой и новыми технологиями. Гораздо сложнее проблема преемственности в нравственной культуре, в смысложизненных ценностях, в этосе целых социальных классов. В то же время этот вид преемственности имеет кардинальное, «осевое» значение для духовного здоровья любого социума.

М. Оссовская в книге «Рыцарь и буржуа» осуществила историко-социологический анализ преемственности культур крупных социальных групп и классов. Хотя она и пользуется психологическими терминами, например, «подражание», но гораздо большие объемы доводов и аргументов строятся на анализе детерминаций социально-экономического и социологического характера, т.е. общественных условий формирования разных типов человека.

Рыцарь и буржуа¹ выступают собирательными образами олицетворения социальных качеств личности, которые М. Оссовская обнаруживает у жителей Древней Греции и германцев в Средние века, в Новое и Новейшее время, вплоть до Второй мировой войны. В русском языке термин «мещане», заменяя западный «буржуа», позволяет более

политизированность, большая устойчивость регионального социально-политического пространства. В масштабе региона наблюдается некоторое смещение эффективности воздействия различных средств массовой информации по сравнению с избирательными кампаниями федерального масштаба. Если в центре основным каналом информационного воздействия является телевидение, то на региональном и местном уровнях приоритет отдается газетным публикациям, встречам с избирателями. Определенная замкнутость регионального политического пространства обуславливает приоритет деятельных, а не рекламных методов создания и поддержания имиджа политического деятеля.

УДК 316.728

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Заикина

Саратовская государственная академия права,
кафедра социологии политики и права
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические аспекты воспроизводства культурного наследия прошлого в условиях радикальных перемен в обществе. Развивая культурологические идеи о том, что каждая стадия социального развития общества вырастает из более ранней культурной ситуации, автор показывает созидательную, а нередко разрушительную роль экономических, технических инноваций, которые входят в практику вопреки устойчивым характеристикам культуры разных поколений. В то же время, доказывает автор, социальный порядок, подорванный неграмотными действиями органов управления, стремится к восстановлению за счет саморазвития культуры широких слоев населения.

Ключевые слова: культура, преемственность, признание.

Contradictions in the Continuity of the Culture of Russian Society

A. V. Zaikina

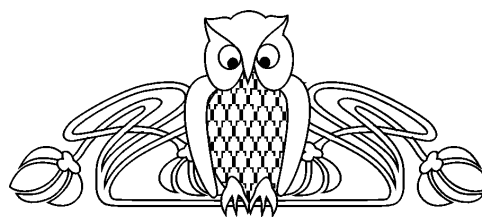
The article considers the sociological aspects of the past cultural inheritance reproduction in the circumstances of radical social changes. Developing the idea that each stage of social development results from the earlier one the author shows both the creative and the destructive roles of economic and technical innovations that come into practice regardless of the taking place at different times cultural settled characteristics. At the same time the author proves that the social practice changed by unreasonable administration tends to be restored by the population self-development.

Key words: culture, hereditary, acknowledgement.

Преемственность культуры проявляется как в рамках глубокой ретроспективы, так и относительно короткого исторического времени при сосуществовании отцов и детей, т.е. в межпоколенческой организации. Это важная проблема общественной

Примечания

- ¹ Социологическое исследование «СМИ в Саратове: социально-политический ракурс» было проведено в ЦРСИ СГУ в 2007 г. В опросе участвовало население города Саратова в возрасте от 16 лет и старше. Выборка кратно-стратифицированная (по параметрам: возраст, пол, район проживания), репрезентирующая население нашего города (мини-модель населения г. Саратова). Размер выборки составил 602 респондента.
- ² Цит. по: Лугачев В.П. Выборы: общая теория в российских иллюстрациях // Вестн. МГУ. Сер. 12. 1997. № 4. С. 14.
- ³ Вспоминая год ушедший: россияне о наиболее значимых событиях и перспективах: Пресс-выпуск ВЦИОМ. М., 2003. №48 (www.wciom.com).

жизни, о которой много написано философами, социологами; она являлась непреложной темой художественной литературы и искусства. Особо данная тема преломляется в общественном сознании в условиях радикальных перемен.

Речь здесь идет не о разной информированности или уровне профессионализма сравниваемых социально-демографических групп, одна из которых обгоняет другую в овладении наукой, техникой и новыми технологиями. Гораздо сложнее проблема преемственности в нравственной культуре, в смысложизненных ценностях, в этосе целых социальных классов. В то же время этот вид преемственности имеет кардинальное, «осевое» значение для духовного здоровья любого социума.

М. Оссовская в книге «Рыцарь и буржуа» осуществила историко-социологический анализ преемственности культур крупных социальных групп и классов. Хотя она и пользуется психологическими терминами, например, «подражание», но гораздо большие объемы доводов и аргументов строятся на анализе детерминаций социально-экономического и социологического характера, т.е. общественных условий формирования разных типов человека.

Рыцарь и буржуа¹ выступают собирательными образами олицетворения социальных качеств личности, которые М. Оссовская обнаруживает у жителей Древней Греции и германцев в Средние века, в Новое и Новейшее время, вплоть до Второй мировой войны. В русском языке термин «мещане», заменяя западный «буржуа», позволяет более

широко применять его к анализу состояния этоса массовых слоев разных исторических эпох.

Рыцарь и буржуа как идеальные (в веберинском смысле) типы контрастируют друг с другом. Первый «по праву гордый» руководствуется нормами, обязательными и в военное, и в мирное время. Он смело идет навстречу опасностям, способен забывать об оказанных кому-то услугах и причиненных ему обидах, не выказывает свою силу на немощных (это черта плебейства), но зато держится величаво с людьми высокопоставленными².

Моральные воззрения (нравственная культура) различных аристократических групп (средневековых баронов, рыцарства, крупного дворянства и т.д.) удерживали общее: демонстрировали культуру добродетелей, свойственных людям, убежденным в собственном превосходстве (великодушные, опекунское отношение к слабым и т.д.), которым, в свою очередь, был чужд моральный ригоризм, понятия греховности и смирения, несовместимые с достоинством знати.

Для анализа действующей морали больше всего подходит традиционное понятие «этос», схватывающее очень широкий круг и оценок, и поведения, и обоснования того, почему в такой-то период истории у такой-то социальной группы преобладают определенные, специфические черты социальной биографии и реагирования на значимые события.

Понимание преемственности в области экономической культуры строится на разных, в конечном счете противоположных основаниях. Формационный подход предполагает, что смена стадий происходит путем разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Поскольку материальные преобразования первичны, обуславливают духовные отношения, то детерминацию следует искать, конечно же, не в культуре. Противоположный этому подход, наоборот, развитие универсальной истории, т.е. любых достижений в труде, череду войн и революций, связывает исключительно с культурой, точнее определенным набором символов и смыслов, которым во все времена, с глубокой древности и до сих пор, акторы придают особое значение. Как считает Ф. Фукуяма, хотя ученые-экономисты согласны, что на культуру как фактор эффективности экономики приходится процентов 20, на самом деле именно наличие или отсутствие у нации таких качеств, как коллективизм и доверие, очень существенно корректирует структуры хозяйствования. Там, где эти качества не развиты, не складываются крупные, наиболее эффективные компании, и страна оказывается на третьеразрядной позиции³.

Современные исследователи человеческих отношений в организациях наделяют людей потребностью властвовать, что в аспекте преемственности культуры имеет определенное значение⁴. На наш взгляд, феномен власти имеет

отношение не только к положению человека в системе «руководитель – подчиненный», но и в более широком контексте – с позиции потребности человека в признании. Гегель рассматривал это понятие в аспекте взаимоотношения господина и раба. В борьбе за признание один становился победителем, другому представлялся выбор: либо погибнуть, но не потерять свободу, либо, если сохранение жизни было предпочтительнее, стать рабом. Господин-победитель больше не нуждался в признании со стороны побежденного, ибо последний не может претендовать на роль достойного человека.

Как пишет Ф. Фукуяма, многие явления универсальной истории, в том числе и экономики, логично объясняются через стремление к признанию. Например, французские крестьяне, жившие намного лучше, чем аналогичный класс в соседних странах, тем не менее, активно включился во Французскую революцию 1776 года. Экономических предпосылок для такого поведения не было, но было осознание своего социального неравенства с другими слоями общества, или непризнания, что и подвигнуло их на борьбу.

Через понятие «признание» можно объяснить многие парадоксы функционирования российской экономики. Например, нескромность поведения нуворишей у себя на родине и особенно за рубежом.

Навешивание на своих жен, а нередко собак и кошек, бриллиантов, строительство коттеджей вычурной архитектуры, обнесение их шестиметровыми заборами, частая замена сверхдорогих автомобилей и т.п. – все это демонстрация того, что субъект «достойн» признания. И когда сограждане, живущие бедно или за чертой бедности, восклицают «я не понимаю», то им следует иметь в виду, что их оценка вписывается в логику отношений, подмеченных Гегелем, т.е. «господин–раб». У богачей и сверхбогачей свой круг, у которого они домогаются признания, поэтому сколько бы людей не демонстрировали свое несогласие с нерациональностью приобретения самых дорогих дворцов и яхт русскими магнатами, с позиции последних наоборот они ведут себя исключительно разумно.

Обратим внимание еще на два аспекта понимания признания. Во-первых, оно бывает либо с ориентацией на равенство с другими людьми (изотимия), либо стремлением быть высшим по отношению к другим (мегалотимия). Во-вторых, соискание признания всегда бывает обставлено особой технологией, когда подлинные интересы акторов скрыты за всевозможными идеологемами. Это особенно ярко проявляется в формах протестного поведения людей: хотя в основе их борьбы лежит ущемление признания, но лозунги включают иные мотивы: вытеснение из города рейдеров, поддержка или критика действий официальной власти и т.п. Рассмотрим эти аспекты более подробно с позиции преемственности. Если посчитать признание универсальным качеством

человека, то многие из современных российских практик экономического поведения людей получают иное объяснение. В оценках трудовой активности индивидов сегодня закрепился ряд стереотипов, главный из них сводится к тому, что в российской среде сознание не отягощено нормами протестантской этики. Отсюда нет в отношении к труду должной «священности», т.е. для россиянина понятие «добросовестный, кропотливый, упорный труд» как основа богоугодного поведения – пустой звук. Вероятно, это действительно так, исключая индивидов, придерживающихся веры ислама, в которой трудовая этика поддерживается не менее сильно, чем в протестантизме.

В то же время исследователи констатируют, что протестантская этика уже отработала свой потенциал. Даниел Белл увидел следующую динамику угасания протестантской этики. «В последние 50 лет размывание религиозной этики и повышение доходов привели к тому, что инициатива общественных преобразований перешла к культуре, а экономика переустроилась на удовлетворение этих новых потребностей. Когда протестантская этика перестала быть основой буржуазного общества, остался только гедонизм, а капиталистическая система утратила свою трансцендентальную этику. Культурным, если не моральным, обоснованием капитализма стал гедонизм, концепция удовольствия как образа жизни»⁵. Но и это уже вчерашний день западного мира: ибо особая богемность и буржуазность соединились, образуя так называемый креативный класс людей, одержимых свободой и творчеством.

Социоструктурный раскол западного общества идет по более глубинным основаниям: креативным и традиционным. Экономике будущего соответствует первый тип, ибо из него работодателю удастся лучше выжимать «соки». «Никто не бегает за нами с пистолетом, а мы трудимся по 12 часов в сутки» – так говорят о себе эти люди. В таких людях, стремящихся к разнообразию, к индивидуальной свободе, тех, кто в профессиональном труде исповедует принцип добровольцев, капитализм, который зря денег не тратит, увидел большой потенциал, чем у простых трудолюбивых. Он простил и даже поддерживает их экстравагантность, обеспечивает их специальными льготами: бесплатная еда – 50 % практикует фирм США, билеты на спортивные мероприятия

или спектакли – 50%, услуги химчистки – 31%, оплачивание декретного отпуска – 19%, бесплатный массаж – 15%.

Еще более экстравагантно выглядит следующее «вспомоществование»:

3500 компаний (включая 100 самых крупных) и три автомобильных (Форд, Крайслер, Дженерал Моторс) обеспечивают медицинскую страховку и другие льготы партнерам сотрудников-геев⁶.

Социальный порядок, однажды подорванный военными, политическими или экономическими факторами, стремится к восстановлению, часто независимо от воли власти или вопреки ей. Первопричиной этого является стремление людей к удовлетворению хотя бы минимума потребностей, среди которых не последнее место занимают духовные потребности, стремление к творчеству.

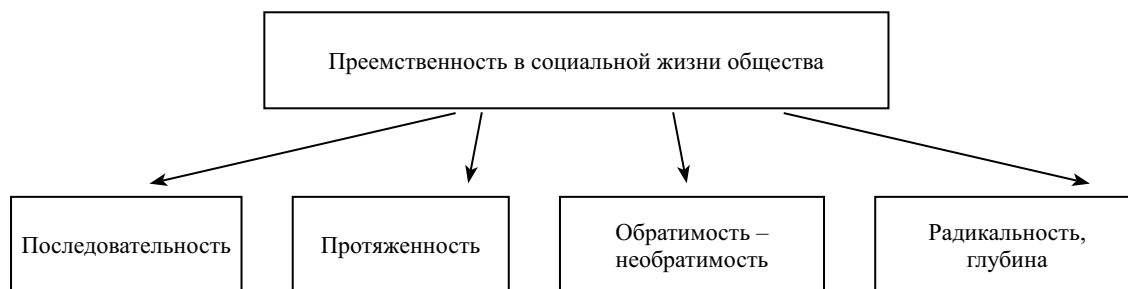
Удивительным в этом аспекте оказался социальный эксперимент, проводимый в СССР над учеными и конструкторами, изобретателями отечественных самолетов. Если в зарубежных практиках проектировщиков собирали вместе, создавая комфортные условия для жизни и работы, чтобы получить эффект от мозговых атак свободных людей, то в нашей стране аналогичный эффект получали в «шарашках».

Так, 30 ноября 1929 г. всех специалистов, которых предварительно обвинили во вредительстве и арестовали, свезли в Бутырскую тюрьму, где было создано Особое конструкторское бюро. К апрелю следующего года не только было разработано в чертежах, но и создано несколько истребителей под шифром ВТ-12 (что означало «внутренняя тюрьма, вариант-12»).

Один из вариантов был запущен в серию. Ударные темпы создания самолета так понравились руководству ОГПУ, что оно приняло меры (опять-таки за счет огульного обвинения), чтобы увеличить контингент заключенных изобретателей и поставить цель: за три недели создать штурмовик, что опять было выполнено. После этого ряд инженеров и техников были освобождены, но остались работать в тюремном КБ в качестве вольнонаемных⁷.

В этой связи структурирование социальной преемственности можно привести в терминах: «последовательность», «протяженность», «обратимость – необратимость» (рисунок).

Последовательность выражает упорядоченность событий, имеющих смысло-жизненный

смысл и ценность для индивидов, что особенно ярко проявляется в транзитивном обществе. Доминирующая идея младореформаторов выбить «последний кирпич» из фундамента реального социализма привела к огромному числу акций и действий непоследовательности. Например, была ликвидирована потребительская кооперация, являющаяся пусть невидимым, но все же реальным институтом народной самодеятельности. Элеваторы проданы за бесценок в частные руки и превратились в склады не зернового фонда, а так называемого «ширпотреба», между тем фермеры и коллективные хозяйства из-за дороговизны перестали ими пользоваться и вынуждены были вкладывать средства в создание собственных зернохранилищ.

Оппозиция обратимость–необратимость не является чисто субъективным феноменом, дело не только в возможных усилиях определенных слоев общества по реставрации прошлого, в целях возврата позиций, потерянных в результате передела ограниченных ресурсов. При несоблюдении последовательности введения новаций нарушается онтологический, бытийный порядок, который имеет свойство восстанавливаться.

Трудно говорить о какой-то последовательности и действиях социума, которые оказались направленными против человека по широкому кругу полей реализации насущных потребностей: уравнивание пенсионного обеспечения заслуженного человека и никогда не работавшего, лишение матерей пособий на новорожденного, введение платных детских садов и т.д. Понятно, что и у индивидов, переживающих включенность в такие процессы, не могло быть последовательности в освоении реалий, не случайно в социологической литературе того времени появилось понятие «потеря биографии», смысл которого сводится к фиксации нарушения устоявшихся этапов становления личности в стабильном обществе. Лишь очень небольшая доля среди социальных групп, в основном включенных в отношения распределения различных благ в советском обществе, сумела оценить и использовать возможности нового режима для плодотворного выстраивания жизненной стратегии, хотя и она не была избавлена от неопределенности, наступления непредсказуемых событий. Например, происходил, что, впрочем, не устранено до сих пор, насильственный захват заводов и фабрик конкурирующими совладельцами. В последние годы функцию взрыва порядка осуществляет институт рейдерства.

Следующим блоком в социокультурной преемственности является протяженность, понимаемая как продолжительность существования нового в традиционном и традиционного в новом. Более детально протяженность описывается такими терминами, как непрерывность, относительность, продолжительность, длительность, темп и ритм. Каждый из этих терминов специфично атрибутирует динамику протяженности социаль-

ных процессов, что относится и к социуму, и к социальной группе, и к отдельному индивиду.

Российские практики трансформации изобилуют фактами причудливого сочетания в протяженности таких явлений, как нарушение непрерывности, неоправданной длительности, замедления или чрезмерного усиления темпов и ритмов. Так, вместо колхозов и совхозов возникли не капиталистические предприятия, а симбиозы, в которых сочетались квазикапиталистические, коллективно-кооперативное и социалистические начала⁸. Процесс освоения ими рыночных отношений затянулся на срок более 10 лет: таковы темпы, которые обусловлены не только одной аграрной политикой, но и культурой сельского населения и менеджмента, зависимых друг от друга. В таких же терминах можно описать и протяженность процесса преемственности в жизнедеятельности отдельного индивида. Инженер, вынужденный после потери места работы по специальности торговать болтами и шайбами, изготовленными на своем родном заводе, остро ощущает потерю привычного жизненного режима и неоправданную длительность отстранения от его подлинного признания.

Таким образом, ситуации социетального характера достаточно жестко вмешиваются в процессы преемственности, прежде всего социальных отношений, традиционного и нового, заставляя человека принимать непривычные, порой противоречащие его нравственной культуре формальные и неформальные нормы, культурные образцы и стандарты поведения. Меняется ли культура синхронно этим переменам? Хотя социологические исследования фиксируют утрату многих ценностей, особенно молодежью, вероятно, еще рано говорить о сдаче культурой своих позиций. Общественная культура, усвоенная в более ранние временные сроки, продолжает жизнь, и в изменившихся условиях и с учетом этого аспекта преемственности социум всегда лучше того образа, которым его наделяют деятели средств массовой коммуникации, которые под свои цели (часто заказ рекламодателей) что-то завышают или занижают.

Смена поколений в российском обществе в течение XX в. прервала историческую память о капиталистических отношениях. Конечно, обмен меновыми ценностями сохранился, и к 80-м годам он приобрел значительные масштабы, но он носил нелегитимный и нелегальный характер. Переход к отношениям, характерным капиталистическому обществу, не может не вызвать и соответствующий изменений в его культуре. М. Вебер убедительно доказал, что рационализация – это всемирно-исторический процесс, который сводится к замене внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Кроме того, происходит вытеснение ценностно-рационального поведения в пользу целерационального, при котором люди

верят не в ценности, а в успех. Коль скоро индивиды постигли такой стиль и смысл поведения, они через изменившийся подход рационализируют способы ведения хозяйства, управления, причем во всех сферах социальной жизни. Поведение индивида в экономической сфере – наиболее «чистый» вариант целерационального действия. Но не избежала этого и культура, где рациональность обернулась, по словам Вебера, «технобюрократическим, механическим катком и умалением духа». В целом европейский капитализм – это образ жизни, имеющий свою нравственную ценность, «образ мышления», корни которого уходят в европейскую античность. К этому нужно добавить влияние протестантской этики, где совпали дух капитализма и дух протестантизма, что способствовало развитию буржуазного начала в обществе.

Российское начало буржуазности по определению не имеет никакого отношения к протестантской этике и очень слабо связано с православием. Оно вытекает в основном из культуры и социальности советского характера и некоторых черт национальной ментальности.

В 1884 г. Николай Лесков написал большой рассказ «Неразменный рубль»⁹, в котором рассмотрел механизм обмена благами в тогдашней России, – стране, где начинали складываться капиталистические отношения. Опуская подробное описание эпизодов, рассмотрим, как обман и «честное» взаимодействие присутствовали в каждой финансовой сделке, что понимали все участники и даже способствовали этому. Итак, чтобы продать за хорошую цену зерно, представитель благородного класса – помещик нанимает сельских женщин для подбора самых крупных зерен. Они работают очень долго, но барину не накладно, так как бабы зимой «очень дешевы». Затем он везет пробы пшеницы, крупные, как миндаль, а торговую выставку, где с учетом продажности чиновников получает все нужные документы, подтверждающие, что у него все зерно именно такое элитное. Покупатели-иностранцы дают самую высокую цену, но барин продает подешевле, но русскому купцу. Объяснение для «пиарщиков» – патриотизм, об отечестве пекусь, мол. Предоплата произведена на строгой правовой основе.

Когда приказчик купца приезжает забирать купленный товар, то оказывается в амбарах вовсе не элитное, а обыкновенное, даже плохое зерно. Чтобы стал делать иностранный покупатель в такой ситуации? Стал бы отстаивать свои интересы в суде, чего не делает русский купец. Больше того, смекнув, что его надули, он не только не обижается, но вступает в новую игру, которую ему предложил барин, т.е. последний увеличивает количество проданных пудов по принципу гоголевских мертвых душ. (Интересно, что купец моментально схватывает смысл «мертвых» пудов, хотя Гоголя он никогда не читал.) Мешки с зерном

дополняются еще мешками с мякиной, сором, землей и отправляются на баржу, которая повезет «отборное» зерно в порт для продажи иностранному покупателю. Барин выходит из игры, а купец продолжает ее, но с твердой уверенностью, что он получит свой барыш, потому что юридически все оформляется безукоризненно, т.е. баржа с «отборным» зерном застрахована.

Далее в игру вступает лоцман, который ведет караван барж по реке, но за соответствующую мзду организует потопление одной, как раз той, на которую погружено «отборное» зерно. При этом баржа потонула ни где попало, а против села, в котором недавно произошел пожар, и крестьяне нуждались в денежных средствах, чтобы вновь возвести избы. Короче говоря, теперь в игру вступают мужики, которые наняты, чтоб достать мешки со дна реки. Работа идет долго, но экономически достаточно эффективно, свидетельство чему то, что вскоре бывшие погорельцы переселились в свежесрубленные избы.

Игра завершена, в ней выиграли все участники, причем как сказал бы современный российский предприниматель, справедливость по понятиям соблюдена. Есть и потерпевшая сторона, это страховая компания, но о ней никто и не вспомнил. Да и потерпела ли она ущерб, ведь в ее фондовом капитале большая доля принадлежит государству.

Все это описывал «прозванный гений», как называли современники Н. С. Лескова, 120 лет тому назад, в то время, когда российский капитализм захватывал в свои сети все слои русского общества. Здесь лишь на первый взгляд описано поведение отдельных мошенников. В реальности все общество начинающегося капитализма могло действовать только так, т.е. по обычаю, рассматривая официальные институты как ограничителей или наоборот «поощрителей» тех или иных аспектов игры в обмене благами. Но самое главное – в такой игре государство, его расходы рассматриваются как неиссякаемое золотое дно, из которого могут и должны черпать все, у кого есть голова на плечах, т.е. искать любую лазейку, чтобы «законно» переливать казенное в частное. Изменилось ли что-нибудь в таком механизме, когда общество вновь вернулось к установлению рыночных отношений? Казалось бы, что должно измениться, ведь более 60 лет власть, идеология и культура насаждали совсем другие идеалы, в которых не было места стяжательству, корысти, обогащению. В реальности картина экономической жизни получилась почти идентичная той, что складывалось в России 120 лет тому назад.

Когда президент перед элитой общества восклицает: «Просто ужас, насколько велика у нас коррупция!», то это не следует интерпретировать так, будто бюрократия, ответственная за разные сферы общества, только и делает, что принимает взятки. Смысл в другом: экономические отношения большинством их участников рассма-

триваются с той же позиции, что и 120 лет тому назад, т.е. как легитимно (не воруя!) перевести государственные финансовые ресурсы в частную собственность и даже сложилось понятие «пилить бюджет». Способов для этого бесчисленное множество, но описание их – дело криминалистов и не входит в нашу задачу.

Главный вывод из сказанного с точки зрения преемственности культуры сводится к тому, что институты упорядочения обмена благами, не вызревшие в практиках общества, а привнесенные извне, долгое время не принимаются индивидами как нечто органичное. Именно поэтому такие очевидные формы регулирования отношений, как защита интересов в судах, (гражданских дел, например), судах чести в корпорациях и сообществах, имеющих профессиональные кодексы, и даже посредством института дуэли, (который долго действовал, несмотря на запрет), когда цена достоинства личности в обществе была высокой, ныне большая редкость¹⁰.

Итак, концепт преемственности культуры включает в себе несколько методологических аспектов, которые необходимо учитывать при социологическом анализе. Удержание элементов прошлого в настоящем – атрибутивное качество эволюции сложных систем.

Какие бы новации не происходили, одновременно с ними функционируют, проявляют себя более ранние социокультурные образования – непосредственно или приняв некую измененную форму (старое в новой упаковке). Определенную часть этого старого-нового те или иные слои общества стремятся изжить, вытеснить, уничтожить, что порой и достигается в основном посредством уничтожения наиболее активных его носителей. Подобное наиболее ярко проявляется при смене элит, после революций или радикальных реформ. Однако старое не только принимает новую упаковку, чтобы остаться в новом, но иногда «затаивается» в чужеродной среде, возвращаясь в среду родную при изменившихся условиях.

Не менее сложно протекает этот процесс в индивидуальной культуре. Освоение (понимание) ценностей культуры помогает подняться над суетным бытием, чему способствует живое переживание, конструирование жизни по ценностям Абсолюта, стремление иметь жизненную стратегию возвышения человека над самим собой, самоопределение в ценностном поле¹¹.

К использованию всего культурного багажа, накопленного человечеством, а значит и преемственности культуры, подталкивает склонность человека к созерцанию, которое имеет познавательный, культурный и креативный смысл. В реальной жизни, наполненной заботами о хлебе насущном, здоровье своем и своих близких,

далеко не всегда находится место для выхода в иное измерение бытия. В то же время люди в большинстве своем не могут обойтись без этого. Помимо витальных потребностей у них есть экзистенциальные потребности – осмыслить свою жизнь под углом зрения своей же вечности. Это подталкивает к поиску основ понимания и конструирования своей позиции на фоне противоречий повседневного бытия, хаоса и дисгармонии, которые невозможно обойти.

Понимание собственного мира достигается с помощью интроспекции, т.е. путем «вживания», «сопереживания», что делается прежде всего по отношению к культуре прошлого. Чуткость к следам ушедшего и, возможно, даже использование в своих оценках прошлых образцов – залог того, что в культуре сегодняшнего дня живет культура прошлого, т.е. она является такой же современной, как и та, что создается на глазах поколения.

Примечания

- 1 По В. Далю, «буржуазия» определяется как «мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, обыватели, торговый и ремесленный люд». (*Даль В.И.* Толковый словарь: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 143). Как видно из приведенного текста, термин «буржуа» тождествен термину «мещане» не в смысле наделяния людей отрицательными чертами, используемыми в идеологической риторике, чтобы противопоставить «чистой и возвышенной» пролетарской морали, а как ряд сословий, отличающихся от аристократических слоев.
- 2 См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т.4.
- 3 См.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Ф. Фукуяма. М., 2004. С. 31.
- 4 См.: *Mc Clelland D.* Power: The Inner Experience. N.Y., 1975.
- 5 *Белл Д.* Контркультура капитализма. Нью-Йорк, 1976. С. 21–22.
- 6 См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005. С. 151.
- 7 См.: *Стрекопытов С.П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX – XX вв.) М., 2002. С. 239–240.
- 8 См.: *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2006. С. 78–92.
- 9 См.: *Лесков Н.С.* Леди Макбет Мценского уезда. Повести и рассказы. М., 2007. С. 592–621.
- 10 Автор, разумеется, не ставит цели агитации за введение института дуэлей, лишь обращая внимание на сам факт их отсутствия (ведь они имели место в обществе, которому не было чуждо благородство. П.А. Столыпин прямо с трибуны вызывал обидчика на дуэль. Защита чести этим способом была распространена и среди офицеров императорской армии).
- 11 См.: *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 146.

УДК 316.6 (470+571)

КУЛЬТУРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются наиболее характерные черты и признаки предпринимательской культуры как специфического явления рыночной экономики. Используются как теоретические положения, так и данные авторских социологических исследований.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская культура, уровни культуры предпринимателей.

The Culture of Entrepreneurship as a Social Phenomenon

Z. M. Dylnova

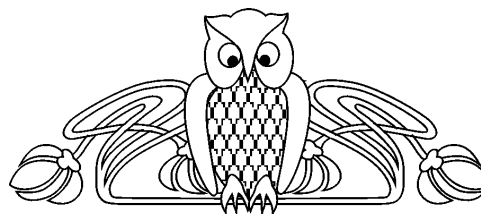
The article examines the most typical characteristics and traits of entrepreneurial culture as a specific phenomenon of market economy. Theoretic theses and the data of author's sociological researches are used.

Key words: enterprising, enterprising culture, enterprisers cultural levels.

Предпринимательская культура является органической частью общей культуры человека. Она понимается как культура производства и продвижения к потребителям материальных и духовных ценностей, самых разнообразных товаров и услуг, необходимых в различных сферах жизнедеятельности человека. Это особый вид культуры, имеющий конкретный смысл и содержание и связанный с проблемой воспроизводства ценностной среды¹.

Предпринимательская культура в известном социологическом словаре Н. Аберкромби, С. Хилла и Б. С. Тернера трактуется как «определенная социальная культура, в рамках которой особо ценятся такие качества, как индивидуальная инициатива, энергичность и уверенность в собственных силах. Считается, что общества с такой культурой предоставляют большую свободу индивидам, превосходя в экономическом плане те общества, где индивидуальная инициатива подавляется (то есть те, в которых практикуется высокая степень государственного регулирования, и в которых существует значительная доля государственной собственности при осуществлении широких программ государства всеобщего благосостояния)»².

Направления деятельности предпринимателя напрямую зависят от социальной среды, от условий работы, санкционированных государством, и от господствующих воззрений. Сложность и неоднозначность современного этапа российской действительности для предпринимателей и их

культуры заключается в определенной двойственности, когда люди, родившиеся и воспитанные в идеологическом пространстве общества «развитого социализма», реализуют свои творческие потенции совершенно в других условиях.

Каждое структурное образование, действующее в условиях становления института предпринимательства в рамках неустойчивого развития общества, обладает определенной культурой. Объективное положение сегодняшнего предпринимателя нестабильно. Вместе с тем культуру нельзя понимать как единое целое. В реальности практически в каждой организации существует целый набор «правил игры», норм, принципов, предположений, фантазий и мнений о самих себе и других, о более или менее скрытых распорядках и тщательно культивируемых ритуалах дифференцирования, согласно которым отдельные профессиональные группы определяют свое поведение. Ядром в этих группах являются отдельные личности, выражающие сходные интересы³.

Предпринимательская культура неотделима от таких явлений, как направленность энергии и уровень развития творческих сил и способностей человека, выраженный в организационно-хозяйственном творчестве. Можно вести речь о двух основных критериях оценки современной предпринимательской культуры: научность и учет новых, изменившихся условий развития общественной жизни, связанных с переходом общества к рыночным отношениям.

Предпринимательская культура – это сложный феномен, имеющий собственную структуру и логику развития. Предпринимательская культура включает несколько структурных уровней, на которых организуются и реализуются ее базовые ценности.

На личностном уровне предпринимательская культура включает в себя ценности, нормы, мотивы, ориентации, определяющие непосредственно экономическую деятельность людей. Это внутренние, индивидуальные, но культурно-обусловленные мотивы предпринимательской деятельности, субъективные восприятия и переживания этой деятельности, ее оценки, связанные с ней ожидания.

Когда эти индивидуальные ценности, нормы, стереотипы поведения и восприятия оформляются и закрепляются в реальной практике управления

производством и ведения делового предприятия, в устойчивых массовых стереотипах экономического поведения, наконец, воплощаются в хозяйственных организациях с ярко выраженной культурной спецификой («капиталистическое предприятие», «социалистическое хозяйство» и т.д.), они образуют институциональный уровень предпринимательской культуры.

Личностный и институциональный уровни предпринимательской культуры тесно взаимосвязаны. Формирование массовых устойчивых мотивов и стереотипов капиталистического предпринимательства поставило вопрос о регуляции взаимоотношений института предпринимательства с обществом в целом.

С одной стороны, именно хозяйствующий индивид определяет экономические и соответствующие культурные институты, укрепляет или, наоборот, расшатывает их. Так, ослабление специфических мотивов и стереотипов «коммунистического труда» на уровне работника привело к распаду института социалистического народного хозяйства.

С другой стороны, люди воспринимают ценности предпринимательской культуры через посредство ее институтов-компаний и предприятий, поддерживающих устойчивые нормы трудолюбия, старательности, высокой производительности, предприимчивости; сельской общины, из поколения в поколение воспроизводящей нормы и стереотипы совместного хозяйствования на земле: семейной фирмы, культивирующей определенные нормы деловой практики, и т.д. Современные компании специально закрепляют важные для них стандарты деятельности в институционализированных этических кодексах поведения работников, соблюдение которых строго обязательно для них.

Как новый тип хозяйственных взаимодействий и образцов трудового поведения, предпринимательская культура обладает определенными социальными ценностями: нетривиальности мысли и творческий поиск; гибкость организации; организация постоянных нововведений; разнообразие и интенсивность контактов; уважение к самобытности индивидов, групп, наций; самостоятельность; творчество и др.⁴

Следовательно, использование категории «предпринимательская культура» способствует более глубокому и всестороннему анализу предпринимательской деятельности, помогает уяснить, как, каким образом, с помощью каких методов и способов реализуется хозяйственно-организационное творчество.

Глубокие изменения, происходящие в российском обществе с начала 1990-х гг., затрагивают в первую очередь экономику и хозяйственную культуру, где происходят принципиальные изменения, характер которых свидетельствует и об определенной преемственности как социалистической, так и дореволюционной российской хозяйственных культур.

Постсоветская хозяйственная культура характеризуется резкой активизацией индивидуальных практических и предпринимательских ориентаций. Именно с освобождением частной инициативы обществом связываются надежды на обновление экономики и всей общественной жизни.

Развитие экономического индивидуализма в современном российском обществе связано с интенсивным развитием повседневного прагматизма и рационализма, бытовой культуры. Однако это развитие во многом характеризуется преобладанием потребительских тенденций под воздействием демонстрационного эффекта рекламы. Вся идеологическая мощь Запада была ориентирована на внедрение в сознание советских людей идеалов и стереотипов общества потребления.

Стремительное наполнение прилавков разнообразными товарами, идеология массового потребления, активно внедрявшаяся с начала рыночных реформ и усиливающаяся рекламой, превратили потребление в важнейшее содержание жизни современного россиянина. Как отмечают социологи, произошел перекоп в сторону потребления в ущерб собственно хозяйственному, трудовому, созидательному рационализму.

Быстро разбогатевшие предприниматели – «новые русские» поражают соотечественников и весь мир не своими хозяйственными начинаниями, а демонстративной роскошью, напоминающей скорее худшие образцы купеческого разгула, чем идеи «протестантской этики» М. Вебера.

Ведя речь о предпринимательской культуре, следует учитывать и то, что в малом предпринимательстве заняты преимущественно лица молодого и среднего возраста. С социальной точки зрения это открывает возможности для формирования в среднесрочной и долгосрочной перспективе социальной и политической основы для углубления и необратимости рыночных преобразований и становления предпринимательской культуры демократического типа. Культура лежит в основе самоорганизации предпринимательского сообщества, выполняя цементную роль. Именно от ее уровня зависят и сплоченность предпринимателей, и повышение их роли во всех сферах жизни.

Характеризуя далее предпринимательскую культуру, обратимся к данным собственных социологических исследований. В частности, представления о предпринимательской культуре обогащаются в связи с анализом профессиональных и личностных качествах предпринимателя (табл. 1).

Что касается личностных качеств респондента, то на первом месте оказалась интуиция – 49% респондентов выбрали это качество, что составило 30,6% от общего числа ответов; далее респонденты выделяют такое качество, как интеллект – 38,6%, что составило 23,9% от общего числа ответов; для 36,1% респондентов – хитрость, что составило 22,4% от общего числа ответов; 32,5% выделяют такое качество, как ум, что составило 20% от общего числа ответов; для 1,2% респон-

дентов важна продуманность, что составило 0,7% от общего числа ответов; 3,6% респондентов затруднились ответить, что составило 2,2% от общего числа ответов (табл. 2).

В результате распределения жизненных ценностей респондента наиболее важной оказалось материнство – для 26,2%, одинаково важными оказались преумножение капитала и возможность заниматься любимым делом – по 22,6% соответственно. Далее респонденты выделяют такую ценность, как заму-

жество – 17,9%, карьерный рост составляет 3,6% и 2,4% респондентов выбрали все выше перечисленное, 4,8% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Модальной величиной здесь выступает такая ценность, как материнство, следует заметить, что большинство респондентов имеют детей. Это объясняется тем, на наш взгляд, что для женщины на первом месте всегда ребенок, ведь именно дети смысл нашей жизни. Эта ценность всегда должна преобладать среди других ценностей.

Таблица 1

Профессиональные качества респондента, % к опрошенным

Профессиональное качество	Частота	% от ответов	% от случаев
Умение налаживать контакты с людьми	42	35,6	50,6
Умение быстро принимать неожиданные решения	22	18,6	26,5
Умение доводить начатое до конца	25	21,2	30,1
Стремление все понять и самому научиться	26	22	31,3
Затрудняюсь ответить	3	2,5	3,6
Итого	118	100	142,2

Таблица 2

Личностные качества респондента, % к опрошенным

Личное качество	Частота	% от ответов	% от случаев
Интеллект	32	23,9	38,6
Ум	27	20,1	32,5
Хитрость	30	22,4	36,1
Интуиция	41	30,6	49,4
Продуманность	1	0,7	1,2
Затрудняюсь ответить	3	2,2	3,6
Итого	134	100	161,4

Определенную роль в повышении уровня самоорганизации и культуры предпринимателей играют предпринимательские конкурсы. Так, в Саратовской области подобные конкурсы проводятся уже несколько лет. В русле областной целевой программы «Развитие малого предпринимательства в Саратовской области на 2005–2007 годы» этот конкурс направлен на стимулирование эффективной и цивилизованной деятельности местных предпринимателей.

Конкурс предпринимателей проводится по 17 номинациям, среди которых «Молодой предприниматель Саратовской губернии», «Женщина-предприниматель», «Саратовская марка», «Инноватор года». В 2005 г. в конкурсе приняли участие 88 субъектов малого предпринимательства, из которых одна половина индивидуальные предприниматели, другая – предприятия области.

Рассмотрение обозначенных выше проблем позволяет констатировать, что предпринимательская культура ныне сталкивается с целой системой обстоятельств экономического, политического, организационного и идеологического характера, не позволяющих ей раскрывать свои потенциальные возможности.

Определенное влияние на предпринимательство и его культуру оказывают различные институты гражданского общества, но в силу неразвитости данных институтов, как и гражданского общества в целом, эффективность помощи весьма невелика.

В этих условиях трудно переоценить усилия самого предпринимательского сообщества по укреплению и развитию своих рядов, что напрямую связано с необходимостью повышения уровня предпринимательской культуры, развитием ее как социокультурной составляющей общества.

Примечания

- 1 См.: *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке: В 2 т. М., 1992. Т.2. С.8.
- 2 *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. Казань, 1997. С.238.
- 3 См. об этом подробнее: *Аникин Л.С., Дыльнов Г.В., Кравцова А.П.* Предпринимательская культура в условиях перехода к рынку: социологический аспект. Саратов, 1999.
- 4 См.: *Проблемы социального развития в условиях формирования рыночных отношений.* Казань, 1993. С. 26–27.

УДК 316.334.22(470+571)

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Р. Р. Виньков

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии коммуникаций
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье анализируются адаптационные ресурсы трудового коллектива, рассматриваются трудовой потенциал предприятия и его адаптационные ресурсы. Выяснялось реальное отношение к труду работников и мера их адаптационных возможностей к новым условиям труда в период становления рыночной экономики. Опрос проводился методом формализованного интервью.

Ключевые слова: коллектив, адаптационные ресурсы, труд.

Adaptable Resources of Labour Collective in Conditions of a Modern Russian Society

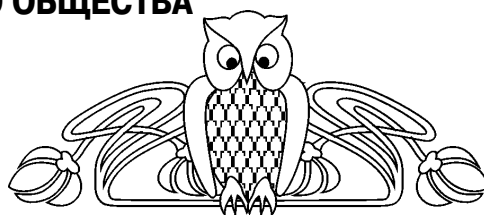
R. R. Vinkov

This article deals with some adaptable resources of labour collective, the labour potential of the enterprise and its adaptable resources. The real employees' attitude to work and a measure of their adaptable opportunities to new working conditions in the period of becoming of market economy was found out. Interrogation was surveyed by a method of the formalized interview.

Key words: group, adaptation resources, labour.

В современных условиях особую значимость приобретает проблема социальной адаптации работников к постоянно меняющимся условиям их жизнедеятельности. Особую значимость приобретает проблема адаптации их к нововведениям на рабочих местах. Рассматривать эти проблемы необходимо комплексно. Адаптационные возможности отдельных трудовых коллективов и всего общества в целом являются нам сегодня, сложный спектр общественных феноменов. С одной стороны, мы наблюдаем иногда полную невозможность любой адаптации и развал ранее успешных коллективов, а с другой – налицо эффективная адаптация к инновациям и выход на новый уровень трудовой деятельности, позволяющей индивидам органично вписаться в новую систему рыночных отношений и новые социальные реальности.

В основе этого процесса лежит проблема адаптации. Под адаптацией мы понимаем процесс, вызываемый стрессовыми изменениями социальной среды и направленный как на включение личности в изменившиеся социальные условия, так и на преобразование новых социальных условий. Кризисное состояние общества сопряжено с разрушением общественных связей и с диффузным характером социальных интересов. Сами реформы и социально-политические преобразования в России для многих означают необходимость переосмысления интересов, нахождения новых

точек опоры как в жизненной философии, так и в практических формах социального поведения.

Степень адаптации социальных субъектов разного уровня к проводимым реформам, несомненно, является важнейшим симптомом, который характеризует их своевременность, обоснованность и эффективность. Можно с уверенностью отметить, что изменения в экономической сфере не станут реформаторскими, если они неуклонно ведут к ухудшению социально-экономического положения большей части населения и уже привели к росту преступности, невиданным масштабам коррупции, безработицы. В социологии утвердилось достаточно точное универсальное определение социальной адаптации как некоей особой, социальной формы взаимодействия субъекта и среды, как процесса, всегда начинающегося при вхождении субъекта в новую для него социальную общность, при становлении его деятельной и функционирующей частью той или иной социальной среды.

Смысл же социальной адаптации заключается в принятии норм и целевых установок новой социальной системы, в изменении массового сознания и поведения, образа жизни, в освоении новых стимулов и новых форм социального взаимодействия, а также новых форм экономической жизнедеятельности. Социальная адаптация – объективный процесс, обусловленный механизмами саморегуляции и общества, и коллектива, и личности.

Адаптация практически всегда противоречива и болезненна. Поэтому и встает вопрос о необходимости обеспечить адаптационные процессы, перевести их в русло позитивного, успешного и устойчивого развития всего общества. А для этого необходима определенная совокупность неких условий, способствующих успешной социальной адаптации, обретению большинством работающего населения собственного места в системе российской политики и экономики.

Эффективная адаптация к нововведениям, новое отношение к труду ныне становится одним из решающих условий проведения реформ, одним из проявлений изменений в жизнедеятельности современного российского общества. Она выступает не только как фактор изменений в экономическом сознании и поведении людей, но и как необходимая мера стабилизации социально-экономической

системы России, что закладывает фундамент, базу успешной реализации демократических преобразований в современном российском обществе. В качестве примера можно привести материалы нашего исследования, объектом которого были выбраны работники муниципального предприятия «Саратовгорэлектротранс».

Мы поставили перед собой задачу получить представление о современном трудовом потенциале предприятия и его адаптационных ресурсах в условиях становления рыночной экономики.

Нам было необходимо выяснить реальное отношение к труду работников и меру их адаптационных возможностей к новым условиям труда в рамках становления рыночной экономики. Опрос проводился методом формализованного интервью. В ходе исследования выяснились наиболее существенные объективные (социально-демографические характеристики, социально-экономические, функциональные особенности того или иного вида трудовой деятельности, профессия, функции, подразделение) и субъективные факторы (особенности социально обусловленной структуры личности работника: содержание и интенсивность потребностей и запросов личности, характер жизненных устремлений, ценностные ориентации работников предприятия и, следовательно, стимулы и мотивы, побуждающие его к работе), влияющие на повышение производительной отдачи работника или на ее снижение, а также степень удовлетворенности работников предприятия условиями труда, процессом трудовой деятельности, заинтересованностью работой, зарплатой, и определялось их влияние на трудовую отдачу. Кроме того, уточнялось отношение работников к изменениям, произошедшим на предприятии за последние годы, и определялась степень заинтересованности работников предприятия в реорганизациях, нововведениях¹.

Стратифицирующими признаками являлись демографические характеристики (пол, возраст), профессиональная структура персонала (водители трамвая, троллейбуса, кондуктора, рабочие депо, охранники, работники служб движения, управления и пр.) и характер их труда (рабочие, служащие, специалисты и т.д.). В ходе обработки и анализа результатов опроса использовались различные количественные и качественные методы (кодирование, дисперсионный и корреляционный анализ и пр.). В ходе интервьюирования на часть вопросов допускалось несколько вариантов ответов, что учитывалось при кодировании, процентировании данных и расчетах корреляционных связей статистическими методами.

В качестве предполагаемых факторов, определяющих трудовой потенциал работников, в анкету были заложены возрастные, образовательные, профессионально-статусные и иные характеристики. Среди всех опрошенных – 53 % женщин и 47% мужчин, что в целом соответствует демографическим особенностям региона. Разумеется,

рамки статьи не позволяют полностью привести все материалы социологического исследования, а только некоторые, но и это, как нам представляется, может иллюстрировать вопрос о некоторых адаптационных ресурсах общества.

Самую большую группу опрошенных (48%) составили работники, имеющие среднеспециальное образование. Высшее образование имеют лишь 20% опрошенных. Однако каждый третий работник не имеет специального образования, а 7% – даже не закончили среднюю школу.

Половина опрошенных работает на предприятии не более 5 лет, каждый пятый – 6–10 лет, и около 10% – составляют ветераны, отдавшие данному предприятию более 25 лет своей жизни.

Больше всего было опрошено рабочих ремонтных и других вспомогательных служб – 44%. Причем 60% из них квалифицированные рабочие. Водители и кондукторы составили 36% опрошенных, 20% составили работники службы движения и специалисты (в том числе 5% – руководители различного уровня). Большинство опрошенных (54%) занимает свое должностное место не более 5 лет, 18% – не более 10 лет, остальные – от 10 до 35 лет.

Практически для всех опрошенных (96%) их работа является основной, лишь 3% работают на неполную ставку. 46% респондентов имеют строго нормированный рабочий день, 37% – часто работают сверхурочно, у 16% – рабочий день не нормирован. При этом 53% работают преимущественно в одну смену, 3% – фактически, как правило, работают полторы смены, 21% – в 2 смены, 20% – по гибкому меняющемуся графику, 3% указали на трехсменный график работы.

Большинство работников не имеют своего четко выраженного отношения к труду, не могут определить свою степень удовлетворенности. Для уточнения степени удовлетворенности работниками своим трудом был предложен блок вопросов, касающийся их работы. На результаты опроса повлияла профессиональная структура респондентов. Так как большинство опрошенных – рабочие, то в характеристиках труда доминировали такие признаки, как: «преимущественно физический» (на это указали 31% респондентов), «монотонный, малосодержательный» (18%), «тяжелый ручной» (8%). Лишь 4% охарактеризовали свой труд как «механизированный, автоматизированный», 1% – как физический и умственный и столько же жаловались на нервные и психические перегрузки.

В то же время 6% обозначили свой труд как высоко содержательный, творческий, 24% – как преимущественно умственный. Можно предположить, что речь идет в первую очередь о специалистах и руководителях различных звеньев. 12% опрошенных затруднились с характеристикой своего труда.

Мнение респондентов об условиях труда также было неоднозначным. 56% опрошенных не удовлетворены условиями труда, 41% – удо-

влетворены, остальные затруднились с ответом. Однако комфортными считают свои условия лишь 3% опрошенных, остальные испытывают полный или частичный дискомфорт на рабочем месте. Больше всего нареканий вызывает температурный дисбаланс (на это указали 62% опрошенных). Значительное недовольство вызывают санитарно-гигиенические условия (39%), неудобство рабочих мест (16%). К плохим условиям труда работники относили также грубость начальства, плохие инструменты, тяжелый график работ, отсутствие экипировки.

39% респондентов полностью удовлетворены организацией своего труда, 19% опрошенных не устраивает этот аспект своей работы, 42% видят в организации труда большие недостатки. К их числу работники относят в первую очередь неустойчивость, нестабильность заработка. На это указал каждый третий респондент (33%). Почти также работники недовольны излишне жестким контролем (29%). Затем (по степени значимости, частоте упоминаний) идут соответственно слишком широкий и неопределенный круг обязанностей (16%), чрезмерное количество штрафов (15%), отсутствие премий (13%), неудобный график выходных дней (10%), неритмичность работы (7%), неудобный график рабочих смен (7%), низкая зарплата (4%), а также плохая поставка запчастей, завышенные нормы выработки, беспорядок, плохое финансирование, отсутствие заинтересованности со стороны руководства.

Тем не менее 45% опрошенных работников подчеркнули, что им нравится их работа, 36% – не смогли четко определить свое отношение к работе. Лишь 19% высказали в разной степени негативное отношение к своей работе. Больше всего людей устраивает удобный график работы (на это указали 38% опрошенных), регулярность и своевременность выдачи зарплаты (24%), хорошие отношения между людьми (24%). 23% считают, что их работа соответствует их образованию или характеру, 14% в работе привлекает лишь величина зарплаты. Шести процентам работников нравится, что у них есть возможность проявлять инициативу, 4% считают свою работу престижной, 2% считают, что у них есть возможность профессионального роста. Кроме того, назывались такие положительные аспекты работы, как близость к месту жительства, возможность воспитания честности у людей, продолжение семейных профессиональных традиций и пр. Все это поясняет, почему среди работников предприятия 39% опрошенных не собираются увольняться, 26% даже не задумывались об этом и лишь 35% собираются сменить свою работу. Из них 11% собираются сменить работу, но на этом же предприятии, и 37% намерены перейти на работу на другое предприятие, остальные – еще не определились. 30% из них хотели бы перейти в другое подразделение, отдел, без изменения специальности, 8% хотели бы сменить специальность, 2% готовы перейти в любое другое место,

даже без изменения заработка, 1% – на любое другое место с повышением заработка и с такими же условиями труда. Кроме того, упоминалось также стремление найти работу по специальности с более высоким престижем, заработком, начать свой бизнес, переехать в другой город и пр.

Для контроля работникам задавался блок вопросов о гипотетической ситуации увольнения. 57% опрошенных работников выказали готовность вернуться на прежнее рабочее место, 1% – с некоторыми оговорками (если увеличится зарплата или если не найдут другой работы), 33% не смогли определиться в данной ситуации и лишь 9% однозначно не хотели бы вернуться. Последних больше всего не устраивает зарплата (38%), тяжелый монотонный труд (17%). Возврат делают невозможным также стремление не повторять свои ошибки (25%), отсутствие интереса к работе (8%), пенсионный возраст (4%), принципиальность (4%), температурный дискомфорт (4%), вредные условия труда (4%), командировки (4%). Большинство респондентов (84%) считают, что к ним на работу можно устроиться, так как спрос на рабочие руки велик, и лишь 14% ответили, что на такую работу, как у них, устроиться трудно.

Среди субъективных причин выбора места работы на данном предприятии, наиболее значимым оказалась безальтернативная ситуация, когда больше устроиться где-либо было нельзя. На втором месте по значимости – величина и своевременность выдачи зарплаты, а соответствие имеющемуся образованию – лишь 7%, что соответствует специфике сегодняшней социально-экономической ситуации в стране. Не случайно среди иерархии трудовых ценностей, придающих смысл работе, среди респондентов на первом месте оказалась зарплата (так ответили 40% опрошенных). 28% считают, что зарплата – главное, но надо думать и о смысле работы. 17% полагают, что хороша та работа, которая приносит больше пользы, где ты необходим, 14% видят основное в смысле работы, хотя не забывают и о зарплатке.

Это проявилось и в отношении к своей специальности. Почти 81% опрошенных работников, сравнивая свою специальность с рядом других, высказали удовлетворенность в различной степени, 4% не определились, почти 26% не удовлетворены своей специальностью. Таким образом, уровень удовлетворенности специальностью выше, чем уровень удовлетворенности своим трудом. Можно предположить, что причиной этого является следующее: специальность чаще всего является результатом индивидуального, в разной степени самостоятельного выбора, и больше отвечает склонностям работника, чем характер выполняемого труда, целиком зависящего от рабочего места. С другой стороны, если работник трудится по специальности, то данное различие показывает, что при выборе данной специальности человек имел смутное представление о ее специфике.

Среди стимулов, способных усилить заинтересованность работников к своему труду, большинство респондентов (81%) особенно выделили повышение заработной платы. На втором месте, но с очень большим отрывом, – улучшение условий труда (8%). На третьем – уважительное отношение руководства к работникам (4%). Кроме того, назывались (в порядке значимости): уменьшение контроля; осознание значимости, полезности своей работы; усовершенствование технологии; приобретение новой техники, машин, оборудования, запасных частей, инструментов; вежливость во взаимоотношениях; своевременность оплаты; предоставление возможности для дополнительного заработка; обеспечение экипировкой; соблюдение государственных нормативных стандартов; карьерный рост; достойная организация отдыха; улучшение жилищных условий работников и пр. Все эти моменты способны усилить трудовую отдачу работников.

Косвенным образом трудовую отдачу работников повышает и социальная политика на предприятии, работа профсоюзов. Ряд вопросов о деятельности профсоюзов на предприятии показали, что 65% опрошенных работников никогда не обращались в профсоюзный комитет (что свидетельствует о низком уровне доверия к этой организации), и лишь 35% – обращались туда за помощью. Это свидетельствует, что эффективность ее в социально-бытовой сфере по-прежнему достаточно велика, так как число фактов помощи работникам больше, чем число обратившихся к ней за помощью. Отчасти это связано с тем, что, например, выдача подарков, билетов на елку для детей, билеты на иные мероприятия распространяются не по заявлениям работников, а «автоматически», по инициативе сверху. Это можно объяснить и тем, что возможность решения того, или иного вопроса согласовывается во всех инстанциях заранее, и работник обращается в профсоюз лишь тогда, когда уверен в положительном решении своей проблемы. Однако, возможно, это отражает сложившуюся практику поощрения, премирования, стимулирования работников через оказание им профсоюзной помощи.

Важную роль в отношении работника к своему труду играет и общий микроклимат, настрой в коллективе. Результат опроса показал, что 95% респондентов в целом удовлетворены своими взаимоотношениями с коллегами. 80% опрошенных оценивают их в коллективе предприятия как доброжелательные и лишь 20% – как напряженные. Отношения на своем рабочем месте, с коллегами по подразделению – еще лучше. Более 87% респондентов охарактеризовали их как доброжелательные и лишь 13% – как напряженные. Интересно, что при этом проявился эффект экстраполяции отношений в своем подразделении на отношение к коллективу предприятия в целом. Этот положительный настрой проявился и при

анализе источников информации работников, и при их отношении к руководству предприятием.

Для уточнения отношения работников к изменениям, произошедшим на предприятии за последние годы, и определения степени их заинтересованности в реорганизациях, нововведениях был задан блок вопросов о степени информированности респондентов. Выяснилось, что 40% опрошенных считают себя в курсе того, что происходит на предприятии, 35% не уверены в этом, 25% полагают, что у них нет для этого информации. Среди основных источников знаний о переменах на своем предприятии, по мнению респондентов, на первое место вышли сообщения от коллег по работе (61%), на второе – информация от руководителя подразделений, на третье – сообщения на общих собраниях, на четвертое – от руководителя предприятия, на пятое – информация на стендах и досках объявлений. Менее 3% опрошенных считают источником информации о предприятии местные печатные издания.

42% от опрошенных считают, что этой информации для них достаточно, еще 4% считают, что ее даже избыточно, но большинство (53%) полагают такой объем информации недостаточным, чтобы иметь представление о делах на своем предприятии. Остальных эта информация не интересует.

При оценке работниками доходности своего предприятия большинство респондентов (58%) отметили, что оно имеет низкий доход, нуждается в реорганизации. 17% считают, что предприятие имеет средние доходы, но впереди хорошие перспективы, 10% полагают, что предприятие имеет хорошие доходы, нашло достойное место в современных рыночных условиях. Однако примерно 1% опрошенных, соглашаясь с оценкой хороших доходов, добавляют, что нужна реорганизация предприятия. 9% считают, что оно полностью развалилось, не имеет никаких перспектив. Некоторые работники присоединились к мнению о том, что предприятие имеет средний доход, но не видят его перспектив. В то же время 23% респондентов не смогли оценить доходность предприятия и выказали равнодушие к этому вопросу, мотивируя это тем, что на их непосредственном благосостоянии это никак не отражается, только на уровне жизни руководства.

По мнению работников, на работу предприятия больше всего влияет недостаточная государственная поддержка (на это указали 42% опрошенных), местная администрация (23%), пассивность руководителей предприятия (22%). Однако наряду с этим (хотя и с большим разрывом в степени значимости), как отметили респонденты, работа предприятия зависит от степени активности работников (6%), от законодательной базы, от специалистов-менеджеров (1%), а также от общего отношения всех работников к своему делу. Лишь около 5% работников не смогли или не захотели задуматься об этом.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что существует значительный потенциал адаптационных ресурсов даже на уровне предприятий.

Важным фактором, существенно тормозящим процессы эффективного использования адаптационных ресурсов, являются традиции жесткого, централизованного управления, длительное время господствовавшего в стране. В рамках старой технологии власти воспитаны миллионы работников и руководителей в центре и на местах, поэтому не исключены сегодня и субъективизм при принятии государственных решений и принятие некомпетентных, прямо противоречащих демократическому обновлению страны решений.

Поэтому мы и ставим вопрос об эффективном использовании адаптационных ресурсов общества не только «сверху» методами властного регулирования, но и снизу от самих работников, способ-

ных адаптироваться к нововведениям и реально «вписаться» в новые условия жизнедеятельности современного российского общества.

Примечания

- ¹ Опрос проводился по районированной, квотно-стратифицированной выборке. Районирование производилось по признаку расположения подразделений (Ленинский, Заводской, Кировский районы). Квотными критериями являлось соотношение рабочего места с одним из 20 подразделений муниципального предприятия «Саратовгорэлектротранс» (трамвайные депо, троллейбусные парки и пр.). Репрезентативный объем выборочной совокупности был определен в 10% от численного состава работников муниципального предприятия (3800 человек) и составил 382 респондента.

УДК 316.6

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ ЗАПАДА

А. А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются способы и методы адаптации служащих к условиям работы коммерческих банков на примере западных корпоративных структур, прежде всего немецких. Этот опыт может быть использован в развитии банковской системы современной России.

Ключевые слова: адаптация, технология адаптации, организация.

Organization of Socio-Professional Adaptation in Western Commercial Banks

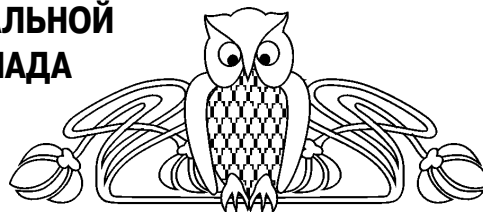
A. A. Voronov

The article examines the ways and methods of adaptation of clerks to the labor environment in commercial banks using the example of Western corporate structures, primarily German. This experience can be used in developing the banking system of modern Russia.

Key words: adaptation, adaptation technology, organization.

На Западе уже давно поняли высокую значимость инвестиций в человеческий капитал, роль хорошего производственного климата в организации и разработали системы адаптации своих сотрудников. При этом можно говорить об американской, европейской, японской моделях социально-профессиональной адаптации.

Каждый зарубежный банк имеет свою узкую и углубленную специализацию, представляет специфические услуги клиентам. Кандидат на

вакантную должность тщательно изучается на предварительном этапе отбора, его подвергают различного рода тестам, не всегда дающим объективные характеристики соискателей. Менеджеры не желают тратить усилия, время, деньги на разработку сложных адаптационных систем. Социально-профессиональная адаптация сводится в таких финансово-кредитных институтах к длительному переобучению кандидата.

Как правило, такие финансово-кредитные организации характеризуются отрицательной корпоративной культурой. Результатом этого становятся высокая текучесть кадров, неэффективная работа по планированию персонала и карьерного роста сотрудников, отчуждение работника от организации, услуг и товаров, производимых организацией.

В некоторых западных банках система социально-профессиональной адаптации регламентирована государством и контролируется высшими государственными органами, отдельные коммерческие банки не имеют права разрабатывать свои собственные технологии и методики выполнения финансово-кредитных операций. Это приводит к централизованной регламентации технологий и форм социально-профессиональной адаптации персонала. Адаптация вновь принятых сотрудников проходит в учебных центрах банка по двум программам: социально-профессиональная адаптация выпускников профильных вузов; профессиональная

Приведенные данные свидетельствуют о том, что существует значительный потенциал адаптационных ресурсов даже на уровне предприятий.

Важным фактором, существенно тормозящим процессы эффективного использования адаптационных ресурсов, являются традиции жесткого, централизованного управления, длительное время господствовавшего в стране. В рамках старой технологии власти воспитаны миллионы работников и руководителей в центре и на местах, поэтому не исключены сегодня и субъективизм при принятии государственных решений и принятие некомпетентных, прямо противоречащих демократическому обновлению страны решений.

Поэтому мы и ставим вопрос об эффективном использовании адаптационных ресурсов общества не только «сверху» методами властного регулирования, но и снизу от самих работников, способ-

ных адаптироваться к нововведениям и реально «вписаться» в новые условия жизнедеятельности современного российского общества.

Примечания

- ¹ Опрос проводился по районированной, квотно-стратифицированной выборке. Районирование производилось по признаку расположения подразделений (Ленинский, Заводской, Кировский районы). Квотными критериями являлось соотношение рабочего места с одним из 20 подразделений муниципального предприятия «Саратовгорэлектротранс» (трамвайные депо, троллейбусные парки и пр.). Репрезентативный объем выборочной совокупности был определен в 10% от численного состава работников муниципального предприятия (3800 человек) и составил 382 респондента.

УДК 316.6

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ ЗАПАДА

А. А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются способы и методы адаптации служащих к условиям работы коммерческих банков на примере западных корпоративных структур, прежде всего немецких. Этот опыт может быть использован в развитии банковской системы современной России.

Ключевые слова: адаптация, технология адаптации, организация.

Organization of Socio-Professional Adaptation in Western Commercial Banks

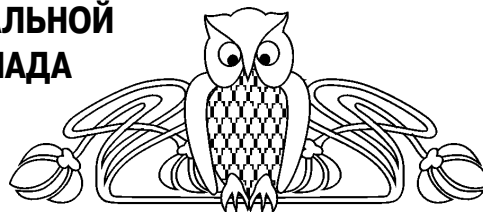
A. A. Voronov

The article examines the ways and methods of adaptation of clerks to the labor environment in commercial banks using the example of Western corporate structures, primarily German. This experience can be used in developing the banking system of modern Russia.

Key words: adaptation, adaptation technology, organization.

На Западе уже давно поняли высокую значимость инвестиций в человеческий капитал, роль хорошего производственного климата в организации и разработали системы адаптации своих сотрудников. При этом можно говорить об американской, европейской, японской моделях социально-профессиональной адаптации.

Каждый зарубежный банк имеет свою узкую и углубленную специализацию, представляет специфические услуги клиентам. Кандидат на

вакантную должность тщательно изучается на предварительном этапе отбора, его подвергают различного рода тестам, не всегда дающим объективные характеристики соискателей. Менеджеры не желают тратить усилия, время, деньги на разработку сложных адаптационных систем. Социально-профессиональная адаптация сводится в таких финансово-кредитных институтах к длительному переобучению кандидата.

Как правило, такие финансово-кредитные организации характеризуются отрицательной корпоративной культурой. Результатом этого становятся высокая текучесть кадров, неэффективная работа по планированию персонала и карьерного роста сотрудников, отчуждение работника от организации, услуг и товаров, производимых организацией.

В некоторых западных банках система социально-профессиональной адаптации регламентирована государством и контролируется высшими государственными органами, отдельные коммерческие банки не имеют права разрабатывать свои собственные технологии и методики выполнения финансово-кредитных операций. Это приводит к централизованной регламентации технологий и форм социально-профессиональной адаптации персонала. Адаптация вновь принятых сотрудников проходит в учебных центрах банка по двум программам: социально-профессиональная адаптация выпускников профильных вузов; профессиональная

переподготовка и социальная адаптация сотрудников, не имеющих опыта работы в банке.

Особое внимание в таких центрах уделяется социальной адаптации, развитию социальных компетенций, коммуникативных навыков. Все банковские служащие обязательно проходят тренинг-семинары, которые имеют ряд преимуществ по сравнению с первой моделью. Результатом этой системы становится снижение текучести кадров, более эффективная работа по планированию персонала и карьерного роста сотрудников, повышение организационной приверженности банковских специалистов. Но данная модель имеет существенный недостаток: избыточную централизацию и унификацию технологий и методик социально-профессиональной адаптации. Как показал анализ, средние и мелкие региональные банки не в силах нести это тяжелое финансовое бремя, тратить почти 12% годового банковского бюджета на адаптацию и переподготовку персонала.

Более плодотворна следующая модель адаптации, когда методики и технологии социально-профессиональной адаптации разрабатываются самим предприятием, исходя из своих собственных нужд, исходя из особенностей товаров и услуг. Основные особенности этой модели состоят в следующем. Прежде всего это наличие пропедевтической фазы во всех адаптационных технологиях: организуются дни открытых дверей, экскурсии на предприятия, предварительное интервьюирование, демонстрация описаний рабочих мест. Крупные банки, заинтересованные в притоке молодых специалистов, организуют бесплатные практики для студентов, включают самых перспективных из них в работу над проектами, проводят бесплатные тестирования.

Отбор будущих работников происходит на первых курсах специализированных учебных заведений. Кандидаты на работу в банки дополнительно слушают лекции практиков из числа руководящего состава банков. Банки выделяют для перспективных студентов дополнительные средства для полной и частичной оплаты учебы и повышения квалификации, на повышенные стипендии.

Адаптация и переподготовка ведутся в учебных центрах с отрывом от производства: происходит постоянный мониторинг адаптации испытательного срока путем тестирования и адаптационных бесед; применяется ранговая система продвижения по службе, каждому рангу соответствует определенная технология адаптации и переподготовки; постоянно практикуются горизонтальные перемещения работников, способствующих изучению смежных профессий; в штате банков имеются опытные менеджеры, которые осуществляют наставничество над молодыми сотрудниками в течение нескольких лет.

Социально-профессиональная адаптация представляет собой сложную многоступенчатую систему. Существуют две технологии социально-профессиональной адаптации. Первая – адаптация

вновь поступающих сотрудников из других отраслей народного хозяйства и технология для выпускников профильных вузов и женщин, находящихся в отпуске по беременности и родам, в отпуске по уходу за ребенком.

Топ-менеджеры считают, что наиболее важен для успешной последующей адаптации и для полного включения в рабочий коллектив первый день работы. В первый день новый сотрудник знакомится с предприятием. В торжественной обстановке ему вручается пропуск на предприятие. Потом он беседует с начальником отдела кадров и со своим непосредственным руководителем. Затем проходит экскурсия по предприятию, в ходе которой новичок знакомится со своими коллегами. В первый день проходят лекции по истории организации, по деловой культуре предприятия, организуются курсы по введению в должность, в ходе которых новичок знакомится с организационной структурой, со своей должностной инструкцией, с положением о подразделении, в котором он будет работать.

В конце первого рабочего дня новичок еще раз беседует со своим непосредственным руководителем, руководитель отвечает на его вопросы и знакомит сотрудника с социальным пакетом предприятия, с системой оплаты труда и наставником, на которого возложена ответственность за успешное прохождение процесса адаптации на предприятии.

Наставник проводит производственный инструктаж, в котором затрагиваются три основных вопроса: 1) почему надо выполнять данную работу, 2) как следует выполнять ее, 3) где необходимо выполнять работу. Наставник знакомит новичка с технологией работы, разбивает ее на этапы, технологические цепочки¹.

Приведем пример технологии адаптации такой важной позиции, как «менеджер по клиентам», в немецких банках. Данная технология состоит из четырех крупных блоков.

I. Начальный курс (лекции по истории банка, беседы с начальником отдела кадров и непосредственным руководителем по системе оплаты труда, по социальному пакету, экскурсия по банку), семинары на базе банка. Последние включают: семинар в кредитном управлении; семинар в управлении ценных бумаг; семинар в операционном отделе и бухгалтерии; семинар в отделе клиентского обслуживания.

II. Обучение непосредственно на рабочем месте. Оно представляет собой обучение на рабочих местах, стажировки в филиалах и головном банке.

III. Компьютерная подготовка, которая состоит из пяти этапов, представленных в виде тренингов по определенным программам: финансовый бизнес; инвестиционный бизнес; платежный оборот; экономика народного хозяйства; финансовые расчеты.

IV. Развитие технологических, управленческих и социальных компетенций. Данный блок состоит из пяти последовательных тренингов: структурированное консультирование клиента; методика проведения инициативного диалога с клиентом (тренинг

с использованием видеофильмов, аудиозаписи, деловых игр); методика беседы по согласованию цены и рекламации; тренинг «язык тела и жестов»; деловая игра-тренинг «открытие счета».

В плане развития необходимых социальных и личностных компетенций организуются семинары по конфликтологии, аргументации и личностному развитию.

Перед проведением семинаров проводится тестирование и по результатам тестирования составляются индивидуальные программы, которые курируют наставники.

По завершении четвертого блока проводятся две деловые контрольные игры: «продажи» и «поведение на переговорах»².

Каждый блок предваряет и завершает профессионально ориентированная беседа с наставником, в ходе которой ставятся конкретные цели и задачи, происходит контроль и самоконтроль их выполнения, определяется достаточно ли знаний для достижения поставленных целей и задач, происходит оценка качества работы и определяются сильные и слабые стороны нового сотрудника.

Адаптация к изменяющейся профессиональной среде женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, происходит значительно проще. Банк устанавливает дома у женщины компьютер и по корпоративной сети регулярно высылает сотруднице новые инструкции, положения, изменения в технологии работы, деловые игры, задания, выполняющие которые, женщина сохраняет социальные контакты с предприятием и поддерживает свои знания на достаточно высоком уровне.

Для успешности адаптации создана соответствующая система мотивации. Весь персонал банка разделен на пять групп, каждая из которых имеет соответствующую вилку окладов. Структура окладов каждой профессиональной группы имеет 35 ступеней, соответствующих примерно полному стажу работы в банке с момента начала работы молодого специалиста до его выхода на пенсию.

В случае, если сотрудник успешно проходит годовую аттестацию, он получает ежегодное гарантированное повышение оклада. Эта процедура дает сотруднику уверенность в завтрашнем дне, повышает его доверие к работодателю и в результате повышает уровень успешности социально-профессиональной адаптации.

Первая группу – неквалифицированные сотрудники без специального профессионального образования; практиканты; люди, выполняющие тяжелый физический неквалифицированный труд; вспомогательный персонал (рабочие, водители, уборщицы, дворники).

Вторая группа – сотрудники с окончанным средним образованием, сотрудники со среднеспециальным образованием (сотрудники канцелярии, простые исполнители в непрофильных отделах, сотрудники безопасности, кассиры).

Третья группа – сотрудники с полным средним образованием, со среднеспециальным и высшим

образованием, но без банковского образования и руководящих полномочий (начинающие экономисты, юристы, сотрудники отдела кадров).

Четвертая группа – люди с высшим экономическим образованием и с банковским опытом работы, профессионалы с руководящими полномочиями (зам. начальников отдела, начальники отделов, зам. директора дополнительного офиса, директор дополнительного офиса).

Пятая группа – фундаментально образованные опытные банковские специалисты с многолетним банковским стажем, широким общим кругозором и банковским мировоззрением (начальники управлений, дивизионов, директора филиалов и члены правления).

Фактором, мотивирующим адаптацию, является система оплаты труда. Доход немецкого банковского сотрудника состоит из четырех частей: фиксированного должностного оклада; премий, зависящих от успеха всего предприятия; премий, зависящих от успеха команды, и от личного вклада. Пока сотрудник не полностью адаптирован к банку и не приносит вклад в его развитие и процветание, он не получает переменной премиальной надбавки.

Адаптация отдельных сотрудников к горизонтальным и вертикальным перемещениям в западной банковской практике получила название «вторичная адаптация». Она состоит, как правило, из нескольких этапов: пропедевтический этап, работа с резервом, аттестация; профессиональное переобучение в учебном центре, работа с компьютерными программами, виртуально представляющими проблемы на новом рабочем месте; введение в должность.

Особенность этой модели заключается в отсутствии наставника, так как западные менеджеры уверены в том, что при наличии определенного опыта работы на прежних должностях специалист в состоянии определить приоритетные цели и задачи своей социально-профессиональной адаптации к новой должности.

Таким образом, проанализировав зарубежный опыт социально-профессиональной адаптации банковских служащих, можно определить модель разработки методик и технологий адаптации на отдельных предприятиях как наиболее полезную. Как показывает практика, при использовании зарубежного опыта адаптации на предприятии существенно повышается уровень успешности социально-профессиональной адаптации в условиях регионального коммерческого банка, в результате чего повышается производительность труда, доверие сотрудников к работодателю, улучшается психологический климат в коллективе и понижается текучесть кадров.

Примечания

- ¹ См.: Семенов Ю., Рыков А. Адаптация персонала на предприятиях // Кадры. 1996. № 10. С. 29–35.
- ² См.: Граве П. С., Шнайдерман М. Р. Адаптивные системы. Рига, 1972. С. 30.

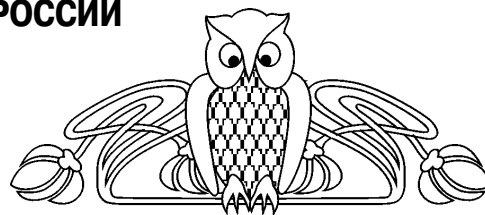

УДК 316.74 (470+571)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. Ф. Чубуков

Военный институт повышения квалификации специалистов
мобилизационных органов Вооруженных Сил Российской Федерации,
старший научный сотрудник
E-mail: ChubukovAF@mail.ru

В статье анализируются социокультурные аспекты процесса реформирования военного образования в контексте модернизации системы образования современной России, рассматриваются некоторые подходы к определению его характера и содержания.
Ключевые слова: военное образование, реформирование, модернизация.

Socialculture Aspects of Military Education's Reformation of Modern Russia

A. F. Chubukov

In the article there are analyzed the social culture aspects of reformation' processes of military education in context of education system's modernization of modern Russia, consider some approach marches for the determination of it's character and content.

Key words: military education, reforms, modernization.

Государственно-политические и социально-экономические преобразования 90-х гг. прошлого столетия оказали существенное влияние на российское образование и вызвали серьезные разрывы в системе «государство – образование – общество». В современных условиях, когда государство и общество начали достаточно отчетливо заявлять свои приоритеты, стало очевидным, что образование более не может оставаться в состоянии внутренней замкнутости и самодостаточности. За сравнительно короткий срок произошла его некоторая адаптация к принципиально новым политическим, социально-экономическим и духовно-нравственным условиям жизни, к свободному развитию демократического гражданского общества, удалось реализовать академическую автономию высших учебных заведений, обеспечить многообразие образовательных учреждений и вариативность образовательных программ, развитие многонациональной российской школы и негосударственного сектора образования. И все же широкомасштабного обновления системы образования не было осуществлено, в связи с чем нынешнее состояние образования не соответствует современным потребностям развития страны, запросам личности, общества и государства. В настоящее время комплексная и глубокая модернизация системы образования – это социально-функциональный императив

образовательной политики России, ее главное стратегическое направление.

Военное образование с начала XVIII столетия, от момента зарождения, являлось важной и определяющей составной частью образовательной системы Российского государства. Как правило, преобразования в российской системе образования начинались с реформы военной школы. С петровских времен знания, получаемые в военных академиях и военных училищах, были основательными, а их окончание – высокопрестижным. Военное дело в умелых руках – искусство, а в неумелых – ремесло. Ценность военного образования состояла ещё и в том, что оно формировало не только профессиональное мастерство, но и идейную ориентацию, общую культуру, политические взгляды¹.

Однако сегодня мы имеем достаточно примеров, подтверждающих, что объем и содержание подготовки военных специалистов не в полной мере отвечают современным требованиям развития военного дела. Основная причина этого, на наш взгляд, крупные издержки самой системы, отсутствие научно обоснованной образовательной концепции: чему, в каком объеме и на каком уровне учить.

В условиях коренной трансформации российского общества, когда в Вооруженных Силах Российской Федерации продолжают значительные системные преобразования и структурно-функциональные изменения, представляется предпочтительным унитарный подход в организации системы военного образования с целью обеспечения достаточного научно-фундаментального уровня и единства требований к качеству подготовки военных специалистов. Кроме того, в образовательную систему вуза необходимо включать подсистему самообразования и самовоспитания курсантов. Самовоспитание – необычайно важный метод развития и совершенствования слушателей и курсантов. Оно формирует у них активность, целеустремленность, личную позицию по отношению ко всему, что их окружает, стремление к самосовершенствованию. Самовоспитание, основанное на методах интенсивного обучения, открывает широкие возможности для ускоренного формирования в слушателях и курсантах

очень важных человеческих качеств, интеллектуальных и духовных свойств. По нашему мнению, такой подход к учебно-воспитательному процессу позволит значительно повысить уровень готовности выпускников к профессиональной деятельности в войсках.

Проводимое ныне реформирование системы военного образования коснулось деятельности каждого военного образовательного учреждения. Больше того, некоторые из принятых мер существенно снизили эффективность работы военных вузов и негативным образом сказываются на обороноспособности страны. Так, в образовательный процесс военных учебных заведений внедрены государственные стандарты, которые полностью ориентированы на подготовку специалистов в гражданских вузах. Формальная причина этого проста: в государственный «Классификатор стандартизированных специальностей» не были включены военные специальности, поэтому все они оказались, по сути, «вне закона», то есть не имеют права на самостоятельное существование.

Таким образом, военные вузы сегодня осуществляют подготовку слушателей и курсантов одновременно по двум специальностям: стандартизированной гражданской и нестандартизированной военной. Добиться повышения уровня фундаментальной подготовки выпускников можно только за счет бюджета времени тактических и общевоенных дисциплин, так как программа подготовки по гражданской специальности защищена от сокращения государственным стандартом, и интеграции всех групп дисциплин. Одной из немногих возможностей обеспечения необходимой военно-профессиональной подготовки слушателей и курсантов является использование внутренних ресурсов профессиональной ориентации математических, общих естественно-научных, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Все это неизбежно приводит к снижению качества подготовки офицерского состава, к удлинению сроков становления выпускников военных учебных заведений на первичных офицерских должностях и в итоге к снижению боеготовности Вооруженных сил.

Вопрос о включении всех военных специальностей в государственный «Классификатор специальностей» и связанный с этим переход военных вузов на государственные военные стандарты является на современном этапе ключевым. Помимо этой главной проблемы требует решения еще целый ряд вопросов.

Цель всей системы военного образования – это формирование всесторонне и гармонически развитой личности офицера. Из общего спектра основных направлений реформы военного образования хотелось бы выделить следующие. Прежде всего, это демократизация всей системы обучения и воспитания слушателей и курсантов.

Необходимо, чтобы она касалась и управления, и самого учебного процесса. Демократизация должна проникать также в содержание образования с целью ориентации его на реализацию неотъемлемых прав личности, приобщение её к общечеловеческим ценностям, на формирование духа взаимопонимания между разными народами, уважение чужих взглядов.

Одним из приоритетных направлений преобразования высшей военной школы, безусловно, является гуманизация военного образования. Это новые возможности для разностороннего развития будущего военного специалиста, формирование у него общечеловеческого подхода к профессиональной деятельности на основе изучаемых дисциплин в военном учебном заведении.

Важное направление совершенствования всей системы образования – его гуманитаризация. Несомненно, настало время вернуться к традициям старой российской военной школы, которая во главу угла ставила нравственное воспитание офицера, формирование его личности, общей и профессиональной культуры, умения жить в быстро меняющемся мире, способности осваивать новую информацию и принимать эффективное решение. Необходимо не только наполнить новым содержанием гуманитарные дисциплины, но и усилить гуманитарную направленность всех других предметов обучения, ликвидировать их противостественный отрыв, обособленность в преподавании.

Учитывая различие целевых установок гражданских и военных вузов, считаем крайне необходимым систему подготовки офицерских кадров вывести из-под влияния гражданских образовательных правил и полностью подчинить ее только интересам обороны и безопасности страны. Иными словами, система военного образования не должна основываться на нормативных актах, разработанных для гражданских образовательных заведений, для нее необходимо создать свое нормативное правовое законодательство.

Система подготовки будущих офицеров, основанная на нормативных правовых актах, разработанных для гражданских вузов, не учитывает и не может учесть военной специфики. Целевая установка и условия подготовки специалистов в гражданских и военных вузах принципиально различны. Гражданский вуз дает выпускнику знания в объеме высшего образования, не утруждая себя формированием необходимых военно-профессиональных качеств и не учитывая особенностей предстоящей его практической деятельности. Военный вуз решает принципиально иную задачу: на базе высшего образования подготовить не просто специалиста, а офицера для прохождения службы на конкретном типе военного объекта, в конкретной первоначальной офицерской долж-

ности. Высшее образование в военном вузе не цель, а лишь важное и необходимое средство для достижения главного результата – научить выпускника выполнению управленческих функций во время войны (боевых действий). Военные вузы не просто образовательные учреждения – это школа подготовки специфических кадров, решающих задачи обороны страны и составляющих костяк Вооруженных сил, это важнейшее звено в многогранной и многоуровневой системе воспитания офицера с присущими ему качествами гражданина, такими, как патриотизм, бескорыстие в служении Отечеству, мужество, смелость и отвага.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос подготовки военных специалистов в гражданских вузах. Поскольку офицер с командно-инженерной подготовкой является не просто специалистом, а прежде всего военным человеком, командиром, призванным управлять подразделением, военной техникой и оружием, полагаем, что его военные качества в полной мере могут быть сформированы только в военной среде – в военном вузе. Кадрового офицера командно-инженерного профиля способны подготовить на должном уровне исключительно военные вузы с их «казарменным» жизненным укладом, ежедневными занятиями, хорошо организованной самоподготовкой, ежегодной практикой в воинских частях. До конца XIX в. считалось, что будущий офицер должен обязательно прослужить в строю в нижних чинах. Главным условием для производства в офицеры было основательное знание службы и нравственный ценз, устанавливаемый согласием офицеров полка при закрытой баллотировке. Военно-учебные заведения должны были готовить к присвоению офицерского чина, но окончание его отнюдь не гарантировало этого: худшие воспитанники выпускались не офицерами, а унтер-офицерами².

На наш взгляд, представляется ошибочным мнение отдельных военных ученых, в частности А. П. Плагонова, предлагающих готовить высококвалифицированного офицера за 2 года обучения в военном вузе «путем интеграции гражданских и военных вузов на основе использования их сильных сторон: первых – в

сфере подготовки по гражданским специальностям, а вторых – по военным»³. Когда мы говорим о подготовке офицера, то, очевидно, речь должна идти не о вооружении человека багажом знаний в военной области, хотя это тоже важно, а о формировании и воспитании военного специалиста с высокими патриотическими, морально-психологическими, нравственными, духовными и физическими качествами. Воспитывать эти качества, как свидетельствует история Российской армии, следует начинать как можно раньше, в школьные годы.

На гражданские вузы можно возложить задачу обучения специалистов оборонных обеспечивающих профилей – офицеров запаса, с той целью, чтобы в дальнейшем призывать их на офицерские должности в подразделения и части тылового, технического обеспечения и т.п.

Учет рассмотренных выше вопросов при проведении реформы военного образования сможет:

- способствовать повышению качества подготовки офицерского состава;
- обеспечить реализацию основных направлений развития военной организации государства, определенных Военной доктриной Российской Федерации, в частности, «повышение эффективности функционирования систем подготовки кадров, военного образования, оперативной и боевой подготовки, воспитания военнослужащих, всех видов обеспечения, а также военной науки; реализация государственной политики по укреплению престижа военной службы, подготовке к ней граждан Российской Федерации»⁴;
- стимулировать курсантов после окончания военных вузов к многолетней службе.

Примечания

¹ См. подробнее: *Каменев А.И.* История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990. 117 с.

² Там же.

³ *Платонов А.П.* Как повысить военно-профессиональную подготовку офицеров // *Военная мысль.* 2003. № 9. С. 54–57.

⁴ *Военная доктрина* // *Рос. газ.* 2000. 25 апр. С. 5–6.

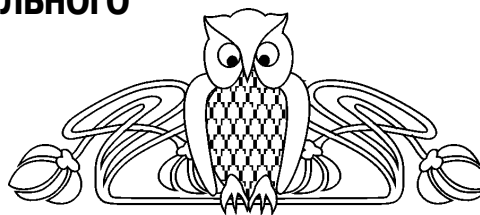

УДК 316.344.6

ЗДОРОВЬЕ В СИСТЕМЕ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОЧИХ

В. Я. Шклярук

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономической социологии
E-mail: kochetov@ssea.runnet.ru

Статья посвящена проблемам здоровья, его сохранения и укрепления как фактора продления творческого долголетия рабочих. Определено место ценности здоровья в системе самосохранительного поведения рабочих промышленного предприятия.

Ключевые слова: здоровье, самосохранительное поведение, социальная адаптация.

Health in a System of Works Self-Preservation Behavior

V. Ya. Shklyaruk

Article is devoted to problems of health, it's preservation and it's strengthening, as a factor of prolongation creative longevity of workers. The place of value of health is defined in a system of self-preservation behavior at the industrial enterprise.

Key words: health, self-preservation behavior, social adaptation.

Ценностью для человека является все, что имеет для него определенную значимость, личный или общественный смысл. Ценностное отношение человека к миру и себе приводит к ценностным ориентациям личности. Для зрелой личности обычно характерны достаточно устойчивые ценностные ориентации. Они приобретают характер норм и определяют формы поведения членов данного общества. Ценностное отношение личности к себе и миру реализуется в эмоциях, воле, решимости, целеполагании, творчестве идеалов.

Важное место в системе социальных ценностей и приоритетов общества занимает проблема сохранения здоровья.

Состояние здоровья трудоспособного населения России приобретает все большее значение на фоне очевидного сокращения трудового потенциала нашего общества, что обуславливается влиянием множества факторов – демографических, социально-экономических, профессиональных, медико-биологических и т.д.

Серьезную социальную опасность представляет ухудшающееся состояние здоровья этносов, населяющих Россию. Резкое снижение уровня жизни в условиях социальной незащищенности населения, неуверенность в завтрашнем дне, неудовлетворительное состояние базовой медицины, рост наркомании и алкоголизма предопределили ухудшение здоровья и сокращение продолжительности жизни россиян.

Особенно необходимо выделить социологическую проблему отношения российского

населения к своему здоровью. Научные исследования свидетельствуют, что существует как минимум три типа отношений: самосохранительное, равнодушное и саморазрушительное. Они порождают соответствующие типы поведения, связанные в своих крайних проявлениях со здоровым образом жизни (двигательная активность, нормальное питание и т.д.) и разрушительным образом жизни (наркомания, алкоголизм, табакокурение и т.д.).

В этих условиях здоровье перестает быть только личным делом человека, оно становится проблемой жизни и смерти этноса, социума в целом.

Здоровье является мощным социальным, экономическим, трудовым, демографическим, культурным и духовным потенциалом любого общества.

Здоровье – социально-психологическая категория. О здоровье общества мы можем судить по следующим показателям: рождаемость, смертность, уровень заболеваемости, продолжительность жизни; если рождаемость высокая, смертность низкая, члены общества редко болеют и долго живут, можно говорить, что общество здорово.

Между рождением человека и его смертью находится здоровье человека, существование его тела и духа. Душа по-гречески «психе». Древние говорили: «В здоровом теле здоровый дух». Если у человека боль в какой-либо части тела, то его самочувствие не из лучших, а если физическое здоровье, ощущение бодрости и силы в большинстве случаев вызывает состояние, которое коротко определяется в двух словах: «душа поет». Однако бывает, что телесное состояние превосходно, а вот душевное, психологическое, оставляет желать лучшего, так как нечто в окружающем мире не соответствует потребности личности.

На протяжении жизни человек постоянно подвергается различным стрессам. Способность преодолевать их воздействие зависит от внутренних возможностей организма и условий окружающей среды.

Природа позаботилась о нашем ресурсе здоровья, снабдив нас от рождения структурной и сенсорной информационными системами, обладающими способностью к саморегуляции и

поддержанию жизни. Дальше все будет зависеть от того, как мы распорядимся природным даром, и, конечно, от того, в каких условиях мы будем им распоряджаться, от нашего образа жизни.

Эмпирическим, опытным путем человечество пришло к выводу, что неумеренность в еде, злоупотребление алкоголем, малоподвижный образ жизни снижают ресурс здоровья, в то время как занятия спортом, рациональное питание, закаливание повышают его. И чем раньше у человека сформируется мотивация, т.е. осознанная необходимость заботиться о своем здоровье, тем здоровее будет каждый конкретный человек в частности и общество в целом.

В основе психологии здоровья должна лежать святость самосохранения. Прежде чем научиться работать и заботиться об общественном благе, которому человек будет служить, он должен научиться заботиться о самом себе.

В демократическом обществе, утверждающем личную ответственность человека за все его действия и отношения, здоровье становится самостоятельно значимой ценностью, потому что без хорошего здоровья человек не сможет полноценно участвовать в неизбежной рыночной конкурентной борьбе, не сможет обогатить общество высокими личными достижениями.

Система государственного здравоохранения во многом пока не в состоянии полноценно заботиться о здоровье своих граждан. Все это говорит о том, что вместе с переустройством общественной системы должна изменяться и система взглядов на здоровье человека. Ф. Бекон ясно выразил свою мысль: «Медицина, не основанная на философии, не может быть надежной»¹. Внимание врачей и их пациентов должно переместиться с лечения болезней на их профилактику и пропаганду способов достижения здоровья во всем его объеме, когда человек может радоваться жизни, полностью выявлять заложенные в нем потенции, осуществлять свой личный рост и двигать общественный прогресс. Это означает смену оздоровительной парадигмы, т.е. способа решения проблем, связанных со здоровьем.

Основоположник валеологии И. И. Брехман предельно ясно выразил ее становление как науки о путях и способах формирования, сохранения и укрепления здоровья человека: «Для того чтобы человек мог соответствовать своей роли “венца природы” и выполнить историческую миссию на Земле и в космосе, он должен быть здоровым»².

Здоровье индивидуума и популяции во многом зависит от воздействия природно-климатических, генетических, экономических, политических, социальных, культурных и других факторов. На протяжении всей истории развития человечества медицина, социология, философия в тесном контакте с другими науками, обобщая многолетний опыт и научные данные, стремятся

определить и выработать принципы формирования здорового образа жизни.

Современная жизнь создает много проблем и предъявляет повышенные требования к человеку и его здоровью. «Для изменения ситуации в стране к лучшему, необходимо в корне изменить систему жизненных ценностей, отношения к природе и взглядов на окружающий мир. В соответствии с этим жизнь и здоровье человека должны быть признаны высшими ценностями... Образование, карьера, богатство и все другие ценности не принесут счастья, они потеряют свои ценность и значение с потерей здоровья и жизни»³.

Формирование здоровья личности – сложный и долговременный процесс.

По прогнозам специалистов, отмечается постарение трудоспособного населения, что уже в ближайшие годы вызовет «кадровый голод». За предстоящие 20 лет потери по естественным причинам составят 80–90% от сложившейся численности занятых в этой группе⁴.

В соответствии с данной проблемой нами проведены исследования в рабочих коллективах крупного промышленного предприятия «бывшей оборонки» (октябрь–ноябрь 2007 г.) путем анкетирования, основу которого составляла простая случайная выборка. Анкета носила анонимный характер.

Возрастная характеристика исследуемых следующая: средний возраст – 51,5; общий возраст – от 41 до 70 лет; около 25% на данном предприятии в пенсионном возрасте и столько же окажутся ими в ближайшее время.

Данная характеристика показывает смещение трудоспособных рабочих в пенсионную группу.

В данной ситуации ценность здоровья трудоспособного населения значительно возрастает и представляет исследовательский интерес. А. Ф. Храпцов приводит веские доказательства сложной социализации пенсионеров в условиях современного реформирования государства⁵.

Из вопросов анкеты мы выделили те, которые характеризуют отношение личности рабочих к своему здоровью, его самооценку и образ жизни рабочего в социальной среде.

В основу психологии здоровья положено его самосохранение, оно становится самостоятельно значимой ценностью для личности и общества в целом.

Нами уточнено определение самосохранительного поведения: оно представляет собой совокупность знаний, мотивов, убеждений, системы действий и отношений, которые организуют и направляют волевые усилия личности на сохранение здоровья, здоровый образ жизни в течение полного жизненного цикла, на продление творческого долголетия.

При обработке данных анкетирования использовался анализ одномерных распределений в процентах.

Каково же отношение рабочих к своему здоровью, к здоровому образу жизни? Соответствует ли оно понятию самосохранительного поведения? Ответы респондентов распределились следующим образом: 44,0% курят, редко (один раз в месяц) употребляют алкоголь, физической культурой не занимаются; 31,0% более близки к ведению образа жизни, соответствующего современным меркам трудового человека – не курят, употребляют алкоголь «по праздникам», занимаются физической культурой, т.е. ведут относительно здоровый образ жизни, и к третьей группе – 18% – отнесены респонденты некурящие, но часто употребляющие алкоголь (один раз в неделю) и считающие, что это не противоречит здоровому образу жизни.

Итак, самосохранительное отношение к здоровью присуще 31,0% рабочих, способствующее продолжительности трудовой активности и в пенсионном возрасте, что очень важно в связи с серьезными рисками в кадровом обеспечении в группе квалифицированных рабочих промышленных отраслей.

Необходимо отметить, что в процессах формирования здоровьесберегающих установок руководство предприятия занимает довольно активную позицию. На балансе предприятия есть спортивный комплекс с несколькими спортивными залами, лыжная база, летний оздоровительный лагерь на Волге, сауна, медкабинет. На заводе имеется широкий круг спортивных услуг, предоставляемых коллективом «цеха здоровья». Завод готовится к своему 50-летнему юбилею. Полным ходом идет зимняя спартакиада, планируется и летняя спартакиада по более чем 10 видам спорта, которыми будет охвачено более 50% рабочих и служащих предприятия.

А как же подрастающее поколение? Каково их социальное самочувствие, отношение к здоровью, рабочей профессии?

Хорошо оборудованная спортивная база предоставлена детям сотрудников завода бесплатно, что способствует активизации и популяризации занятий физической культурой и спортом, формированию здорового образа жизни. Но дети в редких случаях идут «по стопам» своих родителей, сетуют ветераны труда. Отмечается отсутствие преемственности трудовых поколений, потеряна престижность рабочей профессии.

Социально-демографические процессы в современном обществе накладывают особый отпечаток на состояние здоровья трудоспособного населения.

В ранжировании причин, отрицательно влияющих на здоровье, респонденты на первое место поставили рост загрязнения окружающей среды, и как следствие, общее снижение иммунитета личности. На втором месте – курение и алкоголь как факторы, разрушающие здоровье. Последующими отрицательными факторами названы социальные депрессивные, стрессовые состояния, связанные с неуверенностью в завтрашнем дне, низким уровнем жизни.

Здоровье населения – важный показатель благосостояния страны, качества жизни ее граждан.

Население нашей страны является старым (доля людей старше 60-ти лет – 12,5% от общей численности россиян, в то время как мировой стандарт – 7%). В отсутствие традиций самосохранительного поведения в России граждане нашей страны, отмечает Т. З. Козлова, о своем здоровье начинают думать, когда оно в значительной степени утеряно⁶.

Рассмотрим показатели оценок здоровья респондентами: 48,0% рабочих оценивают свое здоровье в целом как хорошее для их возраста; 46% – как удовлетворительное, имеющие некоторые проблемы со здоровьем; 3,0% – плохое и всего 3,0% – здоровы.

Респондентами определены следующие отклонения в состоянии здоровья: 45,0% испытывают повышенное кровяное давление иногда; 27,0% имеют возрастные заболевания суставов; 10,0% имеют хронические заболевания внутренних органов; 8,0% испытывают повышенное кровяное давление постоянно; 4,0% имеют нарушение функции щитовидной железы и только 6,0% указывают на отсутствие каких-либо осложнений.

Данная динамика самооценки рабочими своего здоровья свидетельствует о его низком уровне, не соответствующем современным требованиям производства.

Анализ результатов исследования состояния здоровья, отношения рабочих к его сохранению и укреплению неоднозначны. Самосохранительные установки, направленные на продление активной творческой жизни, в том числе и после выхода на пенсию, присущи всего 31,0% респондентам, которые реализуют их в ведении здорового образа жизни. При этом необходимо отметить, что около половины (45,0%) исследуемых уже имеют проблемы со здоровьем в начальной стадии, но не предпринимают каких-либо усилий по его сохранению и укреплению.

Заслуживает пристального внимания и девиантное поведение, противоречащее социальным нормам поведения личности в обществе. Около половины исследуемых курят (44,0%), злоупотребляют алкоголем (18,0%), т.е. далеки от образа жизни, способствующего продлению творческого трудового долголетия.

Наличие хорошей спортивной базы на данном предприятии еще не решает главной проблемы: вовлечения рабочих и служащих в активные занятия физической культурой и спортом, тем самым сохранения трудовой активности рабочего человека.

Н. М. Амосов оставил нам замечательные рекомендации. «...Чтобы стать здоровым, нужны собственные усилия, постоянные и значительные. Заменить их нельзя ничем. Человек, к счастью, столь совершенен, что вернуть здоровье можно почти всегда...Для здоровья одинаково необходимы четыре условия: физическая нагрузка,

ограничение в питании, закаливание, время и умение отдыхать...»⁷.

Большинство людей сегодня осознают высокую ценность здоровья, но вместе с тем не предпринимают каких-либо шагов по его достижению.

Психолог Л. Г. Уляева утверждает: «Необходимо добиться, чтобы сохранение здоровья стало ведущей органичной потребностью человека на протяжении его жизненного пути, т.е. речь идет о формировании “культуры здоровья” и способов мотивации человека к сохранению и развитию своего здоровья»⁸.

Таким образом, осознание здоровья как ценности воспринимается определенным кругом лиц, приобщенных к здоровому образу жизни, занимающему важную ступень в системе самосохранительного поведения рабочих. При этом большинство рабочих понимает значимость сохранения здоровья, как необходимого условия продления трудовой активности, но не склонны изменить девиантное поведение на самосохранительное. Создание стойкой мотивации у рабочих к формированию здоровья – это долговременный процесс, каждый день, всю жизнь.

УДК 316.334

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ю. Г. Быченко, Л. В. Логинова*

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра экономической социологии

*Вольское высшее военное училище тыла (Военный институт),

кафедра экономики, менеджмента и права

E-mail: lvloginova66@mail.ru

В статье с процессами модернизации общества связывается генезис социально-экономической теории человеческого капитала. Показано, что для постиндустриальной эпохи ведущим фактором устойчивого развития общества становится качество человеческого капитала. Россия имеет необходимые человеческие ресурсы для обеспечения инновационного развития, но эффективность их использования ухудшается. Необходимо, чтобы увеличение вложений в развитие человека стало государственной стратегией социально-экономического развития. Это обеспечит консолидацию общества на пути его модернизации.

Ключевые слова: модернизация, человеческий капитал, качество человеческого капитала, инвестиции в человека, социальная структура.

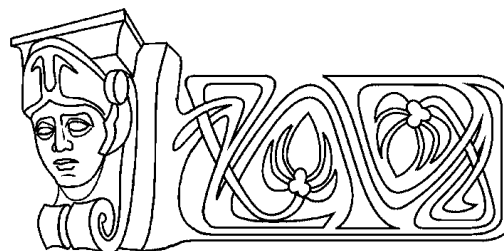
Society Modernization and Quality of Human Capital

U. G. Buchenko, L.V. Loginova

The article presents the connection of modernization processes with the genesis of socio-economic theory of human capital. It is shown that post-industrial epoch stability factor is presented by the quality of

Примечания

- ¹ Цит. по: Петрушин В.И., Петрушина Н.В. Валеология. М., 2003. С. 245.
- ² Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. М., 1990. С. 7.
- ³ Розенфельд Л.Г. и др. Здоровье населения и возможности его сохранения // Материалы международного конгресса валеологов. СПб., 1999. С. 152.
- ⁴ См.: Макарова М.Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социс. 2007. №8. С. 58.
- ⁵ См.: Храпцов А.Ф. Социальное государство. Практика формирования и функционирования в Европе и России // Социс. 2007. №2. С. 26.
- ⁶ См.: Козлова Т.З. Здоровье пенсионеров. Самооценка // Социс. 2000. №12. С. 89.
- ⁷ Амосов Н.М. Раздумья о здоровье. 3-е изд. М., 1987. С. 19.
- ⁸ Уляева Л.Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика ФК. М., 2006. №6. С. 54.

human capital. Russia possesses all necessary resources for promoting innovation development, but their effectiveness gets worse. It is urgent to make the state strategy of socio-economic development as a means of enlarging the investment into human development. It will provide for the consolidation of society in the period of modernization.

Key words: modernization, human capital, human capital quality, investment into people, social structure.

Россия уже не один год живёт под знаком модернизации, необходимость которой активно обсуждается экономистами. Например, создана исследовательская группа учёных (СИГМА) с целью выявления возможных субъектов модернизации, коалиций за модернизацию, анализа готовности общества воспринимать модернизацию, участвовать в тех или иных стратегиях модернизации, т.е. предмет исследования экономистов всё больше расширяется, захватывая и традиционное поле исследования социологов. Тем не менее, социологическая мысль уже давно выработала ряд теоретических конструкций, которые позволяют

ограничение в питании, закаливание, время и умение отдыхать...»⁷.

Большинство людей сегодня осознают высокую ценность здоровья, но вместе с тем не предпринимают каких-либо шагов по его достижению.

Психолог Л. Г. Уляева утверждает: «Необходимо добиться, чтобы сохранение здоровья стало ведущей органичной потребностью человека на протяжении его жизненного пути, т.е. речь идет о формировании “культуры здоровья” и способов мотивации человека к сохранению и развитию своего здоровья»⁸.

Таким образом, осознание здоровья как ценности воспринимается определенным кругом лиц, приобщенных к здоровому образу жизни, занимающему важную ступень в системе самосохранительного поведения рабочих. При этом большинство рабочих понимает значимость сохранения здоровья, как необходимого условия продления трудовой активности, но не склонны изменить девиантное поведение на самосохранительное. Создание стойкой мотивации у рабочих к формированию здоровья – это долговременный процесс, каждый день, всю жизнь.

УДК 316.334

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ю. Г. Быченко, Л. В. Логинова*

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра экономической социологии

*Вольское высшее военное училище тыла (Военный институт),

кафедра экономики, менеджмента и права

E-mail: lvloginova66@mail.ru

В статье с процессами модернизации общества связывается генезис социально-экономической теории человеческого капитала. Показано, что для постиндустриальной эпохи ведущим фактором устойчивого развития общества становится качество человеческого капитала. Россия имеет необходимые человеческие ресурсы для обеспечения инновационного развития, но эффективность их использования ухудшается. Необходимо, чтобы увеличение вложений в развитие человека стало государственной стратегией социально-экономического развития. Это обеспечит консолидацию общества на пути его модернизации.

Ключевые слова: модернизация, человеческий капитал, качество человеческого капитала, инвестиции в человека, социальная структура.

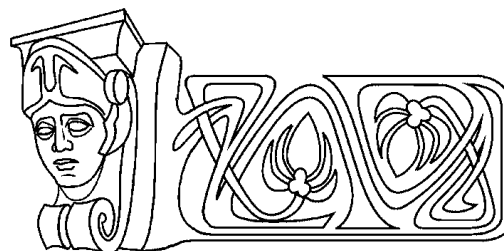
Society Modernization and Quality of Human Capital

U. G. Buchenko, L.V. Loginova

The article presents the connection of modernization processes with the genesis of socio-economic theory of human capital. It is shown that post-industrial epoch stability factor is presented by the quality of

Примечания

- ¹ Цит. по: Петрушин В.И., Петрушина Н.В. Валеология. М., 2003. С. 245.
- ² Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. М., 1990. С. 7.
- ³ Розенфельд Л.Г. и др. Здоровье населения и возможности его сохранения // Материалы международного конгресса валеологов. СПб., 1999. С. 152.
- ⁴ См.: Макарова М.Н. Стратегии воспроизводства рабочих как отражение их трудовых и образовательных ориентаций // Социс. 2007. №8. С. 58.
- ⁵ См.: Храпцов А.Ф. Социальное государство. Практика формирования и функционирования в Европе и России // Социс. 2007. №2. С. 26.
- ⁶ См.: Козлова Т.З. Здоровье пенсионеров. Самооценка // Социс. 2000. №12. С. 89.
- ⁷ Амосов Н.М. Раздумья о здоровье. 3-е изд. М., 1987. С. 19.
- ⁸ Уляева Л.Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика ФК. М., 2006. №6. С. 54.

human capital. Russia possesses all necessary resources for promoting innovation development, but their effectiveness gets worse. It is urgent to make the state strategy of socio-economic development as a means of enlarging the investment into human development. It will provide for the consolidation of society in the period of modernization.

Key words: modernization, human capital, human capital quality, investment into people, social structure.

Россия уже не один год живёт под знаком модернизации, необходимость которой активно обсуждается экономистами. Например, создана исследовательская группа учёных (СИГМА) с целью выявления возможных субъектов модернизации, коалиций за модернизацию, анализа готовности общества воспринимать модернизацию, участвовать в тех или иных стратегиях модернизации, т.е. предмет исследования экономистов всё больше расширяется, захватывая и традиционное поле исследования социологов. Тем не менее, социологическая мысль уже давно выработала ряд теоретических конструкций, которые позволяют

исследовать социальные аспекты модернизации, выявлять её напряжённые, кризисные, бифуркационные ситуации.

Модернизация представляет собой процесс перехода экономики и общества из одного состояния в другое: например, от традиционного общества к индустриальному или от индустриального к постиндустриальному.

С процессами модернизации общества и с обусловленным ими развитием теории капитала мы связываем генезис социально-экономической теории человеческого капитала.

На ранних стадиях развития капитализма, в период индустриальной модернизации общества, работник использовал в процессе производительного труда преимущественно свой биологический потенциал (ввиду слабого развития совокупных производительных сил и отсутствия объективной необходимости применения информационно-научного фактора производства). Он был отделен от средств производства, не имел запасов средств существования, поэтому его собственность на рабочую силу являлась еще формальной. Капиталист легко создавал условия, когда работник вынужден был отказываться на тот или иной период от владения этой собственностью, получая взамен только основной фонд возмещения затрат физического и биологического своего потенциала в виде чрезмерно заниженной основной заработной платы. Юридическая свобода работника касалась лишь условий продажи его рабочей силы, но на деле он находился в экономической зависимости от капиталиста-предпринимателя, который присваивал всю прибыль предприятия, не признавая необходимости отдавать её часть работникам через выплату дополнительной заработной платы.

В научных теориях до середины XX в. имели место различные подходы к изучению человека труда, не представляющие собой целостной концепции человеческого капитала, так как в обществе еще не существовало объективных предпосылок для формирования теории человеческого капитала.

В период 50–60-х гг. XX в. при формировании экономики нового типа, когда резко возрастает значение индивидуальных личностных свойств работника, его уровня знаний, умений, навыков, квалификации, научно-творческих способностей, появляется объективная необходимость в разработке отдельных теорий о человеке труда, его качествах и свойствах как важнейших ценностях общества и систем производства. В связи с этим начинают развиваться целостные концепции человеческого капитала.

Современный мир характеризуется переходом к принципиально новому типу общественно-экономического развития, основными факторами которого становятся знания, образование, морально-нравственные характеристики работника, полнота человеческой жизни. Научное понимание работника стало ассоциироваться с

понятием совокупного работника, которое охватывает спектр качеств личности: индивидуальных, коллективных, общественных, биологических, образовательных, интеллектуальных, культурных.

В эпоху постиндустриального общества экономика служит не ею самой определяемым целям, а целям человеческого развития и совершенствования¹. Развитая человеческая личность представляет собой конечный результат экономического функционирования и одновременно его важнейший ресурс и средство последующего развития. Так, постепенно изменяется сущностная определенность, общественная значимость и характер трудового использования человеческого капитала, который приобретает ряд черт, характеризующих его как новую социальную категорию.

Во-первых, в современных условиях происходит процесс дальнейшего обобществления труда, неизмеримо раздвигаются границы реализации совокупного человеческого капитала. Объективная интеграция труда объединяет все звенья общественного хозяйства в единый материальный и духовный общественный комплекс, в котором каждый человеческий капитал индивидуальности функционирует как частица общей ассоциированной деятельной способности общества, имеющий как социальное, так и экономическое значение, определяющий доступ к социальному статусу, экономической власти и дивидендам. Механизм реализации человеческих способностей идентифицируется с различного рода профессиональным действием человека.

Во-вторых, современная система трудовой деятельности объективно объединяет духовную и материальную сферы в единой системе общественного воспроизводства как части целостного хозяйственного организма. Современное общество – это взаимосвязанное, взаимозависимое макроскопическое и непрерывное социально-экономическое движение, включенное в «интенсивное и постоянное самопреобразование»². Его конечный двигатель обнаруживается в «самозапускаемой преобразовательности»³ и способности творчески отзываться на изменения и социально-экономические воздействия.

В-третьих, формирование совокупного человеческого капитала осуществляется преимущественно не в процессе труда, а в сфере образования, в интересах не только предприятия и государства в целом, но и в интересах самих трудящихся. Важнейшим здесь является то, что проявление индивидуальных деятельных способностей в ассоциированном виде означает относительное совпадение личного интереса большинства работников предприятий и организаций с коренным интересом общества в целом.

В-четвертых, ассоциированный характер человеческого капитала составляет основную черту общественной формы его использования в контексте данного исторического периода, характеризующегося определенными социальными,

экономическими характеристиками и индивидуальными свойствами людей.

В-пятых, в современных условиях возрастает влияние на все сферы общественной жизни, духовной культуры человека. Это внутренний, необходимый, повторяющийся и устойчивый фактор оптимизации человеческой жизнедеятельности⁴. В практику хозяйствования все в большей мере входят и получают общественную оценку капитальной ценности культурные характеристики человека как общественного фактора развития – знания, интеллект, квалификация, навыки, накопленный опыт, личные качества: общие способности, разностороннее развитие, творческие способности, личностная индивидуальность, активность, ответственность. Общественное значение в виде капитальной ценности приобретают такие качества, как честность, коллективизм, коммуникабельность, совесть, взаимовыручка, сострадание, морально-нравственные характеристики⁵.

Данные обстоятельства обусловили появление новых современных концепций человеческого капитала. Так, М. М. Критский рассматривает его как «всеобщую форму экономической жизнедеятельности – итог исторического движения человеческого общества к современному состоянию»⁶. С новой точки зрения подходят к определению этой категории А. И. Добрынин и С. А. Дятлов, считая человеческий капитал совокупностью «всех атрибутивных качеств и свойств, производительных способностей и сил, функциональных ролей и форм, рассматриваемых с позиций системной целостности и адекватных современному состоянию общества эпохи научно-технической и социально-информационной революции, включенных в систему рыночной экономики в качестве ведущего творческого фактора общественного воспроизводства»⁷.

Ряд зарубежных ученых трактуют сущность данной категории как совокупный, всеобщий потенциал человека труда, косвенно определяя его связи со стоимостными основами и целевыми формами использования. Так, Л. Туроу считает, что «человеческий капитал... включает такие свойства человека, как уважение к политической и социальной стабильности, что приобретает преимущественно в результате соответствующего воспитания и образования... Все общества хотят создать индивидуума с определенными будущими предпочтениями... Общество может рассчитывать на получение известных выгод от различных проектов инвестиций в человека именно потому, что они изменяют будущие или текущие предпочтения таким образом, что последние становятся совместимыми со стремлениями общества (или большинства в обществе). Такие изменения в предпочтениях имеют ценность для общества, но не обязательно – для индивидуума»⁸. Данный автор рассматривает исторические формы развития внешних проявлений данной категории, которая, бесспорно, связана с историческим про-

цессом развития человеческой жизнедеятельности, что проявляется, в том числе и в изменении отношения данного общества к политической и социальной стабильности, к усилению роли творческих свойств и качеств совокупного человека. Эти характеристики убедительно показывают взаимосвязь общественного развития и развития человеческого капитала общества, а также необходимость его расширительного рассмотрения на уровне общества.

Все авторы сходятся во мнении, что не только величина, но и качество человеческого капитала (его здоровье, знания, способность к мобильности) в постиндустриальную эпоху становится ведущим фактором устойчивого развития общества.

Согласно теории модернизации общество может считаться современным, если оно характеризуется определёнными признаками: высоким уровнем индустриализации; устойчивым экономическим развитием при высоком ВВП; высоким качеством жизни; развитой профессионально-отраслевой структурой населения; занятостью населения преимущественно в промышленности, науке, сфере услуг; высокой степенью мобильности населения; высоким удельным весом среднего класса в стратификационной структуре общества; верой общества в силу рационального научного знания⁹.

Таким образом, модернизация сопровождается комплексными изменениями в технологическом, экономическом, социальном, культурном, политическом и психологическом измерении человеческого бытия. Не следует забывать и о том, что человеческий капитал, действующий в особой культурной, исторической среде, представляет собой институциональную ценность как субъект институционализации (создатель институтов), общественную ценность как субъект социального творчества, политическую ценность как гражданин, культурную ценность как личность с особой нравственностью, жизненными установками.

В условиях постиндустриального общества предъявляются новые требования к способностям работника. Он должен уметь не только самостоятельно определять основные параметры своего трудового процесса и кооперации с партнерами, но и в определённых случаях выполнять ряд функций самого предпринимателя. Таким образом, *трансформация роли работника в производственном процессе* обуславливает повышение требований к качеству человеческого капитала. При этом повышается значение не только квалификации, но и творческих способностей человека, его самостоятельности. Среди исследователей человеческого капитала есть мнение, что в ближайшей исторической перспективе перед бизнесом «будет стоять задача подчинения не столько собственно творческой деятельности, сколько относительно более простого феномена – *новаторского, инновационного, профессионального потенциала работников и процессов их воспроизводства*»¹⁰. В этих условиях воспроизводство рабочей силы

требует всё больших затрат на образование, здравоохранение, науку, причём не только со стороны государства, но и частного бизнеса.

Замечено, что в странах, где в структуре национального богатства преобладает удельный вес человеческого капитала, наблюдается и более высокое реальное накопление (табл. 1).

Учитывая данное обстоятельство, в настоящее время государственной стратегией социально-экономического развития общества должно стать увеличение инвестиций в человека. Данной стратегии необходимо придерживаться и частному бизнесу, которому в связи с интеллектуализацией производства требуется человеческий капитал с новыми качествами. Соответственно повышение в национальном богатстве доли внеэкономических

факторов развития становится целью социально-экономического развития современного общества, а величина расходов государства, бизнеса, населения на накопление человеческого капитала выступает критерием эффективности общественного развития.

Проведём анализ показателей человеческого капитала в России.

На фоне относительно низкой доли НИОКР в ВВП Россия может быть отнесена к группе развитых стран по имеющемуся человеческому капиталу и по отдельным параметрам инновационного потенциала. Так, в России доля профессионалов, технических работников в общей занятости даже превышает соответствующие показатели развитых стран (табл. 2).

Таблица 1

Национальное богатство в ряде стран в конце XX века

Страны	Общий объём, трлн долл. США	На душу населения, тыс. долл. США	Элементы богатства, % к общему объёму		
			человеческий	природный	воспроизводимый
США	124	460	77	4	19
Россия*	59	400	50	40	10
Япония	54	420	68	1	31
Китай	35	28	77	7	16
Германия	31	375	75	1	23
Великобритания	21	353	79	2	19
Франция	21	360	74	3	23
Италия	17	295	73	12	13
Индия	12	20	58	20	22
Канада	6	300	69	11	20
Австралия	6	300	69	11	20
Саудовская Аравия	3,5	170	40	42	18
Венесуэла	2,6	110	49	7	44
Чили	2,3	150	79	10	12
Финляндия	1,6	320	56	7	37
Норвегия	1,3	300	57	10	33
Новая Зеландия	1,0	280	59	18	23
Итого по 17 странам	400	130	65	13	22

* Высокий уровень накопления человеческого капитала в России обусловлен тем, что качество российского человеческого капитала приравнено к качеству человеческого капитала в Западной Европе. Поскольку оплата труда российских специалистов за рубежом не ниже оплаты труда в этих странах, следовательно, уровень их квалификации соответствует требованиям рыночной экономики данных стран.

Сост. по оценкам экспертов Всемирного банка, дополненным оценками по России. Приводится по: *Валентей С., Нестеров Л.* Россия в меняющемся мире // Вопросы экономики. 2002. № 3. С. 55.

Наша страна имеет необходимые человеческие ресурсы для обеспечения инновационного развития, но пока эффективность использования инновационного потенциала ухудшается. Об этом свидетельствуют некоторые статистические данные и данные социологических опросов.

Так, по данным статистики, в России наука, образование, здравоохранение, культура, т.е. отрасли, отвечающие за качество человеческого

капитала, остаются недофинансированными. Например, происходит новое сокращение расходов федерального бюджета на культуру, кинематографию и СМИ: 82,7 млрд руб. – 2008 г., 70,2 млрд – 2009 г., 67,5 млрд руб. – 2010 г. В % к расходам федерального бюджета – это 1,3 – в 2008; 0,9 – в 2009 и 0,8 – в 2010 г. (см.: Заключение по проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2008 год и на период до 2010 г.». М.: Институт экономики РАН, 2007).

Таблица 2

Сравнительные экономические показатели США, ЕС-25, Японии и России

Показатели	США		ЕС-25		Япония		Россия	
	2000	2006	2000	2006	2000	2006	2000	2006
ВВП на душу населения, тыс. долл. по ППС	34,1	43,2	22,6	28,9	24,8	31,4	7,5	12,9
Энергоёмкость экономики тнэ/млн долл. ВВП по ППС (в ценах 2000 г.)	240	210	157	145	157	146	613	473
Обрабатывающая промышленность, % ВВП	14,5	11,9	17,3	14,9	22,1	21,2	18,3	15,6
Услуги, % ВВП	76,9	77,9	70,5	72,6	65,0	67,2	49,2	63,3
Профессионалы, технические работники, % рабочей силы	18,9	20,2	26,8	29,9	13,3	14,7	30,8	31,9
Количество пользователей Интернета на 100 человек населения	43,7	60,8	21,8	52,4	29,9	52,8	2,0	23,1
Численность научных работников, занятых в сфере НИОКР, чел. на 1000 населения	4,5	4,6	2,4	2,7	5,1	5,3	3,5	3,2
Доля НИОКР в ВВП, %	2,7	2,7	1,9	1,8	3,1	3,2	1,0	1,2
Число выданных патентов USPTO, тыс.	84,8	89,4	25,2	24,6	31,4	36,9	0,2	0,2
Доля высокотехнологического сектора, %	54,4	50,4	46,3	45,3	69,4	63,9	5,0	3,9

Сост. по: Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 34.

Само государство, являясь крупнейшим работодателем в стране, выплачивает врачам, учителям, работникам культуры, военнослужащим в подавляющем большинстве случаев крайне низкую зарплату. Именно поэтому российские бедные – это работающие бюджетники, а не только пенсионеры

и инвалиды. Основные доходы концентрируются в сырьевых отраслях экономики. Работники в обрабатывающей промышленности получают заработную плату в два раза меньше, чем в добывающей промышленности, а в образовании – в четыре раза меньше, чем в финансовом секторе (табл. 3).

Таблица 3

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности, % от среднего значения*

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Всего в экономике	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство	44	44	43	43	45	43	43	45
Добыча полезных ископаемых	267	281	254	253	250	231	217	209
Обрабатывающие отрасли	106	106	102	102	102	98	96	98
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	142	137	135	132	128	124	120	117
Оптовая и розничная торговля	71	71	70	72	73	77	77	79
Транспорт и связь	145	133	134	136	138	133	124	124
Финансовая деятельность	235	274	304	283	258	263	259	257
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	122	116	119	126	117	128	123	119
Образование	56	57	67	62	62	63	65	65

* Сост. по данным ФСГС.

Сложившийся институт найма дешёвого работника в бюджетных отраслях России способствовал тому, что численность занятых только в науке за последние десять лет сократилась почти в два раза. Инновационный сектор экономики продолжает терять молодые кадры, его интересы недостаточно представлены в органах власти, поэтому слабо лоббируются. Положение усугубляется ещё и тем, что в России происходит широкая

коммерциализация и смещение в частную сферу услуг образования, здравоохранения, культуры и других социальных сфер, которые традиционно в России создавались как общественные блага. В результате воспроизводство человеческих качеств в немалой степени стало частным делом индивидов и фирм.

Имеются неутешительные данные опроса, проведённого на сайте «АиФ»: 82% респондентов

ответили, что Россия за годы реформ не смогла сберечь качество своего народа. Из них 61% считает, что это произошло по причине отстранённости власти от нужд народа.

Процесс модернизации управляем сверху и отвечает определённым целям. Поскольку качество человеческого капитала зависит от состояния образования, здравоохранения и культуры, постольку необходимо изменить подход государства к финансированию отраслей социальной сферы, с учётом мировых стандартов. Необходимо, наконец, осуществить кардинальное повышение цены труда данных категорий работников. Хотя только лишь повышение финансирования и увеличение заработной платы работникам образования, здравоохранения, науки сами по себе не могут быть исчерпывающими условиями качественных изменений в жизнедеятельности общества. Вокруг идеи модернизации должна произойти духовная консолидация общества.

В странах с самобытной культурой материальное благополучие и высокие стандарты потребления не являются универсальными ценностями, способными обеспечить фундамент модернизации.

Хозяйственная культура российского общества отличается своей самобытностью. В ней исторически доминирующей ценностью, мобилизующей хозяйственную активность на модернизацию, выступало служение общественному или государственному идеалу. Ценностная установка «служение» была институционализована в Петровскую эпоху, когда оформились три её экономико-институциональных принципа: 1) государственного интереса (государственной целесообразности); 2) служения государству («любезному Отечеству»); 3) служения общему благу¹¹.

Социальная структура российского общества того времени вполне соотносилась с ценностной установкой «служение»: для дворян она означала служение государству, для интеллигенции – служение народу, а для купцов и предпринимателей – служение обществу. При этом, конечно, присутствовали и ценностные ориентиры на материальное обогащение, но они подчинялись идеям «совести», «справедливости» и «служения». Поэтому в российском обществе так широко распространилась традиция благотворительности, что обеспечивало нравственную легитимизацию богатства отдельных слоёв общества в глазах народа.

Но в годы социалистической модернизации в России произошло уничтожение индивидуальных крестьянских хозяйств, ремесленников, интеллигенции, а насилие и произвол власти вылились в разрушение устоявшихся ценностей и норм трудовой деятельности. Внеэкономические факторы создали особый тип принудительного труда в едином государстве-фабрике. Специфическое отражение эти модернизационные преобразования нашли в предложениях, например, по ускорению выполнения пятилеток за счёт генетической се-

лекции населения, завоза в Россию иностранной интеллигенции для обновления биологического фонда русской культуры.

Эти действия отражали отношение государства к человеку, его роли и месту в социально-экономической системе. Стали формироваться такие ценности экономической культуры, как «патриотическое служение», «трудовой героизм, не требующий ничего взамен». В результате трудовая деятельность потеряла нормальную мотивационную основу, лишилась своей статусности, а в сознании российского народа закрепились патерналистские настроения. В настоящее время, хотя и медленно, в сознании россиян традиционный патернализм уступает место самостоятельности: доля надеющихся на себя, а не на власти, увеличилась с 43% в 1990 г. до 78,3 в 2002 г.¹²

Исследования зарубежных авторов показывают, что не сами по себе инновации являются причиной срыва процессов модернизации, а их неорганичный характер, то есть механическое перенятие, не завершающееся новым синтезом, неспособность сформировать новые институты, регулятивные механизмы и новые уровни социальной общности¹³. Следовательно, главной причиной срыва модернизации оказывается не сопротивление традиционной среды новациям, а отсутствие нового институционального уровня, в рамках которого могло бы осуществляться продуктивное взаимодействие разнородных ценностных систем. Отсутствие такого синтеза чревато реакцией отторжения, срывами модернизации.

На наш взгляд, доминирование идеи развития в ущерб единству ведёт к разъединению и даже расколу общества. В российском обществе этот раскол осознаётся как всё более опасный: по данным ВЦИОМ, 79% опрошенных назвали его как «весьма значимым» и ещё 15% – «скорее значимым». Модернизация не может проводиться в интересах избранных, а должна быть обращена к различным группам населения, по-разному относящимся к инновационным процессам. Необходимая консолидация общества возможна благодаря легитимизации в общественном сознании социальных перемен. Иначе центробежные силы, возникающие в ходе интенсивных изменений, будут тормозить модернизацию общества.

В настоящее время успех модернизации в России, на наш взгляд, будет зависеть от становления нормальной срединной культуры труда и хозяйства, основанной на этике повседневного трудолюбия, профессионального долга, самореализации личности в профессии и в обществе. Носителем этой срединной культуры традиционно является средний класс, который в России растёт, но не стал массовым. По официальным данным, он составляет примерно 25% населения страны. Причём средний класс в России существенно отличается от среднего класса в развитых странах: уровень его образования и культуры не соответ-

ствует материальному достатку, при котором он мог бы стать ядром общественного согласия.

С ростом доходов в государственном секторе изменилась и внутренняя структура российского среднего класса: по финансовому состоянию в нём всё больше преобладают чиновники, работники экспортных секторов, сферы финансов, торговли. Особенно это заметно в крупных городах, Москве, Санкт-Петербурге. Данные категории населения, как правило, связаны с теневой экономикой, склонны к риску, подвержены коррупции. Поэтому не могут стать основой духовной консолидации общества, направленной на модернизацию.

Динамику социальной структуризации определяет реальное место человека в социально-экономических отношениях. Поэтому, видимо, в социально-экономической политике должен состояться «переход от классовых критериев к социально структурированному обществу. Это тот минимум, без которого говорить о новых эпохах в общественном развитии рано и, главное, бесполезно. Именно классы препятствуют интеграции человеческих интересов»¹⁴. В современных условиях постиндустриального, информационного общества историческую миссию по созданию общества социальной справедливости берут на себя так называемые интеллектуалы (квалифицированные рабочие, работники здравоохранения, образования, науки, культуры), а также малый и средний бизнес.

Детерминантой формирования срединной культуры труда является качественное развитие человеческого капитала при активной политике в сфере социальной структуризации общества на основе критериев качества жизнедеятельности людей, их соответствия целям и параметрам постиндустриального общества (эволюционному накоплению новых качественных социальных характеристик в жизнедеятельности общества и человека).

Первым шагом на пути достижения социального консенсуса считается обеспечение доходной сбалансированности групп населения. Российское государство готово повысить уровень жизни низкодоходных групп граждан. Однако возникает вопрос: способно ли оно уменьшить разрыв в социальном неравенстве?

По данным Росстата, показатели социально-экономической дифференциации населения за 2007 г. продемонстрировали негативную динамику: разница в доходах 10% самых бедных и 10% сверхбогатых достигла показателя 16,8 раза (по данным счётной палаты, 30 раз по России и 41 – в Москве). Этот разрыв стал рекордным за последние три года. В 2005 г. он составлял 14,9; а в 2006 г. – 16 раз¹⁵. Выигрыш от экономического роста получают обеспеченные слои населения, т.е. те граждане, в чьих доходах преобладают доходы от собственности, дивиденды, заработная плата. Так, если в 2006 г. фонд заработной платы вырос на 16,3%, дивиденды физическим лицам – на 28%, рост цен на недвижимость составил 69%. У на-

селения с низкими доходами преобладают доходы в виде пенсий и государственных пособий, рост которых в 2006 г. превысил темп инфляции только на 5,1%, а в 2007 г. – на 3,8%. Среди граждан России уже 101 миллиардер. Совокупное состояние только пяти самых богатых из них составляет 172,5 млрд долл., что превосходит величину Резервного фонда и Фонда национального благосостояния России (157,3 млрд долл.).

Одна из причин углубления неравенства кроется в системе налогообложения: подоходный налог вместе с ЕСН составляет 40% от заработной платы, в то время как налог на дивиденды – только 9%. Поэтому необходимы изменения, например, ставки подоходного налога, а также увеличение адресных социальных выплат.

Сложившиеся условия социальной жизни обуславливают непонимание многими гражданами общего смысла социальной политики государства. По данным социологического исследования, большинство россиян отмечает высокую степень противоречий и неприязни между богатыми и бедными (72%), низшими и высшими классами (63%), народом и властью (62%). В массовом сознании российских граждан утвердилось мнение о том, что в России создано и функционирует государство богатых и для богатых¹⁶. Россия относится к числу стран (Южная Африка, Нигерия, Италия), где самый низкий уровень доверия населения публичной власти (менее 40%)¹⁷.

Идеалы и ценности социально ориентированной экономики не могут быть реализованы в стране, где даже по официальным данным более 22 млн человек, а по оценкам ООН – две трети населения живёт в нищете, где противостояние богатства и бедности, власти и общества исключает возможность доверия между ними, а значит и консолидации. Попытки подменить теорию воспроизводства современного человека ориентирами на его выживание не только антигуманны, но и выступают основным тормозом консолидации общества на цели модернизации. Невозможно построить сильное государство с развивающейся экономикой без здорового, высококультурного, образованного, трудолюбивого и творческого человека. По этому поводу Д. Львов писал: «Либо мы оседлаем творческий фактор, для чего пока ещё не утратили возможности, либо окажемся одним из главных фигурантов мирового подполья, деструктивного геопояса, угрожающему существованию как самой России, так и всего мира»¹⁸.

Итак, в настоящих условиях модернизация общества, его способность к прогрессу во все большей мере зависит от качественного развития человеческого капитала. Поэтому необходимо, во-первых, увеличение доли человеческого капитала в структуре элементов общественного богатства и, во-вторых, укрепление позиций системы интересов, ориентированной на увеличение качества человеческого капитала. Результатом должно стать формирование новой системы социально-

экономических отношений, отвечающей требованиям постиндустриального общества. Тип хозяйствования, ориентированный на количественный экономический рост, постепенно уступит место типу хозяйствования, направленному на качественное социально-экономическое развитие.

Примечания

¹ См.: Добрынин Л. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Общественно-исторические аспекты концепции человеческого капитала // Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999. С. 7–29.

² Etzioni A. The Active Society. N.Y., 1968. P. 121.

³ Ibid. P. 104.

⁴ Снесар В. И. Всеобщность и смысл закона // Закон возрастания роли культуры. Саратов, 1998. С. 27.

⁵ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. L., 1995.

⁶ Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 4.

⁷ Добрынин А. И., Дятлов С. А., Коннов В. А., Курганский С. А. Производительные силы человека: структура и формы проявления. СПб., 1993. С. 4.

⁸ Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. P. 104.

⁹ См.: Dube S. C. Modernization and Development: the Search for Alternative Paradigm (Socio-cultural development alternatives in a changing world). Tokio, 1988. P. 2; Allahar A. L. Sociology and the Periphery. Theories and Issues. Toronto, 1989. P. 63; Comparative Modernization / Cyril E. Black. (ed.). Free Press, 1976.

¹⁰ Бузгалин А., Калганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3. С. 138.

¹¹ См.: Устиян И. Политэкономические принципы петровской эпохи // Экономист. 2006. № 3. С. 76.

¹² См.: Латин Н. И. Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. № 6. С. 79.

¹³ См.: Patterns of Modernity V. II. Beyond the West / S. N. Eisenstadt. (ed.). N. Y., 1987. P. 57–59.

¹⁴ Иванченко В. К. К новым социальным императивам России // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 113.

¹⁵ См.: Николаева Д. Экономический рост в пользу богатых // Коммерсант. 2008. 12 февр.

¹⁶ См.: Левашиов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социс. 2006. № 1. С. 13.

¹⁷ См.: Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 17.

¹⁸ Львов Д. С. Экономика и жизненный мир человека // Рос. газ. 2006. 19 мая.

Слово молодым социологам

УДК 316.3:91+929

Л. И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества

Е. Н. Горина

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье раскрывается сущность социологической концепции выдающегося русского ученого и политического деятеля Л. И. Мечникова. Особое внимание уделяется проблеме географического детерминизма и роли природных условий в генезисе и развитии цивилизации.

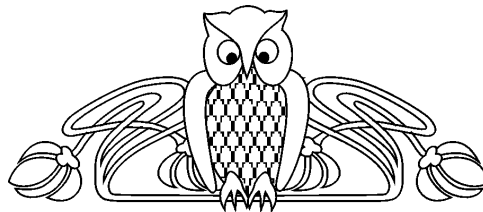
Ключевые слова: Л. И. Мечников, географический фактор, общество, прогресс, цивилизация.

L. I. Mechnikov about the Role of Geographic Factor in the Development of Society

E. N. Gorina

The article discloses the essence of sociological concept of an outstanding Russian scientist and political figure L. I. Mechnikov. Special attention is paid to geographic determinism and role of environmental conditions in genesis and development of civilization.

Key words: L. I. Mechnikov, geographic factor, society, progress, civilization.

Жизнь и творческое наследие Льва Ильича Мечникова (1838–1888) до сих пор фактически не изучены с той глубиной и тщательностью, которых они, несомненно, заслуживают. Он воплотил в себе характернейшую черту русской интеллигенции: бескорыстное стремление к истине в сочетании с политическим радикализмом (что при ближайшем рассмотрении оказывается оборотной стороной пафоса «научности»). Крупнейший идеолог марксизма Г. В. Плеханов писал, что Мечников был одним «из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература... Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, – замечает Плеханов, – было бы совсем непростительно»¹. А между тем приходится констатировать, что имя Мечникова

экономических отношений, отвечающей требованиям постиндустриального общества. Тип хозяйствования, ориентированный на количественный экономический рост, постепенно уступит место типу хозяйствования, направленному на качественное социально-экономическое развитие.

Примечания

¹ См.: Добрынин Л. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Общественно-исторические аспекты концепции человеческого капитала // Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999. С. 7–29.

² Etzioni A. The Active Society. N.Y., 1968. P. 121.

³ Ibid. P. 104.

⁴ Снесар В. И. Всеобщность и смысл закона // Закон возрастания роли культуры. Саратов, 1998. С. 27.

⁵ Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. L., 1995.

⁶ Критский М. М. Человеческий капитал. Л., 1991. С. 4.

⁷ Добрынин А. И., Дятлов С. А., Коннов В. А., Курганский С. А. Производительные силы человека: структура и формы проявления. СПб., 1993. С. 4.

⁸ Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. P. 104.

⁹ См.: Dube S. C. Modernization and Development: the Search for Alternative Paradigm (Socio-cultural development alternatives in a changing world). Tokio, 1988. P. 2; Allahar A. L. Sociology and the Periphery. Theories and Issues. Toronto, 1989. P. 63; Comparative Modernization / Cyril E. Black. (ed.). Free Press, 1976.

¹⁰ Бузгалин А., Калганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3. С. 138.

¹¹ См.: Устиян И. Политэкономические принципы петровской эпохи // Экономист. 2006. № 3. С. 76.

¹² См.: Латин Н. И. Как чувствуют себя и к чему стремятся граждане России // СОЦИС. 2003. № 6. С. 79.

¹³ См.: Patterns of Modernity V. II. Beyond the West / S. N. Eisenstadt. (ed.). N. Y., 1987. P. 57–59.

¹⁴ Иванченко В. К. К новым социальным императивам России // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 113.

¹⁵ См.: Николаева Д. Экономический рост в пользу богатых // Коммерсант. 2008. 12 февр.

¹⁶ См.: Левашиов В. К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социс. 2006. № 1. С. 13.

¹⁷ См.: Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 17.

¹⁸ Львов Д. С. Экономика и жизненный мир человека // Рос. газ. 2006. 19 мая.

Слово молодым социологам

УДК 316.3:91+929

Л. И. Мечников о роли географического фактора в развитии общества

Е. Н. Горина

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье раскрывается сущность социологической концепции выдающегося русского ученого и политического деятеля Л. И. Мечникова. Особое внимание уделяется проблеме географического детерминизма и роли природных условий в генезисе и развитии цивилизации.

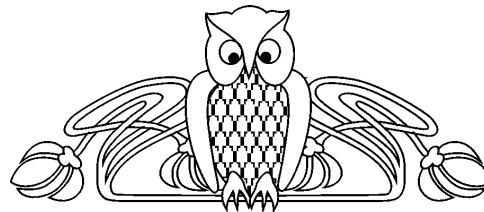
Ключевые слова: Л. И. Мечников, географический фактор, общество, прогресс, цивилизация.

L. I. Mechnikov about the Role of Geographic Factor in the Development of Society

E. N. Gorina

The article discloses the essence of sociological concept of an outstanding Russian scientist and political figure L. I. Mechnikov. Special attention is paid to geographic determinism and role of environmental conditions in genesis and development of civilization.

Key words: L. I. Mechnikov, geographic factor, society, progress, civilization.

Жизнь и творческое наследие Льва Ильича Мечникова (1838–1888) до сих пор фактически не изучены с той глубиной и тщательностью, которых они, несомненно, заслуживают. Он воплотил в себе характернейшую черту русской интеллигенции: бескорыстное стремление к истине в сочетании с политическим радикализмом (что при ближайшем рассмотрении оказывается оборотной стороной пафоса «научности»). Крупнейший идеолог марксизма Г. В. Плеханов писал, что Мечников был одним «из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература... Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, – замечает Плеханов, – было бы совсем непростительно»¹. А между тем приходится констатировать, что имя Мечникова

на протяжении длительного времени, в период господства марксистско-ленинской идеологии, было предано прочному забвению, а если его теория и упоминалась иногда, то обыкновенно сопровождалась пренебрежительными эпитетами («устаревшая», «ненаучная»). Вероятно, это можно объяснить тем, что географическая школа в социологии по укоренившейся традиции изображалась только как «буржуазное», «антинаучное» направление, преследующее реакционные политические цели.

На самом же деле географическое направление в социологии было и остается неоднозначным. Наряду с обоснованием социального и расового неравенства (это связано с некоторыми одиозными направлениями геополитики) этот комплекс социологических теорий включает в себе возможность иного, гуманистического истолкования тенденций общественной жизни. Созданные много лет назад, эти теории содержат интересные наблюдения и глубокие выводы, не утратившие значения и в наши дни. Последнее как раз и подтверждается внимательным и непредвзятым изучением трудов выдающегося русского социолога.

Л. И. Мечников, старший брат известного ученого-биолога Ильи Ильича Мечникова, был выходцем из старинной, но обедневшей дворянской семьи. После учебы в гимназии и домашнего обучения в 1855 г. поступил в Харьковский университет на медицинский факультет, но уже в 1856 г. переехал в Петербург, где слушал лекции в Военно-медицинской академии, на физико-математическом факультете университета, а также и в Академии художеств, видя свое призвание еще и в живописи. Но не это главное, писал Мечников родным: «Я взялся за изучение персидского, турецкого и арабского языков и, честно говоря, сделал заметные успехи»². Но одной учебы ему было мало. Беспокойная и мечтательная натура звала его к активной деятельности, к приключениям, увлекала все дальше и дальше от родного дома. Бросив обе академии и университет, он уезжает на Ближний Восток в качестве переводчика русской дипломатической миссии. С этого времени в жизни Мечникова начинается долгая пора скитаний по странам Востока и Запада. Постоянно нуждаясь, в поисках средств к существованию, он переменял много родов занятий и побывал чуть ли не во всех частях света. Это способствовало его знакомству с обычаями, нравами, общественным устройством многих стран мира.

В 1860 г. Мечников оказался в Италии, где, как он писал впоследствии, «решил надеть красную рубаху гарибальдийского офицера». В качестве лейтенанта армии Гарибальди он участвовал в освобождении Неаполя. В победоносной для гарибальдийцев битве у реки Вольтурно Мечников был тяжело ранен. После выздоровления он ищет для себя новое поприще активной деятельности и находит его в журналистике.

В 60–80-е гг. Мечников сотрудничает в «Современнике», «Отечественных записках», «Русском богатстве» и других изданиях демократического и либерального направления. Он знакомится со всеми видными представителями русской эмиграции, печатает статьи в «Колоколе» Герцена, встречается с Плехановым, но более всего сближается с Бакуниным и Кропоткиным, глубоко воспринимая идеи анархизма. В 1874–1876 гг. Мечников преподавал русский язык в Японии. Свои впечатления об этой, тогда еще мало известной европейцам стране, он изложил в фундаментальном труде «Японская империя» и ряде статей, которые создали ему имя среди географов и вызвали огромный интерес не только в научных трудах, но и среди широкой европейской общественности.

В 70-е гг. Мечников почти целиком уходит в науку. К этому времени он сложился как разносторонне образованный ученый, владевший к тому же десятком европейских и несколькими восточными языками. Его научная «продукция» того периода огромна. «Громадные умственные данные, блестящая, феноменальная память, необычайное трудолюбие и замечательные способности усвоения фактического материала, – пишет биограф Мечникова, – давали ему возможность исполнять единолично такую гигантскую работу, какой хватило бы на несколько обыкновенных работников, трудящихся исподволь и поменьку»³.

Последние годы жизни, будучи профессором Невшательской академии наук (в Швейцарии), Мечников посвятил усиленной работе над трактатом «Цивилизация и великие исторические реки», в котором изложил свою социологическую концепцию. Благодаря этой книге, завершить которую автору помешала преждевременная смерть, Мечников навсегда вошел в историю отечественной социологии как основатель оригинального направления. Можно сказать, что он начал создавать новую научную школу, но «безжалостный рок не отпустил ему еще несколько лет на возможно более полное оформление своих взглядов, на пропаганду, на подготовку учеников. Причисление же его идей то к географическому детерминизму, то к географическому направлению в социологии, – считает современный исследователь творчества Мечникова, – всего лишь удавшаяся на многие годы попытка втиснуть что-то не совсем понятное в готовую классификацию. Между тем прошло достаточно лет, и видно, что концепция мировой истории, предложенная Мечниковым, есть синтетическое обозначение многих ответов на вопросы человечества, имеющие вневременной характер»⁴.

Жизненные впечатления и наблюдения, результаты глубокого анализа социальных учений и личного общения с многими общественными деятелями-революционерами, демократами, либералами, раздумья над острыми проблемами эпохи – все это стало гносеологической базой

концепции Мечникова. Цементирующей ее методологической основой явилась сложившаяся в третьей четверти XIX в. система взглядов и принципов анархизма. Мечников видел и ценил в этой доктрине прежде всего призыв и волю к освобождению человечества. Наблюдая бедственное положение трудящегося большинства народа во всех концах света, он горячо воспринял первый коренной принцип анархизма: беспощадная критика и категорическое отрицание государства как чиновничье-бюрократической машины, поработавшей и личность, и общество. Но не менее страстно Мечников исповедовал и другой – позитивный принцип этого учения: свободный труд, постоянное творчество, стремление к новому и неизведанному.

Поборник реального гуманизма, Л. И. Мечников верил в безграничную мощь человеческого разума, науки, был непоколебимо убежден, что настанет светлое будущее для всего человечества, для всех людей. Но это не была лишь абстрактная, романтическая мечта (хотя ему, особенно в молодости, не были чужды романтические, революционные порывы и устремления). Как и многие другие выдающиеся мыслители-гуманисты, Мечников стремился найти для этой великой идеи прочное научное обоснование. Отдавая дань набирающим тогда силу позитивистским представлениям, изложив своей социологической концепции он начинает с анализа понятия «прогресс». «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, – утверждает Мечников, – представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения»⁵.

Сама идея признания закономерного характера развития человеческой истории была, безусловно, важной и позитивной, она являлась предпосылкой всех социологических изысканий Мечникова. Но путь к открытию этих закономерностей оказался не так прост. Как естествоиспытатель, он понимал, что в социологии должен применяться такой же строгий и лишенный субъективизма метод исследования, как в естествознании. Как социолог он ставил перед собой задачу создания теории прогресса, которая явилась бы «ариадниной нитью» в запутанном лабиринте исторических фактов.

По какому признаку можно констатировать прогресс в истории? В чем состоит прогресс? Несомненным доказательством прогресса в истории является, по Мечникову, «непрерывная эволюция социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности». Только эти факты, по его мнению, и «заслуживают быть признанными в качестве критерия и признака общественного прогресса»⁶. Сначала в обществе связи устанавливаются принудительно или «чисто механически», затем они становятся более тесными и «органичными» и, в конце концов, неизбежно выливаются в форму «свободного союза».

Под влиянием каких внешних или внутренних причин происходило развитие и усложнение этих общественных связей? Для ответа на этот вопрос Мечников и обращается к выяснению роли географического фактора в процессе социальной эволюции. Изучение этого фактора не было новостью в социологии. Как известно, такой взгляд зародился еще в глубокой древности, а в Новое время в той или иной форме его разделяли Монтескье, Бокль, Риттер, Ратцель, Реклю и многие другие. Одобряя общее направление географической социологии, Мечников, однако, подчеркивал, что он не является сторонником «географического фатализма, провозглашающего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, речь идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации»⁷.

Мечников был вполне солидарен с мнением своего друга и соратника, французского учено-географа Элизе Реклю о том, что «географическая среда не оказывает своего влияния в одинаковой степени всегда и постоянно. Ее влияние не происходит с фатальной необходимостью»⁸. Причины возникновения объединений людей и их последующей эволюции, считал Мечников, нужно искать «не в самой среде, а в соотношениях между средой и способностью населяющих эту среду людей к кооперации и солидарности»⁹. Таким образом, он не останавливался только на провозглашении того, что природная среда влияет на общество, но идет гораздо дальше. Он пытается, – и это, пожалуй, самое важное в его теории, – раскрыть механизм взаимодействия между обществом и природой.

Оригинальность концепции Л. И. Мечникова заключается в том, что он впервые обратил должное внимание на роль гидросферы (водной среды) в процессах социогенеза. Не следует видеть основную причину зарождения первичной цивилизации в климатических условиях (по Монтескье), нельзя ее усматривать и в плодородии почвы, как думал Бокль, относительно деспотий Древнего Востока. Конечно, соглашался Мечников, плодородие почвы имело огромное значение, но не оно было решающим фактором формирования древних цивилизаций, возникших в долинах великих исторических рек.

«С нашей точки зрения, – писал Мечников, – основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки. Река во всякой стране является как бы выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий: и климата, и почвы, и рельефа земной поверхности, и геологического строения данной области»¹⁰. И далее он подробно разъясняет, в чем конкретно заключается стимулирующая роль таких рек, как Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Месопотамии, Инд и Ганг в Индии, Хуанхэ и Янцзы в Китае. Причем, как отмечает Меч-

ников, это не самые большие и многоводные реки нашей планеты. «Беглый обзор поверхности земного шара вполне достаточен для того, чтобы понять, что историческое значение рек отнюдь не пропорционально длине их течения или массе приносимой ими воды. Скорее даже можно было бы утверждать, что наиболее мощные реки до сих пор почти не играли заметной исторической роли. Правда, река Нил находится в числе гигантов речного мира, но лишь по своей длине, а не по количеству воды. По длине Нил следует тотчас же за Миссисипи – Миссури, не имеющей почти никакого значения в истории... Река Евфрат, если даже считать ее вместе с ее притоком Мурад-чаем [Мурат], все же является пигмеем в сравнении с Амазонкой, а из двух исторических рек Китая именно меньшую по справедливости следует считать творцом китайской цивилизации. Более длинная, чем Хуанхэ, Янцзы не достигает, однако, величины многих сибирских рек, которые, невзирая на это, играют весьма скромную роль в истории цивилизации»¹¹.

Почему же в долинах многих великих рек, где налицо весьма благоприятные для человека природные условия, не отмечены вошедшие в историю очаги цивилизации? Мечников объясняет это следующим образом: «Великая сибирская река Амур, впадающая в Тихий океан, лишена многих неудобств больших северных сибирских рек, но тем не менее Амур не сделался очагом цивилизации, хотя в некоторых местах его течения плодородие почвы почти баснословно и его вековые леса с приречной долиной могли бы стать раем для охотников, рыболовов и даже для земледельцев. Енисей в верхнем своем течении представляет нам, точно так же как и его громадный приток Ангара, любопытный образец географической среды, в некоторых отношениях, быть может, слишком благоприятствующей человеку и вследствие этого непригодной для развития и прогресса цивилизации. Дело в том, что слишком благоприятные и удобные условия позволяют обитателям данной географической среды задерживаться на низших ступенях развития и оставаться целые века в состоянии бродячих земледельцев, довольствующихся только новой, неистощенной землей. Вознаграждая слишком щедро отдельных, живущих изолированной жизнью людей, такие благоприятные условия не имеют в себе стимула к координированию отдельных условий в нечто целостное, обобщественное, не заставляют человека переходить к высшим формам солидарности, составляющим необходимое условие исторического развития»¹².

Выходит, что ценность и полезность рек зависели не только от их природных данных, но и от самого человека, от того, как он, объединившись с другими людьми, умел использовать реки для обеспечения своей жизнедеятельности.

С первых шагов цивилизации Нил в Египте, Тигр и Евфрат в Месопотамии и другие исторические реки наложили на жителей, населяющих их берега, своего рода «ярмо исторической необходимости» – необходимости единения и совместного труда. «Исторические реки, – писал Мечников, – эти великие воспитатели человечества, как мы уже сказали выше, не выдаются среди прочих рек мощностью объема своих вод. Нил, например, приносит в море воды в три раза меньше, чем Дунай. Но все эти реки обладают зато одной замечательной характерной чертой, способной объяснить секрет их выдающейся исторической роли: все они обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс... Под страхом неминуемой смерти река-кормилица заставляла население соединять свои усилия на общей работе, учила солидарности, хотя бы в действительности отдельные группы населения ненавидели друг друга. Река налагала на каждого отдельного члена общества некоторую часть общественной работы, полезность которой познавалась впоследствии, а вначале бывала непонятна большинству»¹³.

Ученый показывает, что сама природа ставила перед жителями орошаемых долин альтернативу: смерть или солидарность. Другого выбора у них не было. Зависимость земледелия от разливов рек, необходимость возведения сложных ирригационных сооружений и управления ими толкали большие массы людей на путь кооперации, ибо только благодаря коллективному, строго дисциплинированному труду в огромных масштабах можно было сколько-нибудь рационально организовать жизнь и обеспечить нормальную жизнедеятельность членов общества.

Подробно излагая особенности «речного периода», когда зарождаются первые великие цивилизации, Мечников схематично набрасывает основные черты следующих этапов – «морского» и «океанического». Закономерность социальной эволюции проявляется, по его мнению, в том, что цивилизации, возникшие на берегах великих рек, постепенно расширяются, охватывают побережья морей и, наконец, выходят на простор океанов, которые теперь уже не разделяют, а напротив, объединяют страны и народы. В соответствии с этими тремя периодами Мечников рассматривает и изменение форм социально-политической жизни, на которые объективно воздействовала географическая среда.

Можно соглашаться или не соглашаться с аргументами Мечникова. Его концепция не бесспорна, но методологическая ценность ее не подлежит сомнению. В книге Мечникова, как писал

выдающийся русский историк П. Г. Виноградов, «отразилась трагическая судьба автора, горячего, смелого искателя правды, никогда не умевшего соизмерять цели и средства, всегда стремившегося к высшему и недостижимому, растратившего блестящий талант, кипучую энергию на бесстрашную и бесплодную борьбу с исторической судьбой...». В последней работе умиравшего человека, отмечает Виноградов, «чувствуется какая-то необыкновенная молодость и жизненность»¹⁴.

Действительно, интеллектуальный и методологический потенциал трудов Мечникова до сих пор не исчерпан, многие его концептуальные положения и выводы не утратили актуальность и в наши дни. Весьма злободневно звучит ныне мысль Мечникова, высказанная им в беседе с Э. Реклю: «Что нужно делать, чтобы победить все враждебные человеку условия и сделать возможной на Земле счастливую жизнь? Каким образом можно обосновать действительно научную мораль, выполнение которой способно наполнить нас чувством радости и удовлетворения? Единственный путь, который открывается перед человеком – это объединить свои усилия с усилиями других людей, чтобы совместно победить силы природы и направить их на служение новому обществу, построенному на принципах справедливости и взаимного уважения»¹⁵.

Эти и другие идеи выдающегося ученого заслуживают дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

УДК 316.6

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Л. В. Яикова

Институт социологии РАН, Москва
E-mail: lyaikova@yandex.ru

В статье анализируются проблемы, связанные с социологическим осмыслением феномена предпринимательства, подчеркивается значимость конкретного деятельностно-активистского подхода в зарубежной и отечественной социологии.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, инновативность.

The Sociological Interpretation of the Enterprise Phenomenon

L. V. Yaikova

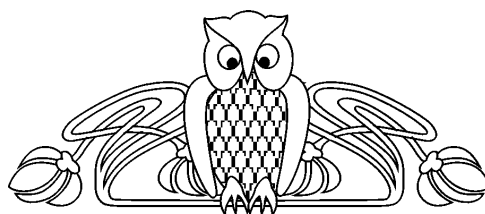
The article is devoted to the analyses of the problems connected with the sociological interpretation of the enterprise phenomenon. The importance of the activity approach in foreign and Russian sociology is stressed.

Key words: enterprising, enterpriser, innovative activity.

Среди множества подходов, применяемых теоретиками социологии к анализу изменяющейся

Примечания

- ¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. VII. С. 329, 331.
- ² Карташова К. С. Дороги Льва Мечникова. М., 1981. С. 8.
- ³ Гродецкий М. Л. И. Мечников (биографический очерк) // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки: Географическая теория развития современного общества. СПб., 1898. С. V.
- ⁴ Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 27–28.
- ⁵ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 232.
- ⁶ Там же. С. 235.
- ⁷ Там же. С. 323.
- ⁸ Реклю Э. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 227.
- ⁹ Мечников Л. И. Цивилизация... М., 1995. С. 262.
- ¹⁰ Там же. С. 355.
- ¹¹ Там же. С. 356.
- ¹² Там же. С. 357–358.
- ¹³ Там же. С. 358–359.
- ¹⁴ Виноградов П. Г. Влияние рек на происхождение цивилизаций // Северный вестник. 1892. № 6. С. 34, 44.
- ¹⁵ Реклю Э. Указ. соч. С. 221.

социальной реальности, все большее распространение получает деятельностно-активистский подход. Основной принцип, развиваемый в рамках данного типа методологической ориентации, восходит к формуле К. Маркса «о том, что люди, рождаюсь при одних условиях, своей практической деятельностью их изменяют, изменяясь, сами»¹. Развитие такого подхода в зарубежной социологии связывают с именами Дж. Александера (проект культурной социологии), М. Арчер (концепция двойного морфогенеза), П. Бурдые (конструктивистский структурализм), Э. Гидденса (теория структурирования), А. Турена (модель активистской социологии), П. Штомпки (теории становления общества), Н. Элиаса (теория фигураций) и др. Положения активистской социологии в России развивают Т.И. Заславская, С.А. Кравченко, В.А. Ядов и др. Странники указанного подхода в своих работах основное внимание сосредото-

выдающийся русский историк П. Г. Виноградов, «отразилась трагическая судьба автора, горячего, смелого искателя правды, никогда не умевшего соизмерять цели и средства, всегда стремившегося к высшему и недостижимому, растратившего блестящий талант, кипучую энергию на бесстрашную и бесплодную борьбу с исторической судьбой...». В последней работе умиравшего человека, отмечает Виноградов, «чувствуется какая-то необыкновенная молодость и жизненность»¹⁴.

Действительно, интеллектуальный и методологический потенциал трудов Мечникова до сих пор не исчерпан, многие его концептуальные положения и выводы не утратили актуальность и в наши дни. Весьма злободневно звучит ныне мысль Мечникова, высказанная им в беседе с Э. Реклю: «Что нужно делать, чтобы победить все враждебные человеку условия и сделать возможной на Земле счастливую жизнь? Каким образом можно обосновать действительно научную мораль, выполнение которой способно наполнить нас чувством радости и удовлетворения? Единственный путь, который открывается перед человеком – это объединить свои усилия с усилиями других людей, чтобы совместно победить силы природы и направить их на служение новому обществу, построенному на принципах справедливости и взаимного уважения»¹⁵.

Эти и другие идеи выдающегося ученого заслуживают дальнейшего глубокого и всестороннего изучения.

УДК 316.6

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Л. В. Яикова

Институт социологии РАН, Москва
E-mail: lyaikova@yandex.ru

В статье анализируются проблемы, связанные с социологическим осмыслением феномена предпринимательства, подчеркивается значимость конкретного деятельностно-активистского подхода в зарубежной и отечественной социологии.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, инновативность.

The Sociological Interpretation of the Enterprise Phenomenon

L. V. Yaikova

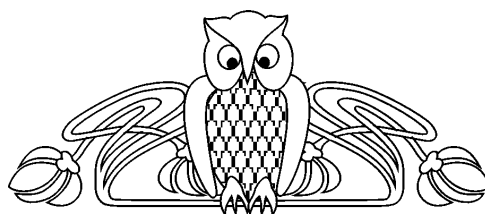
The article is devoted to the analyses of the problems connected with the sociological interpretation of the enterprise phenomenon. The importance of the activity approach in foreign and Russian sociology is stressed.

Key words: enterprising, enterpriser, innovative activity.

Среди множества подходов, применяемых теоретиками социологии к анализу изменяющейся

Примечания

- ¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. VII. С. 329, 331.
- ² Карташова К. С. Дороги Льва Мечникова. М., 1981. С. 8.
- ³ Гродецкий М. Л. И. Мечников (биографический очерк) // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки: Географическая теория развития современного общества. СПб., 1898. С. V.
- ⁴ Евдокимов В. И. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 27–28.
- ⁵ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 232.
- ⁶ Там же. С. 235.
- ⁷ Там же. С. 323.
- ⁸ Реклю Э. Предисловие // Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. С. 227.
- ⁹ Мечников Л. И. Цивилизация... М., 1995. С. 262.
- ¹⁰ Там же. С. 355.
- ¹¹ Там же. С. 356.
- ¹² Там же. С. 357–358.
- ¹³ Там же. С. 358–359.
- ¹⁴ Виноградов П. Г. Влияние рек на происхождение цивилизаций // Северный вестник. 1892. № 6. С. 34, 44.
- ¹⁵ Реклю Э. Указ. соч. С. 221.

социальной реальности, все большее распространение получает деятельностно-активистский подход. Основной принцип, развиваемый в рамках данного типа методологической ориентации, восходит к формуле К. Маркса «о том, что люди, рождаюсь при одних условиях, своей практической деятельностью их изменяют, изменяясь, сами»¹. Развитие такого подхода в зарубежной социологии связывают с именами Дж. Александера (проект культурной социологии), М. Арчер (концепция двойного морфогенеза), П. Бурдые (конструктивистский структурализм), Э. Гидденса (теория структурации), А. Турена (модель активистской социологии), П. Штомпки (теории становления общества), Н. Элиаса (теория фигураций) и др. Положения активистской социологии в России развивают Т.И. Заславская, С.А. Кравченко, В.А. Ядов и др. Сторонники указанного подхода в своих работах основное внимание сосредото-

чивают на активности субъектов деятельности, способных изменять социальные структуры: «решающую роль играют социальные субъекты (агенсы), включая научно-технические открытия, социальные движения, легитимных лидеров, массы обычных граждан»².

Изменения, претерпеваемые российским обществом вот уже на протяжении двух десятков лет, привлекают внимание социологов, которые, с одной стороны, используя наработанный категориальный аппарат и инструментарий исследований, описывают происходящие изменения; с другой – анализируя социальную реальность, привносят новое видение старых проблем и обозначают новые проблемные (в том числе и теоретические) поля.

Одной из базовых российских трансформаций последних десятилетий являются изменения в формах собственности³, а основной субъект преобразований в данной сфере – предпринимательство. Официально начало предпринимательской деятельности в нашей стране оформлено законами «О кооперации в СССР» и «О государственном предприятии» от 1987 г. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ на 1 января 2006 г., около 80% всех предприятий и организаций в нашей стране находятся в частной собственности. При этом за последнее десятилетие доля частных предприятий возросла с 63 до 80% (рост почти в 1.25 раз)⁴.

С момента появления и до настоящего времени социологическая наука уделяет предпринимательству значительное внимание. Исследовательские акценты в изучении предпринимательства постоянно меняются: от анализа социального состава нового слоя в начале 90-х гг. до постепенного смещения внимания в сторону анализа механизмов взаимодействия предпринимателей и социального окружения (в частности, взаимодействия с государственными структурами), барьеров в развитии бизнеса на современном этапе. Однако до сих пор остается актуальной дискуссия о сущности предпринимательства и его социальных функциях в трансформирующемся обществе, что, по сути, есть вопрос его социологического осмысления.

Для начала обратимся к анализу самого слова «предприниматель» и его иностранных аналогов. В литературе часто упоминается синонимичный термин «антрепренёр» (фр. *entrepreneur* – предприниматель) – лицо, принимающее на себя риск основания нового дела (компании)⁵. Этот термин появился в Западной Европе в Средние века и обозначал организаторов крупных музыкальных представлений и парадов, а также строительных и производственных проектов. Начиная с XVII в. так называли лиц, которые заключали с государством контракт на выполнение определенных работ или поставку продукции и выступали посредниками между заказчиком и исполнителями. Стоимость выполнения работ оговаривалась заранее, предприниматель распоряжался прибылью

и нес ответственность за убытки от реализации контракта.

С. И. Ожегов в «Словаре русского языка» дает следующее определение: «предприниматель – капиталист, владелец предприятия, крупный деятель; предприимчивый и практичный человек»⁶. По В. Далю, «предпринимать» означает: затевать, решиться исполнить какое-либо новое дело, приступать к совершению чего-либо значительного⁷.

Г.К. Гинс считает, что «предприимчивость – добавочное свойство, которое появляется в результате работы сознания, когда требуется обеспечить удовлетворение основных потребностей живого существа, приспособляясь к новой обстановке»⁸. При этом предприимчивость удачна при наличии двух свойств: ума, который выражается в находчивости и приспособляемости, и решительности, состоящей в осуществлении задуманного и готовности к риску. Предприимчивость «была всегда источником накопления новых полезных навыков и способом приспособления к новым условиям существования»⁹. Предприимчивость выступает одной из черт личности, способной достигать конкретных целей в разных сферах общественной жизни за счет своей активности, инициативности, изобретательности, готовности пойти на риск и нести ответственность за результаты. Гинс считает, что «предприимчивость в области хозяйства, выражающаяся в осуществлении плана и организации, носит название предпринимательства»¹⁰.

Таким образом, в смысл слова «предпринимать» изначально вкладывается понятие внедрения новшеств, активность, готовность совершить действие.

Предпринимательство – объект анализа экономической науки, поэтому первую и базовую интерпретацию феномен получил в рамках экономики. Исследователями¹¹ проведен подробный анализ работ зарубежных и отечественных теоретиков начиная с XVIII в., когда Р. Кантильон в книге «Эссе о природе торговли вообще» впервые ввел термин в экономику. Охарактеризуем взгляды на феномен предпринимательства (таблица).

Таким образом, ключевыми терминами в описании феномена предпринимательства выступают (в комплексном или единичном проявлении):

- инновационный характер деятельности;
- несение бремени риска или неопределенности;
- получение прибыли или работа с капиталом.

О творческом, новаторском характере предпринимателя говорят практически все исследователи. Предприниматель – «особый тип новатора в хозяйстве»¹⁴. Ключевой точкой в данном понимании предпринимательства является позиция Й. Шумпетера: «предпринимателями же мы называем хозяйственных субъектов, функцией которых является как раз осуществление новых

Примеры определений терминов «предпринимательство» и «предприниматель»

Автор	Определение ¹³
<i>Концепции западных теоретиков</i>	
Р. Кантильон	Предприниматель – это человек, действующий в условиях риска; индивид, который обладает предвидением и желанием принять на себя риск, устремлен в будущее, чьи действия характеризуются и надеждой получить доход, и готовностью к потерям
Ж. Бодо	Предприниматель – лицо, несущее ответственность за предпринимаемое дело; тот, кто планирует, контролирует, организует и владеет предприятием
Ж.-Б. Сэй	Доход на капитал отличается от предпринимательского дохода. Предприниматель перемещает экономические ресурсы из области низкой производительности и низких доходов в область более высокой производительности и прибыльности
А. Смит	Рассматривая рынок как саморегулирующуюся систему, считал предпринимателей ключевыми фигурами в поле конкуренции – их соперничество ведет к снижению издержек и пр. Являются субъектами прогресса системы. Предпринимательство – деятельность собственника капитала по управлению последним
Д. Рикардо	Капиталист, ищущий прибыльного применения своих средств
И.Г. фон Тюнен	Предприниматель – изобретатель и исследователь в своей области
Ф. А. Уокер	Следует различать тех, кто предоставляет капитал и получает за это проценты, и тех, кто получает прибыль благодаря своим организаторским способностям (предпринимателям)
Ф. Х. Найт	Предприниматель – человек, берущий на себя бремя подлинной неопределенности и избавляющий от нее своих поставщиков
Й. Шумпетер	Предприниматель – тот хозяин, который прокладывает новые пути, осуществляет новые комбинации: 1) создание нового еще не знакомого потребителю материального блага или прежнего блага, но с новыми качествами; 2) введение нового, еще не применявшегося в данной отрасли промышленности способа производства; 3) завоевание нового рынка сбыта или более широкое использование прежнего; 4) использование нового вида сырья или полуфабрикатов, безразлично известных или неизвестных ранее; 5) введение новой организации дела
Л. Мизес	Рассматривает рынок и конкуренцию, в первую очередь, как предпринимательский процесс. Подчеркивает, что в реальной экономике предпринимателем, т.е. человеком, действующим в условиях неопределенности, является каждый. Для «более инициативных, предприимчивых и зорких, чем средний уровень толпы», предложил термин «учредитель»
Д. Маклелланд	Предприниматель – это энергичный человек, действующий в условиях умеренного риска
Ф. фон Хайек	Свобода предпринимательства является предпосылкой для формирования человека нового типа, отличительными чертами которого выступают инновационная восприимчивость, толерантность и индивидуализм
П. Друкер	Предприниматель – это человек, использующий любую возможность с максимальной выгодой. Предпринимательская ориентация отличается от консервативной ориентацией на динамический рост
И. Кирцнер	Предпринимательство – арбитраж, или деятельность, ведущая к равновесию. Поскольку реальная рыночная экономика находится в неравновесии, то человек, обладающий повышенной «чуткостью» к возможностям извлечения прибыли (т.е. предприниматель), может заработать на «арбитражных» сделках
М. Вебер	Западное предпринимательство является производным от религиозной этики протестантизма. Дух капитализма – строй мышления, для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии
В. Зомбарт	Капитализм предстает в фигуре буржуа, которая представляет совокупность личностей. Предпринимательский дух воплощается в трех типах – типе завоевателя, организатора и торговца
К. Веспер	Предприниматель с точки зрения экономиста соединяет средства, труд, материалы и т. д. таким образом, что их совокупная стоимость возрастает. При этом он вносит изменения, осуществляет инновации и преобразует заведенный порядок
Р. Хизрич, М. Питерс	Предпринимательство – процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью, а предприниматель – это человек, который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение достигнутым

Окончание таблицы

Автор	Определение
<i>Концепции западных теоретиков</i>	
М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури	Предприниматель (entrepreneur) – человек, который идет на риск при создании новой организации или при внедрении новой идеи, продукта или услуги
<i>Концепции российских теоретиков</i>	
Н. Д. Кондра- тьев	Анализируя концепцию Й. Шумпетера, отмечал, что в соответствии с ней фактически выделяются два типа экономических субъектов, действующих в рыночной системе. Первый тип – пассивный агент рынка, который имеет минимальный доход или, в крайнем случае, лишь покрывает свои издержки. Второй тип – активный агент, создающий новые хозяйственные комбинации, собственно предприниматель
Т. И. Заславская	В работах социоструктурного направления предприниматели рассматриваются в первую очередь как слой, которому предстоит сыграть важную роль в преобразовании российского общества. Социальный генезис этого слоя, его внутренняя структура, положение в системах власти и собственности, динамика социального статуса здесь более существенны, чем творческий, инновационный тип личности. Поэтому в рамках данного направления предпринимательство понимается как социальный слой, конституирующими признаками которого служат: инициативная деятельность в целях получения прибыли; свобода и автономность экономических решений, личный риск и личная ответственность за результаты хозяйствования
В. В. Радаев	Следуя за Й. Шумпетером, формулирует общее определение предпринимательства: это осуществление организационной инновации в целях извлечения прибыли (другого дополнительного дохода) и выводит для предпринимательства три необходимых элемента: организационное действие; инициирование изменений; денежный доход как цель и критерий успеха
А. И. Агеев	Предпринимательство как экономическое явление возникает при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: организационно-хозяйственного новаторства и экономической свободы
В.И. Верховин, С.Б. Логинов	Инновационный эффект предпринимательского поведения складывается как минимум из трех составляющих: 1) уникальных личностных качеств; 2) рыночной среды, являющейся многоальтернативным полем предпринимательского выбора; 3) предпринимательской культуры, включающей в себя инструментальные и терминальные ценности, стандарты и образцы поведения, которые инициируют венчурный модус социальных действий
А.В. Безгодов	Предпринимательство – это активная систематическая, самостоятельная и ответственная инновационная деятельность по управлению капиталом, направленная на извлечение прибыли, осуществляемая на условиях риска неопределенности в рамках общепринятых в конкретной исторической ситуации норм ведения бизнеса

комбинаций и которые выступают как его активный элемент»¹⁵.

При этом характеристики новаторства и принятия риска зафиксированы не только в теоретических построениях, но и в результатах эмпирических исследований. Так, например, анализируя результаты массового опроса, З. Т. Голенкова и Е. Д. Игитханян в качестве конституирующих черт предпринимательства выделяют следующие¹⁶. Во-первых, предприниматель – человек, для которого жизнь – непрерывная борьба за существование, стремление всеми силами преодолеть сопротивление и противодействие окружающей среды: коррупцию, бюрократический произвол, рэкет. Это социально деятельная фигура, для которой основной смысл жизни – утверждение собственного «Я» во всех жизненных аспектах. Во-вторых, предприниматель – рискованная натура,

для которой риск не просто «благородное дело», но элементарная необходимость.

Следует заметить, что именно инновативность как конституирующая черта предпринимательства порождает особый статус предпринимательства в обществе. Исходным моментом анализа является идея стабильности социума («порядок», «впроизводимость») как условия его существования. Стабильность поддерживается с помощью общепринятых норм и правил, закрепленных в соответствующих институтах. Как писали П. Бергер и Т. Лукман, производство общественного порядка не является ни случайным, ни запланированным: через посредство хабиутализации (опривычивания) «любое действие часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознанно как образец его исполнителем»¹⁷.

Появление института это обязательно разработка специальных механизмов социального контроля. Нарушение существующего нормативного порядка карается применением санкций. Одной из угроз стабильности внутри социума являются «отклонения», выступающие в каждом отдельном случае как несоответствие стандартам. В хозяйственной сфере речь идет о предпринимательстве – деятельности по сознательному внесению возмущений в хозяйственную среду в расчете на получение конкурентного преимущества и, как следствие, высокого дохода.

Как и всякая система, экономическая система стремится к стабильности и в определенной мере «инерционна» (в терминологии Шумпетера). Специфическая же роль предпринимателей состоит в преодолении инерционности экономической системы и стремлении хозяйственных субъектов действовать согласно установившимся практикам. Любая инновация в хозяйственной сфере сопряжена с определенным риском, которого традиционные экономические субъекты пытаются избежать. Предприниматель постоянно нарушает стабильность системы, находя новые модели хозяйствования и новые стратегии поведения.

Таким образом, характеристикой социальной практики предпринимателей выступает **нетипичность**, которая может быть рассмотрена как одно из измерений маргинальности. Нетипичность – еще не само отклонение, не девиантное поле, но уже угроза стабильности. Нетипичность как измерение маргинальности – «это то, что не поддается определению, типизации. Она характеризует явления или группы (индивидов), для которых не предусмотрено места в существующих институтах. В отличие от девиации, они еще не представляют прямой угрозы обществу, но представляются непредсказуемыми и потому являются фактором беспокойства. Поэтому общество стремится либо возвратить эти группы «в нормальное состояние», либо изолировать их»¹⁸ (в данном контексте речь идет не о пространственной изоляции, а об осуждении, препятствиях в деятельности и др.).

По мнению В.В. Радаева, «особая трудность предпринимательской деятельности связана с тем, что она почти неизбежно сталкивается с сопротивлением нововведениям. Любое общество строится на более или менее стабильной системе структур и институтов. В качестве первой реакции ему свойственно не принятие, а отторжение нововведений»¹⁹.

В итоге в социальной системе возникает уникальный субъект экономической жизни: рискующий во имя вознаграждения, спорящий с окружающим миром за право его изменения, оценивающий возможности комбинаций факторов производства. Здесь инновативность как конституирующая черта предпринимательства позволяет определить тип личности предпринимательства. Этот тип – маргинальная личность.

Маргинальная личность подробно описана в работах Р. Парка и Э. Стоунквиста²⁰. Гиперчувствительность и комплекс неполноценности маргинальных индивидов вызывает компенсаторные реакции – чрезмерный эгоцентризм, рациональность, агрессивность, сильное стремление продвигнуться вперед, несмотря на трудности. Реакции на маргинальность могут принимать форму аномийных адаптаций (по Р. Мертону), в том числе в форме инновативной и мятежной вариаций.

Маргинальность как раз является той социологической категорией, которая отражает специфику (нацеленность на инновацию) статусных позиций предпринимательства. К тому же, учитывая современные российские условия, использование именно этой категории позволяет зафиксировать особенности предпринимательского слоя в структуре российского общества.

В связи с инновационным характером предпринимательства важным вопросом его рассмотрения в рамках деятельностно-активистского подхода является вопрос о том, как наличие субъекта с такими характеристиками влияет на структуры социума. В данном случае речь идет прежде всего о предпринимательстве как источнике социального творчества и изменения. В современных российских условиях предпринимательство играет роль группы, реализующей инновационные стратегии, способной осуществить «выход за пределы статуса»²¹. Терминология, предложенная Э. Хагеном, работает в тех случаях, когда в период изменений рушатся предписанные статусы, характерные для закрытого общества.

Таким образом, социологический подход к анализу предпринимательства предполагает не просто учет сущностных характеристик предпринимательской деятельности, хоть и концептуализированных в терминах социологической науки («маргинальность», «институционализация» и др.), но и анализ их влияния на социальные структуры более высокого порядка, а также взаимодействия с этими структурами.

Примечания

- ¹ Цит. по: Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб., 2006. С. 7.
- ² Там же.
- ³ См.: Голенкова З. Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // Социс. 1998. № 10. С. 77–84.
- ⁴ См.: Россия в цифрах. 2006: Краткий стат. сб. М., 2006. С. 164–167.
- ⁵ См.: Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха: В 5 вып. М., 1993.
- ⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // <http://www.ozhegov.ru>

- ⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // <http://vidahl.agava.ru/>
- ⁸ Гинс Г. К. Предприниматель. М., 1992. С. 31.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. 720 с.; Филинкова Е. Б. Психология российского предпринимательства. М., 2007. 288 с.; История экономических учений / В. С. Автономов, О. И. Ананьин, Н. А. Макашева и др. / Под ред. В. С. Автономова и др. М., 2002. 783 с.; Радаев В. В. Экономическая социология. М., 2005. 603 с.; Ланушта М. Г. Предпринимательство. М., 2008. 608 с.
- ¹² Сост. на основе: Генералов В. В., Лычагин М. В. Предпринимательство: проблемы и методы систематизации знаний / Отв. ред. Г. М. Мкртчян. Новосибирск, 2003. 52 с. (http://econom.nsu.ru/kaf-finance_credit/0-main-books/GenLy=Predprinimatel/G+L=Predprin.pdf). – с изменениями. – Л.Я.
- ¹³ При формировании определений использованы материалы: Россия в цифрах. 2006; Блауг М. Указ. соч.; Филинкова Е.Б. Указ. соч. История экономических учений; Радаев В.В. Указ. соч.; Ланушта М.Г. Указ. соч.; Психология предпринимательства: Хрестоматия. Самара, 2007. 786 с.
- ¹⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 224–225.
- ¹⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. 455 с.
- ¹⁶ Голенкова З.Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социс. 2006. № 11. С. 29–37.
- ¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 89–90.
- ¹⁸ Маргинальность в современной России / Е. С. Балабанова, М. Г. Бурлуцкая, А. Н. Демин и др. М., 2000. // <http://www.auditorium.ru/books/45/>.
- ¹⁹ Радаев В.В. Указ. соч. С. 224–225.
- ²⁰ Феофанов К. А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии // Общественные науки за рубежом (РЖ). Сер. 11. Социология. 1992. № 2. С. 70–83.
- ²¹ Латин Н. И. Общая социология. М., 2006. С. 68–70.

УДК 316. 334.2

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

М. А. Филимонова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: FilimonovaManyna@yandex.ru

В статье на основе результатов региональных социологических исследований и данных всероссийской статистики анализируются особенности социально-экономического развития сельских домохозяйств в постсоветский и современный период. Выявлены тенденции к урбанистическому складу домохозяйств на селе с частичным сохранением элементов архаичности.

Ключевые слова: домохозяйство, регион, семья.

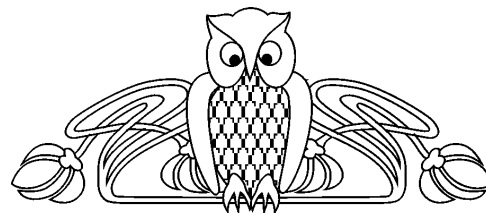
Features of Development Rural Household in the Saratov Region

М.А. Filimonova

In article, on the basis of results of regional sociological researches and the data of the All-Russia statistics, features of social and economic development rural household during the postSoviet and modern period are analyzed. Tendencies to an urbanistic household constitution on village with partial preservation of archaism elements are revealed.

Key words: household, region, family.

За последнее десятилетие значение семьи как транслятора культурного наследия, национальных традиций и этических норм в современных

российских условиях значительно возросло. Общечеловеческая ценность семьи на сегодняшний день не является темой дискуссий. В то же время современными исследователями отмечаются новые тенденции в изменении социального института семьи и усилении ее экономической функции. Именно в рамках семьи активизируются все социальные ресурсы выживания индивидов, их взаимопомощь в решении финансовых и других проблем. Усиливается роль подсобного хозяйства не только в сельской местности, но и в городах (дачные участки). Появляются семейные предприятия, фирмы. Иными словами, семья все чаще начинает выступать как экономическая структура. Данный ракурс семьи принято называть домохозяйством.

В условиях командной экономики благосостояние домохозяйств определялось местом индивида в общественной иерархии, принадлежностью к партийно-государственным структурам, которые в советское время предоставляли возможность доступа к дефицитным товарам. Не имеющие подобных связей были ограничены в возможности потребительского выбора.

Положение усугублялось вмешательством государства в деятельность домохозяйств путем запрета самостоятельной экономической деятельности (частного бизнеса, спекуляции), контроля досуговой деятельности и «уравнительной политики коллективизма», что привело к кризису

- ⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // <http://vidahl.agava.ru/>
- ⁸ Гинс Г. К. Предприниматель. М., 1992. С. 31.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 32.
- ¹¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. 720 с.; Филинкова Е. Б. Психология российского предпринимательства. М., 2007. 288 с.; История экономических учений / В. С. Автономов, О. И. Ананьин, Н. А. Макашева и др. / Под ред. В. С. Автономова и др. М., 2002. 783 с.; Радаев В. В. Экономическая социология. М., 2005. 603 с.; Ланушта М. Г. Предпринимательство. М., 2008. 608 с.
- ¹² Сост. на основе: Генералов В. В., Лычагин М. В. Предпринимательство: проблемы и методы систематизации знаний / Отв. ред. Г. М. Мкртчян. Новосибирск, 2003. 52 с. (http://econom.nsu.ru/kaf-finance_credit/0-main-books/GenLy=Predprinimatel/G+L=Predprin.pdf). – с изменениями. – Л.Я.
- ¹³ При формировании определений использованы материалы: Россия в цифрах. 2006; Блауг М. Указ. соч.; Филинкова Е.Б. Указ. соч. История экономических учений; Радаев В.В. Указ. соч.; Ланушта М.Г. Указ. соч.; Психология предпринимательства: Хрестоматия. Самара, 2007. 786 с.
- ¹⁴ Гинс Г.К. Указ. соч. С. 224–225.
- ¹⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982. 455 с.
- ¹⁶ Голенкова З.Т., Игитханян Е. Д. Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни // Социс. 2006. № 11. С. 29–37.
- ¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 89–90.
- ¹⁸ Маргинальность в современной России / Е. С. Балабанова, М. Г. Бурлуцкая, А. Н. Демин и др. М., 2000. // <http://www.auditorium.ru/books/45/>.
- ¹⁹ Радаев В.В. Указ. соч. С. 224–225.
- ²⁰ Феофанов К. А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии // Общественные науки за рубежом (РЖ). Сер. 11. Социология. 1992. № 2. С. 70–83.
- ²¹ Латин Н. И. Общая социология. М., 2006. С. 68–70.

УДК 316. 334.2

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ

М. А. Филимонова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: FilimonovaManyna@yandex.ru

В статье на основе результатов региональных социологических исследований и данных всероссийской статистики анализируются особенности социально-экономического развития сельских домохозяйств в постсоветский и современный период. Выявлены тенденции к урбанистическому складу домохозяйств на селе с частичным сохранением элементов архаичности.

Ключевые слова: домохозяйство, регион, семья.

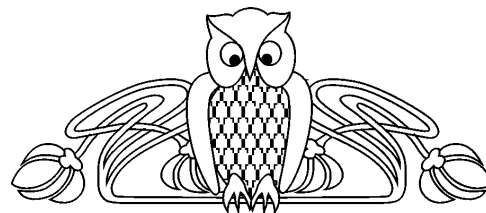
Features of Development Rural Household in the Saratov Region

М.А. Filimonova

In article, on the basis of results of regional sociological researches and the data of the All-Russia statistics, features of social and economic development rural household during the postSoviet and modern period are analyzed. Tendencies to an urbanistic household constitution on village with partial preservation of archaism elements are revealed.

Key words: household, region, family.

За последнее десятилетие значение семьи как транслятора культурного наследия, национальных традиций и этических норм в современных

российских условиях значительно возросло. Общечеловеческая ценность семьи на сегодняшний день не является темой дискуссий. В то же время современными исследователями отмечаются новые тенденции в изменении социального института семьи и усилении ее экономической функции. Именно в рамках семьи активизируются все социальные ресурсы выживания индивидов, их взаимопомощь в решении финансовых и других проблем. Усиливается роль подсобного хозяйства не только в сельской местности, но и в городах (дачные участки). Появляются семейные предприятия, фирмы. Иными словами, семья все чаще начинает выступать как экономическая структура. Данный ракурс семьи принято называть домохозяйством.

В условиях командной экономики благосостояние домохозяйств определялось местом индивида в общественной иерархии, принадлежностью к партийно-государственным структурам, которые в советское время предоставляли возможность доступа к дефицитным товарам. Не имеющие подобных связей были ограничены в возможности потребительского выбора.

Положение усугублялось вмешательством государства в деятельность домохозяйств путем запрета самостоятельной экономической деятельности (частного бизнеса, спекуляции), контроля досуговой деятельности и «уравнительной политики коллективизма», что привело к кризису

российских домохозяйств в новых условиях, возникших после гибели СССР.

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что особо пагубно и разрушающе экономический кризис 1990-х гг. отразился именно на экономике села и на сельских домохозяйствах как основном субъекте экономической деятельности. Стремительный переход аграрной сферы экономики на рыночные отношения, многомерные институциональные преобразования сопровождалась практически повсеместным спадом производства продукции АПК, что незамедлительно отразилось на уровне скрытой безработицы, а следовательно, и на уровне жизни сельского населения.

В столь трудный для села период практически каждое домохозяйство во избежание крайней бедности старалось задействовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, совмещая в своей повседневной деятельности черты товарного, натурально-потребительского и традиционного хозяйства по видам занятости и источникам доходов. В 90-е гг. получила все большее распространение форма безвозмездной материальной помощи (бартер), что в принципе является характерным для сельского сообщества с его традиционной родственной и соседской взаимопомощью, дружеской поддержкой. Сплотившись воедино в борьбе за выживание, большинство сельских домохозяйств приспособивались к новым условиям хозяйствования, при этом личное подсобное хозяйство (ЛПХ) стало центром деловой активности.

Итак, 1990-е гг. ознаменовавшиеся тяжким экономическим кризисом, поставили перед российскими домохозяйствами основную

цель – выживание, а не развитие. Достижение поставленной цели требовало в первую очередь диверсификации занятости, что означало переориентацию сельского населения на доходы не только от официальной работы в аграрном секторе экономики, но и на извлечение доходов за счет теневой экономической деятельности, на самообеспечение продуктами питания за счет личных подсобных хозяйств. По мнению ряда исследователей, продукция ЛПХ являлась в России 1990-х одной из наиболее важных статей доходов домохозяйств.

В современном российском обществе проблемы развития села по-прежнему не теряют своей актуальности. Состояние дел в агропромышленном секторе достаточно сложное, что объясняется прежде всего уменьшением численности сельского населения. На сегодняшний день в сельской местности проживают 38,8 млн человек. Это достаточно весомая цифра, если не учитывать, что в России насчитывается 142 тыс. сельских населенных пунктов (1784 – по Саратовской области), а соотношение горожан и сельских жителей составляет 73:27%. При этом только в Саратовской области ежегодно численность сельского населения уменьшается приблизительно на 8–9 тысяч человек (табл. 1)¹. Состав частных домохозяйств в Саратовском регионе несколько отличается от общероссийских показателей. Так, по результатам мониторинга социально-трудовой сферы села, в ходе которого было опрошено 250 домохозяйств по Саратовской области, были получены следующие данные (рис. 1)².

Данные свидетельствуют, что наиболее распространенным в Саратовском регионе является тип сельского домохозяйства, состоящего из

Таблица 1

Общая численность населения Саратовской области¹

Показатели	1980	1990	2000	2001	2002	2005
Население – всего (на конец года), тыс. чел.	2579	2706	2696	2676	2663,5	2608,3
В том числе городское население	1844	2019	1967	1995	1961,0	1923,6
Сельское население	735	687	729	721	702,5	684,7

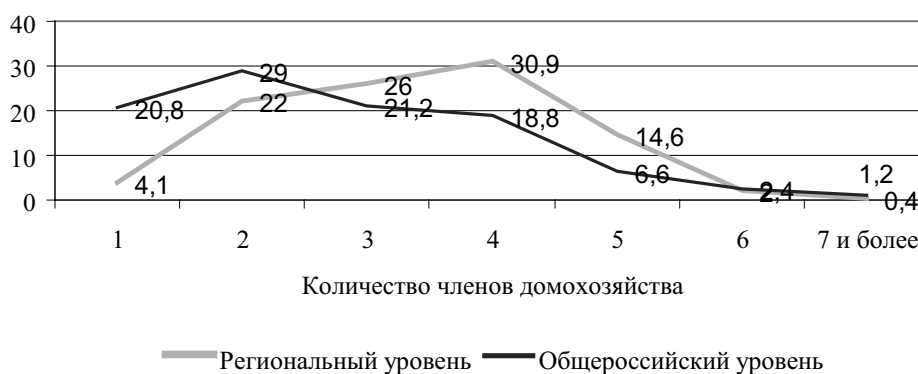

Рис. 1. Численный состав домохозяйств, % от общего числа

четырёх человек (30,9%), в то время как в общероссийском масштабе данный тип домохозяйства занимает только 4-е место, уступая по численности домохозяйствам, состоящим из 1-го, 2-х и 3-х человек. При этом среднее арифметическое количество членов сельских домохозяйств по области равно 3,44, в то время как в целом по России – 2,7.

В условиях российских реалий выводы об укрупнении сельских домохозяйств выглядят не-

объективно в силу неодинаковости численности населения в различных регионах страны, что естественно отражается на среднем показателе количества членов домохозяйств.

При этом самым распространённым экономико-демографическим типом сельских домохозяйств в Саратовской области является «работающие супруги трудоспособного возраста без детей», что составляет 14,8% от общего числа опрошенных домохозяйств (рис. 2)³.

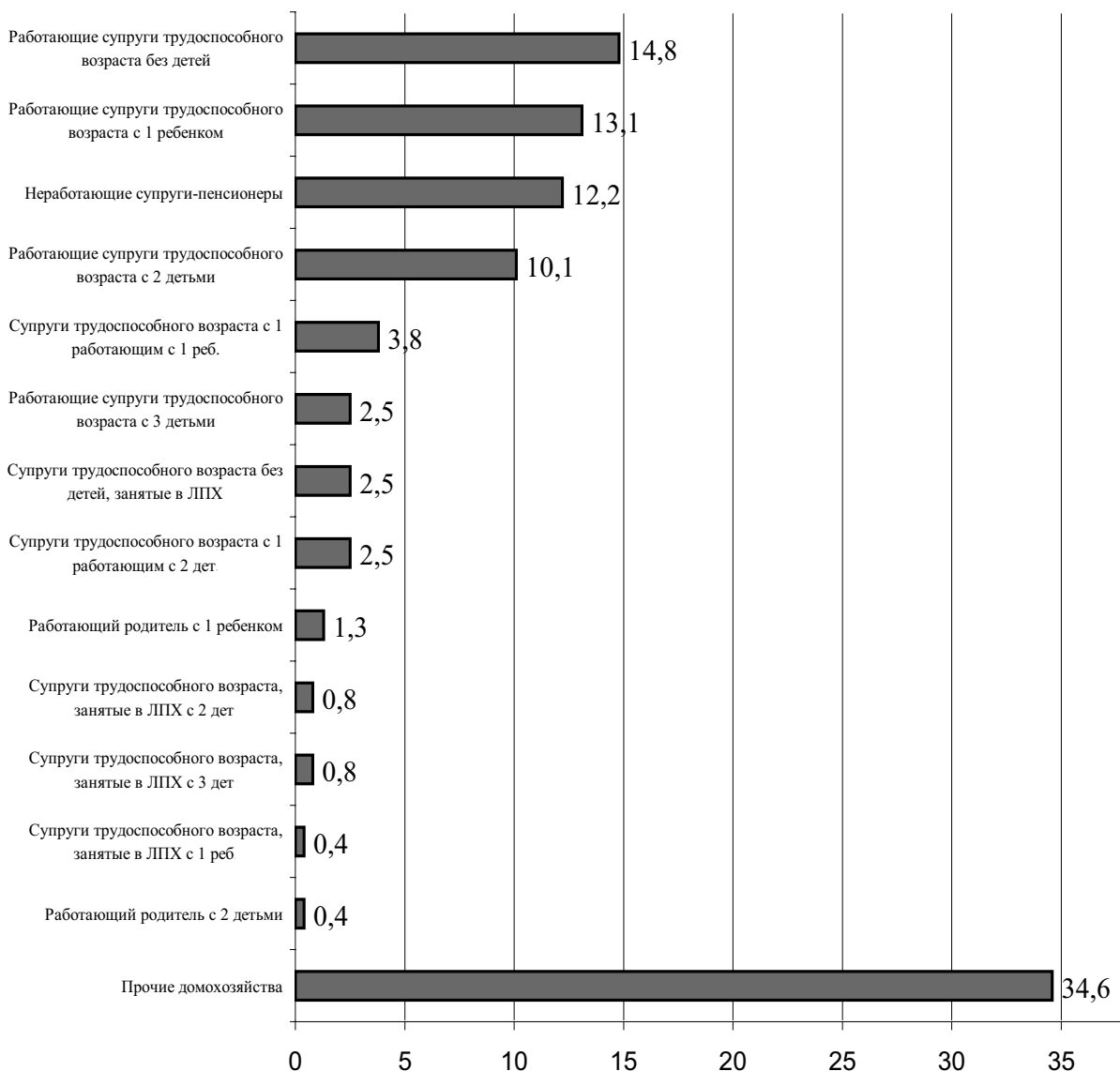

Рис. 2. Экономико-демографический тип домохозяйства, % от общего числа

К группе «работающие супруги трудоспособного возраста с 1 ребенком» относится 13,1% сельских домохозяйств.

Таким образом, ¼ всех домохозяйств (27,9%) относится к числу бездетных, либо малодетных (1 ребенок), что усугубляется значительным процентом (12,2%) домохозяйств, состоящих из неработающих супругов-пенсионеров. И всего лишь 10,1% домохозяйств состоят из супругов

трудоспособного возраста с 2 детьми. Полученные данные свидетельствуют о том, что сельские домохозяйства находятся на грани вымирания, так как не происходит естественного прироста населения в сельской местности, и, следовательно, трудового потенциала АПК.

Однако это касается демографического вымирания. Что же до материального положения сельских домохозяйств, то в сравнении с городом

положение также не носит выигрышного характера, так как город, по-прежнему почти вдвое богаче деревни.

При этом у основной части домохозяйств сохраняется ощущение социальной несправедливости, из-за низкого уровня материального достатка. Причем в Саратовской области, по сравнению с Россией в целом, это проявляется особенно остро.

Так, если в России в целом 47,1% сельского населения считают свое материальное положение хуже, чем того заслуживают, то в Саратовской области подобный показатель равен 57,7% (рис. 3)⁴. Процент же тех, кто считает, что их материальное положение вполне соответствует тому, что они заслуживают, наоборот, меньше общероссийского: 32,3% – Саратовская область, 35,7% – Россия.

Рис. 3. Самооценка соответствия материального положения с заслугами домохозяйства

Таким образом, в Саратовской области чувство социальной несправедливости материального положения у жителей села более ярко выражено, чем в целом по России. Происходит поляризация оценок справедливости материального положения домохозяйств.

Подобное чувство социальной несправедливости обусловлено низким уровнем заработной платы на селе и бедностью. Данный пункт был выделен представителями сельских домохозяйств среди основных проблем села, так ответили 24,6%. Второй «по популярности» проблем была отмечена безработица (14,2%). За безработицей следует проблема алкоголизма (13,9%), ставшая уже традиционной для российского общества, а в особенности для его сельской части.

В связи с тем, что поступления из официальных источников (доля зарплат, социальных трансфертов) составляют незначительную часть в совокупных располагаемых ресурсах сельской семьи, а выживание домохозяйства зависит в основном от экономической активности его взрослых членов, сельские домохозяйства все более уходят в сферу неформальных отношений и неформальной семейной экономики. На сегодняшний день сельские домохозяйства в основной своей массе являются не потребительской единицей, а скорее производственной, для которой характерна не погоня за прибылью, а поддержание жизнедеятельности семьи, использование при этом всех доступных ресурсов.

Минимизация осуществления потребительского выбора усугубляется для сельских домохозяйств условиями бюджетного ограничения, ведь основным источником средств существования на селе по-прежнему является оплата труда (65%).

Практически третья часть сельских домохозяйств основным источником считают социальные трансферты (29%). Доход от фермерской деятельности и от личного подсобного хозяйства считали основным источником только 5% сельских домохозяйств.

Основой личного подсобного хозяйства является земельная доля, о наличии которой сообщили 56,9% всех опрошенных. Из общей площади сельскохозяйственных угодий населением фактически используются только 73,6% (табл. 2)⁵.

Для современного села свойственна передача в наем земельной собственности домохозяйств, что ведет к появлению среди источников дохода пункта «средства за аренду, сдачу в наем», что является сравнительно новым веянием развития сельского хозяйства. В то же время полностью используют собственную земельную долю для производства сельскохозяйственной продукции 18,3% сельских домохозяйств, что является признаком сохранения архаичности села, когда домохозяйства были заняты всецело самостоятельным производством продукции.

Подводя итоги, нельзя не отметить, что развитие современных сельских домохозяйств Саратовского региона в значительной степени определяется общероссийскими тенденциями, хотя имеет и специфические региональные особенности.

Показатели численности и состава домохозяйств в нашем регионе несколько превышают значения показателей в целом по стране, при этом основная часть сельских домохозяйств Саратовского региона не способна обеспечить себя полным набором потребительских товаров в силу экономической несостоятельности. Село находит-

Таблица 2

Распределение земельной доли сельскими домохозяйствами, % от ответивших

Способы использования земельного надела	%
Передали в уставной фонд хозяйства (полностью)	7,2
Передали в уставной фонд хозяйства (частично)	5,2
Передали хозяйству в аренду (полностью)	35,3
Передали хозяйству в аренду (частично)	12,4
Продали (полностью)	4,6
Используем для производства с.х. продукции (полностью)	18,3
Используем для производства с.х. продукции (частично)	9,8
Земля заброшена (полностью)	5,2
Земля заброшена (частично)	2,0
Всего	100

ся в упадке, что напрямую влияет на социальное и экономическое положение домохозяйств, вынуждаемых в силу объективных причин бороться за выживание, а не направлять деятельность на собственное развитие.

Примечание

¹ Сост. по: Саратовская область. 1980–2002. Саратов, 2003. С. 9; Города и районы Саратовской области в 2005 году: Стат. сб. Саратов, 2006. С. 5.

² Сост. по: Число и состав домохозяйств, семей и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Саратов, 2005; Социологическое исследование «Социально-экономическое положение сельских домохозяйств в Саратовском регионе», проведенное в 2007 г. с участием автора.

³ Сост. по данным социологического исследования «Социально-экономическое сельских домохозяйств в Саратовском регионе», проведенного в 2007 г. с участием автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

УДК 316.334.3

**РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

М. С. Ивченкова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье предлагается авторская интерпретация особенностей функционального воздействия средств массовой информации на процесс формирования гражданского общества в России, раскрываются некоторые противоречия взаимоотношений СМИ, власти и населения.

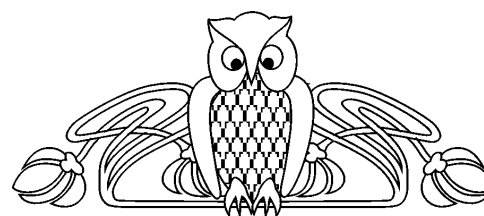
Ключевые слова: власть, СМИ, гражданское общество, общественное мнение.

The Role of the Modern Russian Mass Media in the Civic Society Forming Process

M.S. Ivchenkova

The author interpretation of the special functional features of the mass media influencing upon the process of the forming civil society in Russia is offered; some contradictions between mass media, authority of the state and population are disclosed.

Key words: power, mass media, civil society, public opinion.

Одним из важнейших направлений формирования демократического, правового гражданского общества в России является постоянное равноправное партнерское взаимодействие власти и социума, способное обеспечить подотчетность, открытость, адекватность, восприимчивость обратной связи в деятельности государственных органов, которые являются основными признаками и критериями степени демократичности общества. Процесс становления правового государства и гражданского общества неразрывно связан с повышением роли и значимости СМИ как особого инструмента выражения воли народа, ее реализации в процессе преобразования общественной жизни. СМИ в значительной степени способствуют укреплению и реализации таких принципов правового государства, как суверенитет, народовластие, разделение властей,

Таблица 2

Распределение земельной доли сельскими домохозяйствами, % от ответивших

Способы использования земельного надела	%
Передали в уставной фонд хозяйства (полностью)	7,2
Передали в уставной фонд хозяйства (частично)	5,2
Передали хозяйству в аренду (полностью)	35,3
Передали хозяйству в аренду (частично)	12,4
Продали (полностью)	4,6
Используем для производства с.х. продукции (полностью)	18,3
Используем для производства с.х. продукции (частично)	9,8
Земля заброшена (полностью)	5,2
Земля заброшена (частично)	2,0
Всего	100

ся в упадке, что напрямую влияет на социальное и экономическое положение домохозяйств, вынуждаемых в силу объективных причин бороться за выживание, а не направлять деятельность на собственное развитие.

Примечание

¹ Сост. по: Саратовская область. 1980–2002. Саратов, 2003. С. 9; Города и районы Саратовской области в 2005 году: Стат. сб. Саратов, 2006. С. 5.

² Сост. по: Число и состав домохозяйств, семей и состояние в браке. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Саратов, 2005; Социологическое исследование «Социально-экономическое положение сельских домохозяйств в Саратовском регионе», проведенное в 2007 г. с участием автора.

³ Сост. по данным социологического исследования «Социально-экономическое сельских домохозяйств в Саратовском регионе», проведенного в 2007 г. с участием автора.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

УДК 316.334.3

**РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ
В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

М. С. Ивченкова

Саратовский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: ivchenkovams@yandex.ru

В статье предлагается авторская интерпретация особенностей функционального воздействия средств массовой информации на процесс формирования гражданского общества в России, раскрываются некоторые противоречия взаимоотношений СМИ, власти и населения.

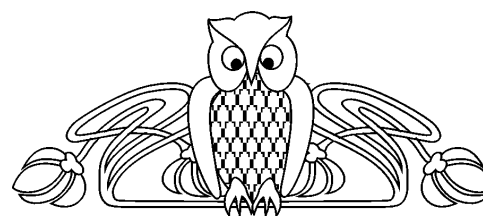
Ключевые слова: власть, СМИ, гражданское общество, общественное мнение.

The Role of the Modern Russian Mass Media in the Civic Society Forming Process

M.S. Ivchenkova

The author interpretation of the special functional features of the mass media influencing upon the process of the forming civil society in Russia is offered; some contradictions between mass media, authority of the state and population are disclosed.

Key words: power, mass media, civil society, public opinion.

Одним из важнейших направлений формирования демократического, правового гражданского общества в России является постоянное равноправное партнерское взаимодействие власти и социума, способное обеспечить подотчетность, открытость, адекватность, восприимчивость обратной связи в деятельности государственных органов, которые являются основными признаками и критериями степени демократичности общества. Процесс становления правового государства и гражданского общества неразрывно связан с повышением роли и значимости СМИ как особого инструмента выражения воли народа, ее реализации в процессе преобразования общественной жизни. СМИ в значительной степени способствуют укреплению и реализации таких принципов правового государства, как суверенитет, народовластие, разделение властей,

приоритет прав и свобод личности, федерализм, законность¹. Они также являются уникальным средством формирования политической и правовой культуры граждан, выступающей важнейшим атрибутом гражданского общества.

Этот подход предопределяет и отношение к СМИ в современных исследованиях, где их функционирование рассматривается как «деятельность социального субъекта по производству и распространению социально-политической информации, направленной на формирование (стабилизацию или изменение) образа мыслей и действий социального же субъекта»². В связи с этим актуализируется роль СМИ в ракурсе информационного обеспечения политических процессов. Именно на них возлагается задача донести до общества идею, основные принципы гражданского общества, приемы и особенности его функционирования, пробудить интерес и активность людей, мобилизовать их на позитивную деятельность в данном направлении.

Вместе с тем общеизвестно, что даже развитая демократическая система гражданского правового общества не гарантирует отсутствия социальных проблем различного рода, начиная от обеспечения личных свобод и самоуправления и заканчивая стремлением власти и элиты сузить границы общественного социального контроля граждан за своей деятельностью. Можно согласиться с А. Зубовым, который подчеркивал, что гражданское общество не может быть целью политических устремлений. Оно – механизм, позволяющий обществу сосуществовать с государством и отстаивать свои интересы. Если государство перестает быть социальным инструментом, оно начинает «обольщаться собственной самодостаточностью» на фоне растущей гражданской апатии³. Поэтому необходимо уточнить, что понятие гражданского общества в работе будет нами трактоваться не как форма общественного устройства, а как определенный срез общественной жизни, как социум, где граждане имеют возможность реально воздействовать на социальные процессы и тем самым разделять ответственность за все, что происходит в обществе. Этот ракурс позволяет увидеть особую роль СМИ в данном процессе.

Особенность функционирования СМИ в том, что они не вырабатывают управленческих, политических решений, законов. Они создают такую социально-информационную ситуацию, когда любое решение может быть подвергнуто общественным мнением социальной экспертизе, оценке, принятию, одобрению или неприятию и пассивному (активному) сопротивлению. По данным одного из опросов ВЦИОМ, 49% респондентов указали на то, что именно выступления в СМИ сильнее всего способны повлиять на решения, принимаемые органами власти⁴.

Современные оценки влияния средств массовой информации на политическое сознание и

поведение людей в российском обществе весьма неоднозначны и даже противоречивы⁵. Среди многих различных точек зрения можно выделить две основные. С одной стороны, довольно распространено представление о том, что политическое сознание и поведение людей существенно зависят от информационного поля, создаваемого СМИ. В этой связи уместно привести слова Э. Денниса, предполагающего, что СМИ «формируют» мышление, «воздействуют» на мнения и установки своей аудитории, «подводят» ее к определенным видам поведения, например, голосованию за определенного кандидата⁶.

Ряд других авторов считают, что влияние СМИ на поведение граждан осуществляется путем создания определенного общественного мнения: «Благодаря возможности придавать общественному мнению массовость, СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им»⁷. Более того, отдельные исследователи массовых коммуникаций (а вместе с ними многие политики и журналисты) с недавних пор начали говорить о грядущей эпохе «медиа-кратии» – власти СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению⁸. «Пресса самым непосредственным образом участвует как в производстве, так и в распространении мнений, то есть она не выражает, а создает общественное мнение, она не отражает представления людей о мире, а формирует сами эти представления, а значит и их видение мира... Производство артефакта, называемого общественным мнением, – весьма важная «властная» функция СМИ»⁹. На наш взгляд, применительно к России наиболее адекватно компромиссное понимание. Не отрицая в целом серьезного влияния СМИ на политическое сознание и поведение населения, необходимо учитывать важные ограничения могущества СМИ. Одно из таких ограничений связано с возможными внутренними противоречиями самого информационного поля, порождаемого СМИ.

Как отмечает К. Гаджиев, СМИ, будучи частью современной действительности со всеми ее противоречиями, конфликтами, в той или иной мере воспроизводят их. Поэтому потоки информации состоят из множества противоречащих, нередко взаимоисключающих друг друга сообщений и материалов. И хотя программы и материалы СМИ в своей совокупности оказывают влияние на формирование общественного мнения, но они не штампуют его¹⁰. Иными словами, плюрализм информационного пространства и свобода выбора информационных источников позволяют уменьшить зависимость политического поведения от воздействия СМИ. И наоборот, когда большинство различных СМИ вдруг начинают действовать согласованно, тотально (например, предвыборная кампания Единой России и Медведева), их влияние резко возрастает. «Эффективность»

воздействия также повышается и в случае достаточно длительного постоянного транслирования какого-то идеологического концепта, пусть даже и ограниченным числом СМИ. Таким образом, можно сказать, что «влияние СМИ идет не через отдельные сообщения, но через их кумулятивный эффект»¹¹.

Масс-медиа в России ориентированы на инструментальную роль в политической системе и обществе. Однако в реальной жизни развивается тенденция к усилению их самостоятельности. Часто они имеют собственные, нередко расходящиеся с потребностями общества цели деятельности и используют для их достижения различные методы. Однако восприятие СМИ как органа социально-политического управления может не только не повышать авторитет СМИ и доверие к их сообщениям со стороны населения, но, наоборот, снижать его¹².

В современном российском обществе все больше актуализируется необходимость реализации потенциала СМИ не только как инструмента в сложном механизме политики, но и ее творца (четвертой власти). Как отмечает Н. Больц, «вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленным отличать отображение от отображенного явления... Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной (через СМИ) инсценировке. Все то, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение»¹³.

Влияние на политику СМИ осуществляют прежде всего через воздействие на информационный процесс, что в свою очередь позволяет определенным образом формировать общественное мнение. Основными инструментами при этом являются получение, отбор, препарирование, комментирование и распространение сведений. От того, какую информацию, в какой форме и с какими комментариями получают субъекты политики, очень во многом зависят их последующие действия. «Иметь важную информацию – значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», – пишут авторы одного из самых известных учебных пособий по политологии ФРГ¹⁴.

СМИ позволяют современному человеку по-настоящему полностью осознать свое место в политическом пространстве. Поэтому отбор наиболее важной информации и ее представление – важная задача всей системы СМИ, что, естественно, открывает широкие возможности для манипулирования массовым сознанием. Информированность граждан, в том числе политиков, прямо зависит от того, как, с какими целями и по каким критериям отбирается информация, насколько глубоко она

отражает реальные факты после ее препарирования и редукции, осуществленных газетами, радио и телевидением, а также от способа и форм подачи информации.

Массовые (в том числе авторские) опросы¹⁵ показывают, что в обществе наблюдаются прямо противоположные оценки и суждения по поводу деятельности средств массовой информации. С одной стороны, публично декларируемая приверженность СМИ принципам свободы слова и зачастую весьма сдержанное отношение (а иногда дистанцирование и даже противостояние) журналистов к политической власти привлекают к СМИ симпатии части населения. С другой стороны, необходимость выживания в рыночных условиях вынуждает масс-медиа руководствоваться порой в большей степени не этическими принципами и общественными интересами, а соображениями прибыли. В результате значительная часть населения высказывает в адрес СМИ вполне основательные упреки в ангажированности и не-объективности.

Двойственность, противоречивость, неоднозначность функционирования СМИ в обществе связаны с необходимостью совмещения в их деятельности профессиональной этики и получением максимальной прибыли, что обусловлено переходным состоянием российского общества. Эта проблема по-разному решается различными средствами массовой информации, равно как по-разному понимаются роль и функция СМИ в российском обществе. Также различно решается и проблема преодоления дистантности аудитории, нередко за счет доли усиления политического маркетинга и использования средств манипулирования.

Реализация нынешнего потенциала воздействия СМИ на массовое политическое сознание и формирование гражданского общества неоднозначна, разнонаправленна, неравновесна. В нем продолжает преобладать инструментальная функция. Ограниченные возможности информационного воздействия СМИ на массовое политическое сознание связаны с тем, что значительная часть населения не доверяет СМИ – причем как отдельным каналам трансляции политической информации, так и в целом масс-медиа в качестве социально-политического института.

Примечания

- ¹ См.: Резник Д.А. Региональные СМИ и власть: пути взаимодействия / Под ред. Г.В. Дыльнова Саратов, 2004; Савинова О.Н. Пресса, общественность, власть: опыт правотворчества. Н. Новгород, 1996. С. 4–5.
- ² Ирхин Ю.В. и др. Политология. М., 2000. С.309.
- ³ См.: Зубов А. Современное русское общество и civil society: границы наложения // Pro et Contra. 1996. Т. 2, № 2.

- 4 См.: Антонова Д.В. Гражданское участие и информационное участие (к определению понятий) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10, Журналистика. 2006. №1. С.99.
- 5 См.: Меррил Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997. С. 155.
- 6 См.: Денис Э., Меррил Дж. Беседы о масс-медиа. М., 1997. С. 139. Эл. версия: <http://institute.org.ru/library/articles/1005846091/> - 1.
- 7 См.: Кузьмин О. В. Социология общественного мнения. Новосибирск, 1996. С. 34.
- 8 См.: Солодухин Ю. Н. Российские средства массовой информации: являются ли они «четвертой властью»? // СМИ в политических технологиях. М., 1995. С. 13,15; Кургинян С. Е. «Седьмой сценарий». М., 1992. Ч. 2. С. 141.
- 9 Солодухин Ю.Н. Указ. соч.
- 10 См.: Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С. 106.
- 11 Денис Э., Меррил Дж. Указ. соч. М., 1997. С. 153.
- 12 Боск Ч.Л., Хилгартнер С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000
- 13 Цит. по: Пугачев В.П. Выборы: общая теория в российских иллюстрациях // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12 . 1997. № 4. С. 14.
- 14 Цит. по: Швидунова А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий // http://www.pressclub.host.ru/techn_13.htm
- 15 Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. С. 54; Мониторинг общественного мнения. М., 1996. №1; Петрова А.С. Информации много, она интересна, но ей доверять нельзя: Отчет по результатам опроса ФОМ. 11.09.2003 // www.fom.ru; Политика в СМИ Опрос населения ФОМ. 29.06.2006 // http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_pol/dd062522.

УДК 32.130.3

КРИТИКА РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ КАК МЕРА ЕЕ ПРОГРЕССА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: FilatovNN@info.sgu.ru

В статье анализируются теоретические противоречия в современных критических оценках достижений российской демократии. Эти противоречия интерпретируются как отражение в массовом сознании и сознании элит фактической состоятельности российской демократии и господствующей в обществе готовности развиваться в рамках демократического процесса.

Ключевые слова: концепции демократии, транзитология, массовое сознание, общественная трансформация, демократический процесс.

Criticism of Russian Democracy as a Measure of Its Progress

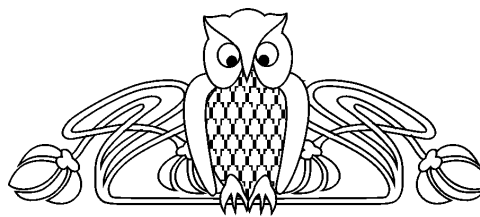
N.N. Filatov

The paper analyzes theoretical contradictions in modern critical estimations of Russian democracy achievements. These contradictions are interpreted as reflection in mass & elite consciousness of the actual strength of Russian democracy and the society's prevailing readiness to develop within the democratic process framework.

Key words: concepts of democracy, transatology, mass consciousness, sociological transformation, democratic process.

За минувшее столетие и в начале нынешнего века российская демократия как идея и как институализированная социальная и политико-элитарная практика прошла длительный путь изменений от умеренной либеральной системы, конкурирующей с самодержавной традицией общественной и государственной жизни, через радикальную форму советской демократии, конкурирующую с моделями «западной демократии», к нынешней радикальной форме либеральной демократии и далее, к некоторой новой форме, определение сути которой в настоящее время выглядело бы излишне поспешным и несло бы на себе неизбежный отпечаток идеологической ангажированности.

В сравнении с состоянием российской политической системы в досоветское (имперское) время прогресс принципов, институционализированных и не институализированных проявлений демократии в общественной и государственной жизни очевиден. Тем не менее каждый новый шаг в развитии демократических начал российской общественно-политической жизни вызывал волну публицистической и научной критики. Причем предметом критики становился в основном тот круг проблем общественной и государственной жизни, само существование которых является

свидетельством наличия прогресса в затянувшемся более чем на век демократическом транзите России. Собственно, именно эта критика в большей степени, чем объективные факты правовых, культурных, экономических проявлений отечественной демократии, побуждает исследователей к принципиальной постановке вопроса: а имеет ли место в российских условиях, в том числе и сегодня, демократический транзит как таковой, если проблем, выделяемых критиками в политическом процессе, больше, чем объективных достижений?

«В современной российской политической практике, – пишет известный московский политолог Н.Ю. Беляева, – разговор об институтах публичной политики все чаще, особенно после 2003 года, начинается с констатации неэффективности этих институтов. В частности, критикуется неэффективность парламента, поскольку при явном доминировании одной партии парламентские дискуссии утрачивают свой смысл. Кроме того, очевидна неэффективность института разделения властей, так как исполнительная власть практически диктует свою волю законодательной. Не эффективен и институт политических партий в России, поскольку партии не смогли стать инструментом выражения политических интересов и политической воли больших социальных групп. Нарастающей критике подвергается также институт выборов, так как регулярно изменяющиеся правила проведения выборов все больше ограничивают круг политических субъектов, сужают права граждан, повышают «цену входа» на политический рынок, публичные выборы глав субъектов РФ подменяются непубличным согласованием кандидатур губернаторов с политическими элитами регионов. Перечисленное позволяет говорить о системном кризисе институтов публичной политики»¹.

В объяснении того, почему вопреки масштабной критике демократических принципов и процедур эти принципы и процедуры продолжают существовать, Н.Ю. Беляева опирается на авторитетное суждение одного из ведущих отечественных политологов С.В. Патрушева. Суть его позиции в том, что да, действительно, основная масса демократических институтов и принципов не эффективна по своим объективным свойствам, но в самой этой неэффективности заинтересовано государство. Неэффективность позволяет государ-

ству «максимизировать разницу между доходами и расходами казны»². То есть, проще говоря, низкая эффективность демократических институтов и процедур легитимирует низкий уровень инвестирования государством ресурсов в сферу демократических отношений. Ссылается Н.Ю. Беляева и на ряд других теоретических позиций, с которых, на ее взгляд, можно объяснить данный феномен: эффективности нет, а демократический процесс идет. Объяснения довольно распространенные в современной политологической и юридической литературе: особенности российского менталитета и особенности российской институциональной традиции.

Но данный парадокс может быть интерпретирован и с иных теоретических позиций. Критериев эффективности функционирования институтов демократии, объективных и независимых от высокой динамики политических процессов в современной России, просто нет. Субъективным критерием, подменяющим во многих научных рассуждениях фактическую сторону дела, выступает то, насколько эти институты российской демократии, по мнению того или иного аналитика, отклоняются от экономических, политико-культурных и юридических «эталонов», позаимствованных из арсенала «западной» научно-теоретической мысли. В объективном же плане мы постоянно имеем дело с широким спектром более или менее очевидных последствий функционирования демократических структур в российской политической практике. Разброс этих последствий во времени и пространстве и их способность проявиться в долгосрочной либо краткосрочной перспективах делают любую претензию на окончательную оценку эффективности весьма проблематичной. Для государства, а точнее для круга аналитиков, обслуживающих его интересы соучастия с обществом в демократической политике, эта проблема достоверной оценки эффективности демократического компонента политики на основании разрозненных положительных и отрицательных фактов тоже существует.

Уровень демократичности, достигнутый обществом, измеряется не только количеством и качеством, масштабом и функциональностью политических институтов, не только динамичностью демократических процедур. В конечном итоге и то и другое предопределяется показателем совсем иного рода.

Демократичность процессов, протекающих в рамках социально-политической системы, в принципе может быть измерена, причем с гораздо большей, чем в рамках институционального и правовых подходов, точностью. Например, при помощи такого показателя, как состояние проблемного поля, в пределах которого работает общественная (научная и публицистическая) мысль в направлении осмысления накопленного опыта и прогнозирования вариантов грядущего развития социума. Масштаб готовности общественного

сознания ставить проблемы на всеобщее обозрение и широко их обсуждать с критических позиций может быть принят за показатель той глубины, на которую идея демократии проникла в политическую культуру социума на том или ином историческом этапе его развития.

В этом смысле представляются малопродуктивными дискуссии в среде отечественных политологов и юристов по поводу того, есть или нет в России гражданское общество и правовое государство, есть или нет демократия вообще, апеллирующие к нормативным и институциональным критериям. По давнему и справедливому наблюдению известного отечественного социолога и экономиста Т.И. Заславской, «глубокие сдвиги, происходящие в базовых институтах, регулирующих отношения власти, собственности, прав и свобод человека, часто ведут не к формированию правового государства и правового общества, а в прямо противоположную сторону»³.

Все эти дискуссии и аналитические позиции обычно на поверку оказываются априорно привязаны к теоретической установке, более или менее откровенно позиционируемой разными исследователями, что западный либерализм есть мера всех демократических «вещей». Либо, напротив, имеет место привязка к противоположной, почвеннической посылке, подразумевающей, что демократии в России вовек не бывать. Тем более, что в качестве решающего аргумента в этих дискуссиях нередко выступают мнения авторитетных специалистов, возведенные в абсолют⁴. Это само по себе нарушает строгость научной аргументации, поскольку субъективное мнение по поводу реальности прямо отождествляется с самой реальностью факта. Тем не менее такой ход научной мысли достаточно распространен.

«В России, – пишет саратовский политолог О.С. Скорородова, – несмотря на официально объявленный демократический курс, исторически сложилась и устойчиво существует не диалогичная форма отношений между властью и обществом. Несмотря на изменение политического курса страны, политическим элитам по-прежнему свойственна отстраненность от происходящего в обществе, неспособность к диалогу с ним»⁵. Аргументами, определяющими критический настрой этого и дальнейших рассуждений автора, выступают столь же критичные и эмоциональные суждения известных аналитиков М.М. Ракитянского и В.В. Крамника⁶, суть которых сводится к тому, что для российской власти исторически характерно всезнайство, заслоняющее собой рациональность властного мышления и действия.

Если говорить о пространстве критики современной российской демократии, то, конечно, основным показателем состоятельности или несостоятельности российской демократии

как предмета критики здесь будет логическая связь между основными претензиями к качеству российской демократии. Поскольку именно наличие такой логики, на наш взгляд, отражает уровень понимания проблем демократического развития, как уже ставших органичными или оставшихся совсем неорганичными, российской действительности, то есть понимание демократии как состоявшегося факта отечественной истории, который просто еще не до конца осмыслен и оценен современниками и потому фундаментально интересен для науки, или же понимание демократии как частного намерения отдельных категорий властных политических и экономических элит. Намерения, мимо которого политическая наука тоже не может пройти. Но для науки оно не обладает фундаментальным интересом, поскольку не определяет сути политических процессов в России, которая в большей степени подчинена исторической инерции.

Способность общества к самопознанию и самооценке всегда рассматривалась наукой в качестве важнейшего критерия цивилизационного прогресса. Думается, что это правило вполне применимо и к сфере политического. Тем более, что именно политика выступала прежде и выступает сегодня (в демократическом варианте особенно в условиях глобализации) неким «всеобщим эквивалентом» цивилизованности человеческих сообществ.

В тех критических высказываниях и оценках, которые отечественная наука адресует отечественной демократии, наблюдается отчетливая системность. Ее (если судить по цитированному выше суждению Н.Ю. Беляевой) можно рассматривать как отражение в конфигурации научной проблематики системности того кризиса, который в 90-е годы постиг российскую социально-политическую систему. На наш взгляд, ее правомерно интерпретировать иначе. Системность критики отражает системность предмета этой критики, а системность предмета, то есть поля ключевых проблем демократического развития, интересующих политологов, на наш взгляд, отражает системность самой реальности, которая подвергается научному опредмечиванию. Демократические преобразования, даже обладая изрядной долей незавершенности, доступны системному критическому осмыслению именно потому, что все же сформировались в определенную систему.

Системность критики выступает здесь естественным показателем готовности научного сообщества признать развитие российской демократии достигшим такого уровня, при котором каждая отдельная проблема принципиально не может уже существовать вне общего контекста затянувшегося в России демократического транзита. Системность критики достижений российской демократии обозначает признание научным сообществом того момента,

что в своем развитии российский социум и его элиты прошли некоторую «точку возврата» и демократический процесс приобрел смысл новой цивилизационной парадигмы. А это само по себе является важным показателем меры прогресса демократии как идеи и как практики в России. Уровень научного опредмечивания демократической реальности пусть косвенно, но довольно точно характеризует и качество самой реальности. По крайней мере, он свидетельствует о достигнутой или не достигнутой прочности позиций в общественном сознании той или иной демократической идеи и реальных проблем, связанных с ее существованием.

В качестве примера возьмем первый пункт из того списка научных претензий к современной российской демократии, который составила Н.Ю. Беляева. Речь идет о неэффективности российского парламента. Этот пример показателен тем, что российский парламентаризм представляет собой одно из наиболее очевидных достижений российской демократии и один из наиболее стабильно функционирующих институтов. Идея парламентаризма достаточно глубоко укоренилась в массовом и элитарном сознании⁷. Притом именно на парламентскую систему обращена значительная доля научной критики. Вероятно, что здесь можно говорить о некотором эффекте завышенных ожиданий со стороны сообщества отечественных политологов. Претензии к российскому парламентаризму предъявляются именно по тем позициям, по которым состоялась фактическая реализация базовых либеральных принципов парламентаризма. С одной стороны, очевидное преимущество парламентской системы, к которому всегда апеллировала мировая либеральная мысль, состоит в ее гибкости и способности быстро адаптироваться к колебаниям политического процесса. С другой стороны, те же адаптивные процессы в российской парламентской системе (положительные и негативные результаты этих процессов не отрицают их естественности) вызывают критическую характеристику именно в плане их неорганичности основным свойствам отечественной социально-политической системы.

Известный московский политолог Я.А. Пляйс, например, так оценивает факт перехода от мажоритарного к пропорциональному принципу при формировании структур представительства общественных интересов в политике: «Ускоренный и фактически волевой переход к другой системе (в нашем случае к пропорциональной) прерывает естественный процесс и переводит его с демократических рельсов на фактически авторитарные. Это заметно усложняет ситуацию и делает ее непредсказуемой. Если к этому добавить ограничения, введенные при выборах губернаторов и многих мэров, то предпочтение авторитарного пути развития ситуации... ста-

новится еще более очевидным. Оптимальная ситуация должна быть как раз обратной. В такое переходное время, как наше, элита должна заботиться прежде всего об укреплении и развитии демократических основ, а не наоборот. Это помимо всего прочего соответствует глобальным тенденциям и соответственно будет способствовать улучшению взаимодействия страны с внешним миром»⁸. Итог своего критического рассуждения автор подводит следующим образом: «... только тот парламент может называться представительным, в котором политические силы представляют весь спектр различных социальных интересов. И только такой парламент может полноценно выполнять все свои функции и быть самостоятельной ветвью власти»⁹.

Политическое развитие в принципе не может быть линейным. Из цитированного теоретического рассуждения видно, однако, что переход от одного принципа организации избирательной системы к другому, предпринятый в порядке поиска возможностей ее усовершенствования, переход, свидетельствующий как минимум об устойчивой функциональности парламентской системы в России и ее способности выдержать радикальную реконструкцию, однозначно оценивается как проявление регресса демократического процесса. Тем более, что можно согласиться с последующим суждением Я.А. Пляйса, представляющим уже не линейный, а диалектический ракурс анализа ситуации, сложившейся в политическом пространстве России.

«Без зрелых политических партий и демократической системы выборов и формирования власти в решении этой проблемы не обойтись. Но где все это взять, тем более в переходный период, и что делать, чем это все заменить, пока этого нет? Вот два принципиальных вопроса, на которые не так просто дать ответы. На первый вопрос приходится ответить, что взять *это, т.е. зрелые политические партии*, сейчас неоткуда. Кто может заменить их и выполнять их функции в то время, когда идет переходный процесс. Может это сделать только политическая элита, а, точнее говоря, та ее часть, которая осознает цели и задачи исторического процесса и готова выполнять необходимые функции. ... Такова непростая диалектика переходного процесса, сориентированного на демократию»¹⁰.

Такой ход политологического рассуждения подводит к выводу, что все осуществленное властью и политическими элитами, поддерживающими ее начинания, в плане реорганизации порядка формирования представительных органов власти на самом деле и есть тот оптимальный вариант, который только и мог состояться по условиям и качеству российского демократического транзита. Любой иной вариант, при всей своей желательности, был бы как раз в полном смысле неорганичен качеству российской политической традиции и тенденциям становле-

ния российской демократии. Демократический процесс в части становления институтов представительства политических интересов ответственных групп пошел тем путем, который был адекватен общему политическому контексту и вел к стабилизации функциональности важнейшего из институтов демократии. Считать ли это обнаружением прогресса, либо регресса российской демократии, ее достижением или существенным дефектом развития?

Вероятно, ситуация в научной критике российской демократии, ее достижений и потерь складывается так, что сами ученые неизбежно становятся заложниками собственных завышенных гражданских надежд и ожиданий, ожиданий от демократического процесса результатов больших, чем он может дать, по их же собственным аналитическим оценкам. Возможно, что эти завышенные ожидания как частное проявление общего фундаментального настроения массового сознания на демократический путь развития российского общества и есть в практическом измерении самое главное свидетельство демократического прогресса.

Примечания

- ¹ *Беляева Н.Ю.* Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Политический процесс в условиях подготовки к избирательным кампаниям 2007–2008 гг. в Российской Федерации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2007. С. 29.
- ² Там же. С. 29–30.
- ³ *Заславская Т.И.* О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 17.
- ⁴ Ростовский политолог М.Н. Коновалов, например, в своей диссертации, посвященной анализу причин пробуксовки административных реформ в постсоветской России, исходным моментом всех своих дальнейших рассуждений берет утверждение русского философа Н.А. Бердяева, согласно которому «географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восток–Запад, объединенное и организованное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем» (*Коновалов М.Н.* Административные реформы в России в постсоветский период: политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 3.). В самой исходной авторской посылке здесь уже как бы запрограммирован итоговый результат всего научного анализа и критической оценки усилий элит и общества по совершенствованию административного механизма: можно сколько угодно подталкивать демократизацию административной сферы, но с

природой не поспоришь. В реальности же суждение крупного русского философа, позиционированное в качестве истины в последней инстанции, всего лишь воспроизводит представления о логике российского политического процесса, весьма распространенные в среде российских историков и правоведов XIX столетия под влиянием исторических сочинений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

- 5 *Скорородова О.С.* Власть в России: взаимодействие с социумом в контексте выборов // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004. С. 265.
- 6 *Ракитянский М.М.* Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе поли-

тического реформирования // Психология восприятия власти. М., 2002.; *Крамник В.В.* Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000. С. 139.

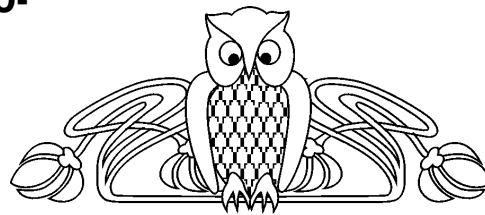
- 7 См.: *Пивоваров Ю.С.* «Между казачеством и кнутом» // Парламентаризм в России и Германии: История и современность. М., 2006. С. 37.
- 8 *Пляйс Я.А.* Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма // Парламентаризм в России и Германии. С. 49.
- 9 Там же. С. 50.
- 10 Там же. С. 53.

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

В.М. Суханов

Башкирский государственный университет
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

В статье представлен критический анализ концептуального подхода к проблемам федерализма одного из известных специалистов в данной области Д. Вайнстока. Проблемы федеративных отношений рассмотрены с точки зрения их взаимосвязи с различными аспектами политической идентичности в постсоветской России.

Ключевые слова: политическая идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, федерализм, федеративные отношения, демократизация.

Political Identity in the Context of Federal Relations: Theoretico-Methodological Aspects of Analysis

V.M. Sukhanov

The paper presents critical analysis of the conceptual approach to federalism problems by D. Winestock, a well-known expert in the field. The problems of federal relations are considered from the viewpoint of their interrelation with various aspects of political identity in the post-Soviet Russia.

Key words: political identity, regional identity, ethnical identity, federalism, federal relationships, democratization.

Одним из сложнейших вопросов в понимании политической идентичности является ее соотношение с особенностями федеративного устройства данного государства. На наш взгляд, важнейшее теоретико-методологическое значение для понимания различных аспектов данной проблемы имеет концептуальный подход одного из ведущих специалистов в этой области Д. Вайнстока. В рамках данной статьи остановимся на основных положениях его концепции, раскрывающей взаимосвязь федерализма и политической

идентичности, и попытаемся оценить ее на предмет применимости к специфическим условиям современной России.

Анализируя сильные и слабые стороны федерализма, Д. Вайнсток утверждает, что возникновение новых административных и политических образований и дифференциация соответствующих территориальных сообществ способны ослабить политическую идентичность, важнейшим фактором которой является идентифицирующий потенциал центральной власти. «Политическая идентичность ни в коей мере не является частью естественного порядка. Она, скорее, порождение политических обстоятельств, и во многом держится на определенной институциональной системе»¹.

Справедливость данного утверждения убедительно подтверждается процессами конца 1980-х – начала 1990-х гг. Политическая борьба за уничтожение этого институционального порядка в СССР, его делегитимация, в том числе лозунгом Б.Н. Ельцина и его сторонников «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», привели к очень серьезному ослаблению единой политической идентичности и ее дроблению на региональные составляющие. Вместе с тем, на наш взгляд, важно учитывать также, что идентифицирующий потенциал центральной власти, реализуемый в рамках политического управления, политической социализации, информационно-коммуникационного воздействия на общественное мнение, воспитания общенационального патриотизма имеет свои достаточно четкие пределы.

природой не поспоришь. В реальности же суждение крупного русского философа, позиционированное в качестве истины в последней инстанции, всего лишь воспроизводит представления о логике российского политического процесса, весьма распространенные в среде российских историков и правоведов XIX столетия под влиянием исторических сочинений С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.

- 5 *Скорородова О.С.* Власть в России: взаимодействие с социумом в контексте выборов // Психология политической власти: Науч. докл. Саратов, 2004. С. 265.
- 6 *Ракитянский М.М.* Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе поли-

тического реформирования // Психология восприятия власти. М., 2002.; *Крамник В.В.* Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000. С. 139.

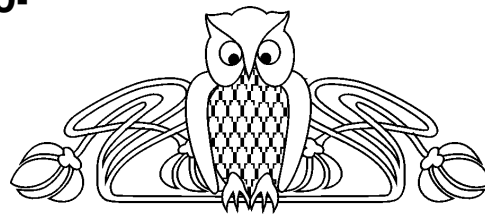
- 7 См.: *Пивоваров Ю.С.* «Между казачеством и кнутом» // Парламентаризм в России и Германии: История и современность. М., 2006. С. 37.
- 8 *Пляйс Я.А.* Представительная власть в России в контексте общемировой практики парламентаризма // Парламентаризм в России и Германии. С. 49.
- 9 Там же. С. 50.
- 10 Там же. С. 53.

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

В.М. Суханов

Башкирский государственный университет
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

В статье представлен критический анализ концептуального подхода к проблемам федерализма одного из известных специалистов в данной области Д. Вайнстока. Проблемы федеративных отношений рассмотрены с точки зрения их взаимосвязи с различными аспектами политической идентичности в постсоветской России.

Ключевые слова: политическая идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, федерализм, федеративные отношения, демократизация.

Political Identity in the Context of Federal Relations: Theoretico-Methodological Aspects of Analysis

V.M. Sukhanov

The paper presents critical analysis of the conceptual approach to federalism problems by D. Winestock, a well-known expert in the field. The problems of federal relations are considered from the viewpoint of their interrelation with various aspects of political identity in the post-Soviet Russia.

Key words: political identity, regional identity, ethnical identity, federalism, federal relationships, democratization.

Одним из сложнейших вопросов в понимании политической идентичности является ее соотношение с особенностями федеративного устройства данного государства. На наш взгляд, важнейшее теоретико-методологическое значение для понимания различных аспектов данной проблемы имеет концептуальный подход одного из ведущих специалистов в этой области Д. Вайнстока. В рамках данной статьи остановимся на основных положениях его концепции, раскрывающей взаимосвязь федерализма и политической

идентичности, и попытаемся оценить ее на предмет применимости к специфическим условиям современной России.

Анализируя сильные и слабые стороны федерализма, Д. Вайнсток утверждает, что возникновение новых административных и политических образований и дифференциация соответствующих территориальных сообществ способны ослабить политическую идентичность, важнейшим фактором которой является идентифицирующий потенциал центральной власти. «Политическая идентичность ни в коей мере не является частью естественного порядка. Она, скорее, порождение политических обстоятельств, и во многом держится на определенной институциональной системе»¹.

Справедливость данного утверждения убедительно подтверждается процессами конца 1980-х – начала 1990-х гг. Политическая борьба за уничтожение этого институционального порядка в СССР, его делегитимация, в том числе лозунгом Б.Н. Ельцина и его сторонников «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», привели к очень серьезному ослаблению единой политической идентичности и ее дроблению на региональные составляющие. Вместе с тем, на наш взгляд, важно учитывать также, что идентифицирующий потенциал центральной власти, реализуемый в рамках политического управления, политической социализации, информационно-коммуникационного воздействия на общественное мнение, воспитания общенационального патриотизма имеет свои достаточно четкие пределы.

В сложносоставных по этноконфессиональному основанию обществах в условиях кризисов данные каналы воздействия существенно осложняются социально-экономическими факторами. Поэтому борьба за контроль над приватизацией бывшей «общенародной» собственности и в целом над ресурсами на территории республик стала не менее значимым стимулом обоснования их «суверенитета» и особой политической идентичности, доминирующей над общефедеральной.

Подобные экономические факторы играли и продолжают играть значимую роль во многих странах. Достаточно вспомнить разделение Чехословакии, политические проекты разделения Италии, которые во многом порождены конфликтом, вызванным неравномерным распределением материальных ресурсов между отдельными частями единого государства. В годы «перестройки» широко распространились представления народов отдельных республик о том, что они не получают адекватной отдачи от государства за свой вклад в общесоюзные «закрома». Этот субъективный фактор сыграл не последнюю роль в разрушении СССР. Жители Украины, например, были уверены в том, что они кормят Россию «хлебом и салом»; жители Узбекистана – в том, что они почти бесплатно работают на хлопковых плантациях и «одевают» всю страну. Внедрению таких представлений активно способствовали западные спецслужбы и радиоголоса, которые всячески поддерживали националистические организации в создании соответствующих настроений.

Д. Вайнсток утверждает, что раздробление политического пространства – неизбежное следствие федерализма, так как последний создает новые формы идентичности, отличающиеся от тех, которые порождаются центральной властью. Поскольку групповое самоопределение во многом основано на негативных дефинициях: «Мы являемся X отчасти потому, что не являемся Y или Z», рост подобных локальных идентичностей может стимулировать новые противоречия и конфликты, лежащие в сфере как взаимоотношений членов федерального государства, так и их взаимодействия с центральной властью. Федеральная реструктуризация, таким образом, чревата опасностью разрушения общей идентичности и способна вызвать существенные потрясения в этой сфере. Федерализм, создавая новые идентичности, по существу конкурирующие друг с другом, может осложнить достижение таких общественно значимых механизмов, как уравновешенное перераспределение материальных ресурсов внутри государства².

Один из основных аргументов в пользу федерализма, по мнению Д. Вайнстока, – национальная и культурная дифференциация населения, совпадающая с более или менее естественным территориальным разделением. Однако в России эта дифференциация намного сложнее административно-территориального деления.

Например, по переписи 1989 г. состав населения Республики Башкортостан выглядел следующим образом: русские 1 548 291 чел. (39,3%), татары – 1 120 702 (28,4%), башкиры – 863 808 (21,9%), чувашаи – 118 509 (3,0%), марийцы – 105 768 (2,7%), украинцы – 74 990 (1,9%), мордва – 31 923 (0,8%), удмурты – 23 696 (0,6%), белорусы – 17 038 (0,4%), немцы – 11 023 (0,3%), евреи – 4 911 (0,1%) и др. Всего 3 943 313 человек. Общая численность башкир по этой переписи составляла 1 449 000 человек³.

Тем не менее, несмотря на то, что «титовская нация» уступает численно не только русским, но и татарам, в 1995 г. во всех без исключения общеобразовательных школах введено изучение башкирского языка, а также дополнительные предметы – культура, история, география Башкирии. Представляется, что данный пример по одной только республике нагляднейшим образом демонстрирует невозможность в нашей стране решить проблему защиты культурных потребностей и интересов различных этнических групп только лишь с помощью федерализма, на основе предоставления самостоятельности субъектам Федерации.

В стране, состоящей из множества национальных групп, имеющих различное этническое происхождение, унитарное государство, уважающее либеральные принципы, едва ли способно породить национальную идентичность, которая может нивелировать напряжения, неизбежно возникающие в ситуации, когда различные этнические сообщества вынуждены сосуществовать в рамках единого политического образования. Если признать истинность утверждения, что перераспределение ресурсов с целью сгладить неравенство требует эмоциональных оснований, которые коренятся в чувстве национально-политической общности, то многонациональные и полиэтнические государства должны использовать иные мотивации, отличные от национальных чувств, с целью побудить граждан оказывать помощь своим менее удачливым соседям. Вайнсток утверждает, что новейшая история, «как кажется, наглядно свидетельствует о том, что в подобных государствах попытки центральных властей навязать единую национальную идентичность в противовес многообразным формам группового этнического и культурного самосознания встречают острое и ожесточенное сопротивление. Оно не в последнюю очередь обусловлено тем, что национальные меньшинства воспринимают центральную власть как инструмент господства преобладающей нации»⁴.

В качестве одного из ведущих аргументов в пользу реструктуризации федеральных отношений в многонациональных государствах выдвигается право народов на самоопределение. Хотя это право вовсе не представляет автоматического права на отделение⁵, как нередко думают, оно, безусловно, предполагает, что сообщества,

которые занимают значительные пространства и члены которых рассматривают себя как особую политическую целостность, могут формировать большинство в пределах конкретной территории и принимать демократические решения, отражающие интересы их членов.

Второй аргумент связан с принципом равенства, суть которого в контексте федерализма состоит в том, чтобы этнические меньшинства, проживающие на компактной территории, получили возможность осуществлять некоторый контроль над решениями, касающимися их политической судьбы.

Фундаментальный для демократического нормативного права принцип равенства, как правило, ассоциируется с тем, что в рамках демократической политической системы не может существовать постоянного меньшинства. Тот, кто сегодня был в группе меньшинства в политических дебатах, рано или поздно окажется в группе большинства при обсуждении иных политических проблем. Однако для представителей культурного или национального меньшинства, связывающих свои интересы с сохранением жизнеспособности сообщества и своей принадлежности к нему, принципиально важно постоянное самоопределение своей группы именно как меньшинства. В силу того, что принцип равенства, питающий демократию, не соответствует интересам подобных меньшинств, последние, не прибегая к специальным мерам, должны получить те же возможности, что есть у большинства, – сформировать собственное большинство, хотя бы по тем вопросам, которые имеют непосредственное отношение к данным меньшинствам.

Исходя из этих аргументов, Д. Вайнсток обосновывает идею о том, что законодательство многонационального федерального государства должно включать норму, допускающую отделение при определенных точно оговоренных условиях (например, при условии проведения совещательных референдумов и установления нормы большинства, необходимого для принятия решения об отделении; эти условия необходимы в качестве гарантии того, что право на отделение не будет использовано произвольно, под давлением потенциальных сепаратистов)⁶.

На наш взгляд, такая норма в современной России не может реализовать свое позитивно стабилизирующее предназначение. В условиях переходного состояния от одного общественно-политического и социально-экономического строя к другому, в условиях слабой укорененности демократических процедур, институтов и ценностей, в условиях очень сложной фрагментации общества по этническим, конфессиональным, социальным, экономическим, идейно-мировоззренческим основаниям данная норма, скорее, даст свободу действий сепаратистам всех мастей. Используя фактор этнической идентификации, апеллируя к необходимости этнической консолидации для

защиты групповых интересов, играя на чувствах духовного и кровного родства, сепаратисты могут институализировать националистические настроения и направить потенциал этноса на радикальную борьбу за создание собственной «чистой», независимой государственности. В условиях России это становится фактически невозможным, так как за многие столетия совместного проживания в рамках единого государства представители различных этнических групп в большей или меньшей степени, но перемешались во всех регионах России. Смешение происходило в результате внутренней миграции, а также вследствие целенаправленных государственных программ (раскулачивания, индустриализации, репрессии против целых народов, освоения целинных земель, строительства БАМа и др.). Поэтому создание такой «чистой» государственности возможно только за счет ущемления прав и свобод представителей других этнических групп, проживающих на территории практически всех республик, входящих в состав Российской Федерации.

Опыт постсоветской России, когда сторонники демократических преобразований рассчитывали завоевать доверие населения автономий за счет предоставления им максимального суверенитета, показал, что, фактически, начался процесс «суверенизации» и дезинтеграции России и ее распада как целостного государства на отдельные авторитарные этнические княжества, даже отдаленно не напоминающие демократии. Крайний вариант – провозглашение независимости Чечни и фактический геноцид в отношении русского населения в период с 1991 по 1994 г., завершившийся вынужденным бегством в другие регионы России. По данным последней советской переписи 1989 г., на территории Чечено-Ингушской АССР русских проживали 294 тыс. человек. После «суверенизации» Чечню покинули 220 тысяч русских, а 21 тыс. были убиты еще до ввода федеральных войск⁷. Принцип – сначала доверие и усиление региональной идентичности, а затем усиление на основе доверия общенациональной идентичности – в условиях кризисного состояния российского общества не сработал.

На наш взгляд, потенциальные трудности, подстерегающие федеративные государства с устоявшимися либеральными традициями и соответствующими ценностями в политической культуре населения, вдвойне и даже втройне опасны для страны со сложной и крайне неоднородной социальной структурой, фрагментированной политической культурой, со слабо развитыми структурами гражданского общества.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что в ситуации, когда власти не могут опереться на развитую общенациональную идентичность и порождаемые ею коммуникационные механизмы, они могут предпринять меры к тому, чтобы в рамках федеративного государства укоренилось убеждение – существование в рамках федерации

способно лучше обеспечить благополучие и справедливость людей и социальных групп, чем за ее пределами. Однако достижение этой целевой установки в условиях России возможно, скорее, не за счет предоставления возможности выхода из состава единого государства, а за счет эффективной общегосударственной экономической и социальной политики. Системоцентристские и патерналистские ценности глубоко укоренены в массовом сознании большинства россиян, независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. В этом отношении в ближайшей перспективе Россия в решении задач укрепления стабильности общественных отношений обречена на укрепление социальной роли государства.

С точки зрения защиты культурных интересов различных этнических групп в нашей стране, представляется, что более перспективным направлением решения проблем в этой области является культурно-национальная автономия. Современное российское законодательство закрепляет сущность, организационные основы и права национально-культурных автономий. Впервые в нормативно-правовых актах право на национально-культурную автономию (НКА) было закреплено Законом РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»⁸. Впоследствии правовые основы национально-культурной автономии в Российской Федерации определены Федеральным законом от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии»⁹. Принятие данного закона было несомненным прогрессом в государственной национальной политике, однако, многие аналитики считают, что закон не оправдал возлагавшихся на него надежд. Кроме того, деятельность национально-культурных автономий регулируется также в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях»¹⁰.

Законодательство Российской Федерации определяет, что участие или неучастие в деятельности национально-культурной автономии не может служить основанием для ограничения прав граждан Российской Федерации, равно как и национальная принадлежность не может служить основанием для ограничения их участия или неучастия в деятельности НКА. Осуществление права на национально-культурную автономию не должно наносить ущерб интересам других этнических общностей.

Так, основатели Региональной национально-культурной автономии татар Республики Башкортостан (РНККАТ РБ) видели необходимость ее создания в сложившейся политической ситуации как один из главных путей решения татарского вопроса в Башкортостане, указывая на «притеснение башкирами татарской части населения»¹¹.

Однако не всегда при создании и учреждении национально-культурные автономии действуют

согласованно с органами власти и получают от них поддержку. Так, например, в 2004 г. первый учредительный съезд Региональной национально-культурной автономии татар Республики Башкортостан (РНККАТ РБ) был проведен в Москве, так как башкортостанские власти запретили проводить съезд на территории республики. Летом 2005 г. местная власть строго запретила предоставлять помещение для проведения второго этапа съезда. Несколько лет исполком РНККАТ РБ не мог получить юридическую регистрацию из-за противодействия республиканского руководства¹².

У ряда российских этносов существуют проблемы в объединительном процессе и внутренние конфликты, выражающиеся в том числе и в существовании параллельных НКА в одном регионе. Так, например, в Нижнем Новгороде еще в 2002 г. состоялось учредительное собрание Немецкой национально-культурной автономии, однако она не была зарегистрирована официально из-за внутренних разногласий в Нижегородской общине российских немцев. Поэтому 3 марта 2004 г. Конституционный Суд РФ вынес решение, которое позволило впредь исключить имевшиеся попытки образования в российских регионах на территории совместного проживания нескольких региональных национально-культурных автономий одной этнической общности¹³.

О том, какие формы может приобрести национально-культурная автономия свидетельствует, например, позиция лидера курдской общины в Саратовской области К.М. Ахмедова. Анализируя ситуацию в Саратовской области, он приходит к выводу, что «недовольство элиты национальных меньшинств политикой русской элиты и отсутствием принципа пропорционального представительства этносов во властных структурах явно не способствует взаимной солидарности, установлению мира и согласия»¹⁴. На наш взгляд, предлагаемый К.М. Ахмедовым «пропорциональный» подход решения проблемы на основе квотирования представительства различных этнических групп в муниципальных, законодательных и исполнительных органах власти субъектов Российской Федерации и властных органах общегосударственного уровня – это тупик, который может привести только к перманентным конфликтам, недовольству и политическому противостоянию «всех против всех». Этническая пестрота большинства субъектов Российской Федерации делает эту «войну» неизбежной в случае реализации предлагаемой автором модели.

Таким образом, оценивая концептуальный подход Д. Вайнстока о месте и роли федерализма в формировании политической идентичности, необходимо выделить несколько моментов.

Признавая общетеоретическую значимость основных положений его концепции, следует признать, что их применимость в российских условиях сталкивается с существенными проблемами.

С одной стороны, сложный, длительный и противоречивый исторический процесс становления полиэтничной и поликонфессиональной российской государственности объективно обусловил приоритетное значение проблемы федерализма в период перехода от одной общественно-политической и социально-экономической системы к другой.

С другой стороны, важно учитывать, что существенное отставание социально-экономических преобразований периода перестройки в сравнении с процессами гласности и демократизации привело к тому, что недовольство существовавшей социалистической системой фрагментировало общество по самым разным основаниям. Ослабление идентичности «советского человека», обусловленное ухудшением жизненных условий большинства населения в период перестройки, а затем в результате «шоковой терапии», привело к тому, что произошло существенное усиление региональной идентичности. Фундаментальная причина, породившая дефрагментацию социальной идентичности как на личностном, групповом, так и территориальном уровне, заключается в общей деструктуризации пространства Советского государства, в разрушении политической, мировоззренческой архитектоники, структурировавшей прежде единую идентификацию. Советский человек, традиционно воспитанный в интернациональном духе и идентифицирующий себя как гражданина великой державы, прокладывающей путь в «светлое будущее всего человечества», вдруг оказался в фрагментированном и разорванном мире, не имеющем привычного стабильного государственного основания. Развитие его идентичности стало фиксироваться в основном посредством включённости и соотносённости с миром локальных пространственно-временных форм.

Начался повсеместный поиск новых осей идентификации, на уровне формирования моделей регионального коллективного сознания и представления о своей принадлежности. Представители этноэлит искусно эксплуатировали недовольство своих этнических групп для консолидации в качестве социального ресурса в борьбе за власть на определенной территории. В результате процессы региональной этнической идентификации получили вначале социокультурное обоснование, а затем институциональное и политико-правовое оформление. Формирование асимметричных федеративных отношений в постсоветской России в контексте соотношения с проблемами региональной идентификации представляет собой взаимосвязанный процесс легитимации права этнических

элит на привилегированное положение в своем регионе. Однако стабилизация положения центральной власти и расширение ее возможностей в регулировании всех сфер общественной жизни в 2000-е гг. привели к тому, что радикализм настроений и этноэгоизм стали уступать прагматизму, рациональности и социально-экономической целесообразности. Соответственно стала усиливаться и общенациональная идентичность, несмотря на наличие многих проблем и трудностей в ее формировании.

Примечание

- 1 *Вайнсток Д.* Социальные различия и федерализм. К проблеме нормативной теории федерализма // *Международ. журн. социальных наук.* 2001. № 8. С. 90.
- 2 Там же. С. 90–91.
- 3 См.: *Янгунзин Р.З.* Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа, 2007. С. 10.
- 4 *Вайнсток Д.* Указ. соч. С. 92.
- 5 В свое время В.И. Ленин для лучшего обоснования данного права проводил аналогии с правом на развод, которое вовсе не означает, что все семьи обязательно должны развестись.
- 6 См.: *Вайнсток Д.* Указ. соч. С. 93–94.
- 7 См.: *Маркедонов С.* «Вестфальская Россия». Черты российского регионализма рубежа XX–XXI веков // *Новый мир.* 2004. № 2. С. 129.
- 8 См.: Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // *СЗ.* 1992. Ст. 2345.
- 9 См.: Федеральный закон 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями от 21 марта 2002 г., 10 ноября 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г., 30 ноября 2005 г.) // *СЗ РФ.* 1996. № 25. Ст. 2965.
- 10 См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // *СЗ РФ.* 1995. № 21. Ст. 1930.
- 11 *Габдрафиков И.* Съезд региональной национально-культурной автономии татар // *Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* 2005. № 101. С. 3.
- 12 Там же. С. 4.
- 13 Постановление Конституционного Суда РФ от 3 марта 2004 г. № 5-П // *Рос. газ.* 2004. 4 марта.
- 14 *Ахмедов К.М.* Национально-культурные объединения в политических процессах региона (на примере Саратовской области): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2007. С. 22.

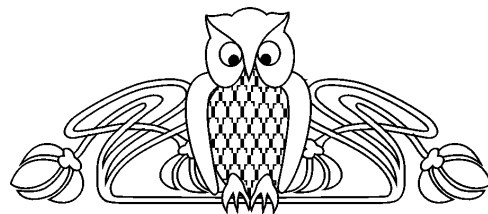

УДК 32.01 – 053.81 (470+571)

МОЛОДЕЖЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Э.В. Чекмарев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

В статье показана трансформация участия молодежи в модернизационных процессах современного российского общества, вскрыты изменения в политической культуре и политическом участии молодых людей, высказаны рекомендации по повышению эффективности молодежного ресурса в условиях транзитивности современной России.

Ключевые слова: молодежь, политическое участие, политическая деятельность, политическая культура, молодежный ресурс, молодежная политика.

Youth as a Political Resource of Modernization of Contemporary Russia

E.V. Checkmarev

This article discloses transformation of participation of the youth in the modernization processes of modern Russian society and shows changes in political culture and political participation of young people, expresses recommendations for promotion of effectiveness of youth resource in conditions of transitivity of contemporary Russia.

Key words: youth, political participation, political activity, political culture, youth resource, youth policy.

В современной России происходят сложные, порой противоречивые изменения во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, духовной и так далее. Суть этих перемен можно выразить одним словом – модернизация. Согласно многим словарям модернизировать, значит улучшать, совершенствовать, делать что-либо отвечающее современным требованиям.

Важнейшую роль в модернизации любого общества играет такая его социальная когорта, как молодежь¹. По справедливому замечанию директора Научно-исследовательского центра при Институте молодежи Б.А. Ручкина, «молодежь – это не только будущее, она – “живое настоящее” и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определит содержание и характер будущего»².

Ныне в России проживают 39,6 млн молодых граждан, что составляет около 27% от общей численности страны³. К сожалению, феномен этой наиболее активной части общества и его роль в модернизационных процессах далеко еще не осмыслены и требуют пристального внимания, что и предопределило выбор темы данной статьи. Проблема актуализируется еще и тем, что разработчики стратегии инновационного прорыва «Россия 2050» обращают внимание на

тенденцию к численному сокращению молодежи как стратегического ресурса. Согласно утверждению авторов названной стратегии, удельный вес населения в возрасте от 15 до 24 лет по всему миру уменьшится на 16%, а в России в два раза больше – на 32%⁴. Характерно, что тенденция к сокращению удельного веса молодежи в общей структуре населения за последние 15–20 лет отчетливо проявилась как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, в том числе и в Саратовской области⁵.

С точки зрения модернизационных процессов особую значимость приобретают качественные характеристики современной молодежи. По мнению И.М. Ильинского, которое мы полностью разделяем, молодежь – это своего рода аккумулятор тех трансформаций, которые всегда постепенно происходят в глубинах общественной жизни, ускользая порой даже от внимания науки. Молодежь сыграла важную роль в разрушении образа врага, стала важным фактором распространения воспитания в духе культуры мира и международного сотрудничества. Понятие «молодежь» напрямую связано с понятием «будущее», и потому молодых людей особенно волнуют проблемы окружающей среды, природных катастроф. Среди молодежи до 30 лет на 20% больше лиц, имеющих высшее, незаконченное высшее и средне-специальное образование, чем в среднем среди населения⁶.

Вместе с тем в последние годы в научный оборот было введено понятие «парадоксальный молодой человек». Многолетние социологические исследования Ж.Г. Тощенко позволили выявить главные причины парадоксальности, связанные прежде всего с модернизацией России. Среди них: социальный, хозяйственный и политический кризис общества, быстрый рост социального расслоения, изменение путей и способов профессиональной самореализации, разрыв межпоколенческой преемственности⁷. Социологические исследования А.В. Лисовского и В.Т. Лисовского демонстрируют разные оценки типичных черт молодого поколения: «равнодушное» – 34%, «прагматичное» – 20, «циничное» – 19, «потерянных надежд» – 17, «протестующее» – 12, «скептическое» – 77, «отчаявшееся» – 6, «романтическое» – 3%⁸.

Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко в своей статье «Парадоксальный молодой человек», исследуя более поздний период, а именно начало XXI в.,

констатируют, что «сегодня дифференцирующие факторы среди молодежи проявляются более зримо и весомо, чем интегрирующие. Такими факторами признаются социальное происхождение, доход, политическая идентификация, социальные притязания, ценностные ориентации»⁹. На этой основе ряд авторов полагают, что выделение молодежи в особую возрастную группу нецелесообразно, и «необходимо научиться смотреть поверх возраста на личность и человека»¹⁰. Признавая фактор парадоксальности современного поколения молодежи, позволим себе не согласиться с данным подходом.

Во-первых, было бы методологической ошибкой смотреть «поверх возраста». Это значит, не видеть огромную массу людей. Ибо, как отмечалось выше, 27% россиян – это молодые люди, то есть более чем каждый четвертый житель страны – представитель молодежи¹¹.

Во-вторых, с политической точки зрения выделение молодежи как самостоятельной когорты дает широкие возможности для выяснения ее ориентаций в многомерном мире и преобразующейся России.

В-третьих, управление процессами модернизации актуализирует проблему формирования политической культуры в молодежной среде.

В-четвертых, молодежь является главной воспроизводящей силой, причем не только в материальном производстве, но и приращении человеческого капитала.

В-пятых, молодежь – важнейший ресурс современного избирательного процесса. Молодые люди активно участвуют в избирательных кампаниях в качестве агитаторов, помощников депутатов, имиджмейкеров. Сдерживание политической активности молодежи в избирательных кампаниях в качестве депутатов объясняется, на наш взгляд, отсутствием соответствующих каналов «прохода» молодых людей в политику, не преодоленным негативизмом со стороны отдельных элементов правящей элиты общества в отношении политического участия юношей и девушек. Сторонники такой позиции нередко обвиняют молодежь в незрелости, неготовности к политической деятельности. В качестве аргументов акцент делается на такие качества молодежи, как несамостоятельность, некомпетентность, приспособленчество. Мы полагаем, что эти качества если и проявляются, то прежде всего потому, что молодежи как социальной группе не доверяют. На наш взгляд, предоставив молодым людям определенную самостоятельность, общество тем самым могло бы избавиться в значительной мере и от некомпетентности молодых людей, поскольку последние вынуждены будут приобретать опыт и расширять свой кругозор, повышать политическую культуру. Исчезнет и необходимость приспособливаться.

Как показывает практика, в ходе современных модернизационных процессов молодежь

обнаружила такие достоинства, как склонность к новым идеям, свежесть мысли, образованность, энергию, прагматизм, смелость. Эти качества молодежи могут служить своеобразной базой в формировании молодежи как актора политического процесса. Подчеркнем, что современные концепции лидерства, при всем их различии, признают необходимость у политика определенных интеллектуальных и психологических качеств, среди которых можно выделить способность взаимодействовать с общественной средой, аккумулировать мысли и настроение масс и выдвигать собственные идеи.

Примечательно, что, согласно опросам НИИ при Институте молодежи, само молодое поколение осознает себя в качестве главного фактора устойчивости и развития России (68,4%), движущей силой коренных преобразований в обществе,¹² чего не скажешь о более старших когортах населения страны, которое, по мнению В.Д. Соловьева, в последние годы все чаще впадают в экзистенциализм¹³.

Модернизационные процессы в России подтолкнули к позитивному созиданию прежде всего группу молодежи, достигшей совершеннолетия. Молодые люди этого уровня относят себя к поколению «духа времени». Согласно анализу, проведенному Б.А. Ручкиным, в ходе реформирования общества эта группа молодежи, хотя и не столь эффективно, но «вписалась в новые общественные отношения» и участвовала в модернизации России¹⁴. Этот факт свидетельствует о возможности восприятия молодежи как политического актора при определенном дифференцирующем подходе.

Опираясь на современные социологические исследования, попытаемся определить слои молодежи применительно к выполнению роли политического актора. Первая группа молодежи – это школьники старших классов. Она характеризуется как среда, обеспечивающая «вызвание» элементов системы гражданского воспитания и образования. На политическое пространство данная когорта молодых выйдет 15–20 лет спустя, поэтому наиболее перспективными задачами в работе с этой молодежью являются: перспективное образование и воспитание, опережающее текущую модернизацию, развитие школьного самоуправления, инновационная ориентация.

Наиболее активной с точки зрения нынешнего, текущего включения в политику представляется вторая когорта молодежи – 18–24-летние юноши и девушки. Отличительными признаками названной части молодежи как главного политического актора являются: целеустремленность, ориентация на жизненные потребности, участие в выборах, стремление сделать карьеру, политическая деятельность. Что касается целеустремленности, то эту особенность в свое время очень метко охарактеризовал Д.И. Менделеев. Ссылаясь на свою многолетнюю профессорскую практику,

он отметил, что те, которым 20 и более лет, более сознательно относятся к принятым на себя обязательствам¹⁵.

Целеустремленность данной категории молодежи проявляется и в стремлении к образованию, и в попытках создания молодежных организаций, и в использовании современных средств коммуникаций. Например, на начало 2007 г. только в Саратове действовало более 115 общественных молодежных объединений, зарегистрированных в органах юстиции¹⁶. Наиболее активно для своего политического становления юноши и девушки, как правило, используют различные выборные кампании. Значение выборов трудно переоценить, поскольку по отношению к молодежи они дают возможность молодым не только участвовать в формировании властных структур, но и сотрудничать с властью, обрести определенный статус и опыт. Выборы позволяют реализовать как коллективные, так и индивидуальные начала в политике. Выполняя волю политической партии, политического объединения, молодой человек приобщается к практике выражения себя через коллектив, в индивидуальном – полнее реализует личностные способности и возможности. Выборы также стимулируют сознательное отношение к избирательному праву, позволяют реализовать свои интересы через представительный орган или конкретного депутата, тем более когда речь идет о выборе носителя власти высокого уровня. В частности, в выборах президента страны и губернатора области (март 2000 г.) приняли участие около 80% саратовских студентов¹⁷.

Третья группа молодежи – 25–30-летние, выделяется из общего молодежного социума наличием опыта как властвования, так и подчинения, сочетанием знания и практики, ответственности, дисциплины, умением влиять на людей. Ее жизненные притязания, как свидетельствует сама нынешняя действительность, более четко ориентированы на политику. Если 20–24-летняя молодежь должна стать главной движущей силой модернизационных процессов, то 25–30-летние как политический актор могут стать своеобразным буфером между властью и гражданским обществом. Кроме того, именно на эту молодежь должна быть возложена миссия разработки теоретических концепций развития страны, программ и проектов, осуществления международных контактов. По сути, это кадровый резерв страны. Именно этот слой сыграл свою роль в модернизации страны в 1991–1997 гг. Его подробная характеристика была дана в журнале «Москью Таймс» в 1995 г., назвав наиболее активных представителей молодежи этого возраста «новыми русскими». По возрасту это люди 20–30 лет. Более 70% имеют высшее образование, москвичей – 53%, 86% – дети интеллигенции. Большинство из них еще со школьных лет начали заниматься спекуляцией, были вовлечены в негативный бизнес, поэтому имеют криминальное прошлое порядка 23%, а

каждый четвертый явно связан с криминальными синдикатами. Деньги зарабатывали на торговле – 75%, на производстве потребительских товаров – 27, работе в банках – 20, на торговле акциями – 18, на издании литературы – 15%. По политическим взглядам 71% – демократы, 13% – безразличны к политике, 6% утверждали, что разделяют коммунистические идеалы¹⁸.

Данный факт, использованный со знаком минус, тем не менее, подтверждает опасные тенденции, когда идею модернизации как обновления сводят только к псевдодемократическим факторам, скрывая собственные узкопрагматичные интересы, когда плодами преобразований пользуется лишь небольшая группа населения. Отрыв центра от регионов прежде всего сказался на отстранении молодежи провинции от модернизационных процессов. В своем социальном подвижничестве и в политическом оживлении, достаточно метко подчеркнули С.И. Барзилов и А.Г. Чернышев, современная российская провинция незаметно для себя проскочила уже два этапа идеологического процесса. Для первого этапа, отмечают указанные авторы, характерно внедрение в провинциальный менталитет леворадикальной идеологии, а в столбичную – либерально-антикоммунистической. На втором этапе произошло оформление мировоззрения демократической номенклатуры. Это дало возможность административными средствами, с помощью СМИ влиять на умонастроения молодежи¹⁹.

В последние годы роль юношей и девушек в модернизационных процессах заметно возросла, что было связано с принципиально иными взглядами на молодежь, по сравнению со своим предшественником, Президента РФ В.В. Путина. Социологические опросы молодежи, проведенные в 2005–2006 гг. исследовательской группой ЦИРКОМ, показывали возросший интерес молодежи провинции, по существу, по всем переменам, простирающимся как в стране в целом, так и в конкретных регионах. Модернизационное сознание молодежи проявилось прежде всего в переходе от мобилизационного политического участия к индивидуальному выбору. Самое меньшее число респондентов отметили, что к политическому участию их «принудили» и абсолютное большинство объяснили политическое участие следующими мотивами: «мне это интересно», «хотел изменить жизнь к лучшему», «хотел решить проблему, которая меня волнует»²⁰.

Важнейшим факторным ресурсом участия молодежи в модернизационных процессах общества является уровень политической культуры молодых людей. Следует отметить, что под влиянием трансформации политической системы общества в самом содержании политической культуры населения страны и молодежи, в частности, произошли кардинальные сдвиги.

Молодежь воспользовалась новыми возможностями для свободы мысли и действий. Отказ

политической системы от идеологического воздействия на молодежь привел к разрастанию плюралистических настроений среди молодежи. Произошло вытеснение традиционных ценностей. Так, согласно материалам Всероссийского социологического исследования 1990 и 1994 гг., из 14 ценностей, признанных респондентами базовыми, 8 по своей сути являются либеральными. За короткий срок на 8–10% повысилась распространенность таких ценностей, как свобода, независимость, инициативность. Одновременно сократилось влияние таких ценностей, как самопожертвование, следование традициям. В 1994 г. 55% респондентов надеялись прежде всего на самих себя²¹.

Вместе с тем культурная глобализация привела к созданию нерегулируемого рынка культуры, способствовала проникновению в сознание молодых массовой культуры. Российская политическая система не смогла ограничить влияние американского рынка на российском политическом и духовном пространстве. Как точно отметил Олег Карпухин, американский кинопрокат на 80 % завоевал российский рынок. Мощнейшие средства массовой коммуникации стали средствами растворения любого своеобразия культур и образов жизни²².

Происходит, по выражению Б.Г. Капустина, «транзитологическое насилие над сознанием»²³. Многочисленные факты свидетельствуют, что многие аспекты развития культуры дрейфуют в сторону вкусов крайне узкой группы людей. Молодежь необоснованно отстраняется от производства культурных ценностей, ей отведен лишь вектор «потребления».

Между тем инновационный характер процесса модернизации постоянно диктует необходимость создания национальной политической молодежной элиты прежде всего в культурной сфере общества. Основой такого вывода являлся опыт советского варианта модернизации, когда именно молодежь стала активным участником культурных преобразований в России. Как известно, в тех исторических условиях молодежь объединила общая идея – создание подлинно социально справедливого общества. Считаем, что в современных условиях объединение молодежи в решении модернизационных задач возможно на основе традиционных ценностей России. Но нельзя не заметить, что на этом пути существует ряд трудностей, вытекающих из современного состояния России. Одна из них связана с этнонациональным многообразием России, а следовательно, и многовекторным представлением о модернизационных процессах. Тем не менее развитие в современной науке концепции модернистического потенциала этнического большинства дает основание предположить, что русские молодые люди смогут объединить вокруг себя молодежь разных национальностей и вероисповеданий.

Такое утверждение базируется на том факте, что «политические модернизации в целом и такой ее компонент, как переход от имперского общества к гражданскому во всем мире чаще всего возглавлялся представителями этнического большинства»²⁴. Этническое большинство является электоральным большинством, что дает возможность действительного влияния на формирование властных структур и их политику. Общеизвестна и высокая толерантность русского народа, что может служить залогом стабильности общества. Интегрирующим началом в модернизационных процессах современной России может и должен сыграть русский язык. Русский язык является родным для 130 млн граждан России и 26,4 млн жителей стран бывшего СССР. Как иностранный или второй язык русский знают около ¼ млн человек²⁵.

Основанием интеграционных процессов молодежи различных этнических групп под эгидой русского народа могут служить и умонастроения людей разных регионов страны, выявленные с помощью социологических опросов. Признание Федерации значительным большинством всех опрошенных и выражении готовности защищать ее в случае необходимости (70%)²⁶ заключают в себе прочные опоры для развития идеологии государственного патриотизма. На этой основе Россия может продолжить свою историческую миссию собирательницы земель русских народов и гаранта их безопасности.

Вторая существенная трудность на пути интеграции молодежи и выполнения важнейших задач модернизации связана с многообразием религиозных предпочтений. В функционировании политической культуры молодежи религиозный фактор является важным элементом. Вопреки прежним утверждениям, что религия разобщает людей, в основной массе верующих сложилось утверждение о том, что верующий в представителе любой национальности должен видеть своего ближнего. 60% верующих и 82% колеблющихся считают, что избранные депутатами священнослужители должны выражать интересы всех избирателей как верующих, так и не верующих²⁷.

По другим исследованиям, молодежь в основной своей массе причисляет себя к православным – 77,5%, к протестантам – 1,2, атеистами считали себя в 2004 г. – 6,5% опрошенных²⁸. Вместе с тем большинство исследователей отмечают поверхностный характер религиозности молодежи. В этой связи особую значимость приобретает диалог власти и церкви в русле формирования гражданского общества. Так, в Саратове с 2003 г. проводятся межрегиональные Пименовские чтения. Четвертые Пименовские чтения, состоявшиеся в декабре 2006 г., получили название «Православная культура как основа духовного возрождения России». Со студентами саратовских вузов встретились участники форума: главный редактор российского журнала «Фома» профессор

В.Р. Легойда, известный богослов диакон Андрей Кураев, сектовед А.Л. Дворкин и др. Выступая на форуме, представитель Президента Александр Коновалов подчеркнул, что «религия не дает человеку оторваться от своих корней», а губернатор Павел Ипатов отметил значимость диалога власти и церкви во имя сбережения народа. В рамках круглого стола прошло обсуждение таких вопросов, как воздействие церкви и СМИ, православная миссия в молодежной и образовательной политике²⁹.

Таким образом, изложенные выше и другие факты и положения, на наш взгляд, достаточно определенно свидетельствуют о важности молодежного ресурса в модернизации современного российского общества. В то же время мы считаем, что с учетом дня нынешнего многие формы и методы работы с молодежью должны претерпеть существенные изменения. Среди методов работы наиболее важными нам представляются следующие:

- разработка правовых актов, стимулирующих политическую активность молодежи;
- развитие молодежного рынка интеллектуальной собственности;
- государственная поддержка и стимулирование научной деятельности молодых людей;
- поощрение творческой активности молодежных коллективов по внедрению научных достижений в производство;
- использование органов местного самоуправления для подготовки молодежных лидеров;
- в каждом федеральном округе необходимо организовать молодежные секции, курирующие науку, социальную сферу и национально-культурные мероприятия.

Эффективная реализация названных и других форм и методов работы с молодежью, по нашему мнению, несомненно активизируют позитивную роль молодых людей в модернизации страны, превращение её в великую мировую Державу.

Примечания

- ¹ Авторское толкование понятия «молодежь» см.: *Дорофеев В.И., Чекмарев Э.В.* Политическое участие в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 83.
- ² *Ручкин Б.А.* Молодежь и становление новой России // Социально-политические процессы в меняющемся мире. Тверь, 2000. С. 90.
- ³ См.: *Апатенко С.Н.* О концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России на 2006–2010 годы» // Вестник молодежной политики. 2005. № 10. С. 36–39.
- ⁴ См.: *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Россия – 2050. Стратегия инновационного прорыва. М., 2004. С. 23.

- ⁵ См.: Молодежная политика в Саратовской области (информационно-аналитический обзор) / Г.Н. Утенков, С.А. Федин, Э.В. Чекмарев. Саратов, 2007. С. 22–23.
- ⁶ См.: *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001. С. 9, 10.
- ⁷ См.: *Тощенко Ж.Г.* Парадоксальный человек. М., 2001.
- ⁸ *Лисовский А.В., Лисовский В.Т.* В поисках идеала. Диалог поколений. Мурманск, 1994.; *Лисовский В.Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000; *Он же.* «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социс. 2002. № 7. С. 113.
- ⁹ *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. №6. С.3.
- ¹⁰ *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1999. С. 121–122.
- ¹¹ См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации 2000–2001 годы. М., 2002. С. 254.
- ¹² См.: *Ручкин Б.А.* Указ. соч.
- ¹³ См.: *Соловей В.Д.* Русские революции: логика, форма, смысл // Москва. 2007. №11. С. 160.
- ¹⁴ *Ручкин Б.А.* Указ. соч. С. 96.
- ¹⁵ См.: *Менделеев Д.И.* О народном просвещении России. СПб., 1998.
- ¹⁶ См.: Молодежная политика в Саратовской области (информационно-аналитический обзор). С. 84.
- ¹⁷ См.: Архив Министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. Саратов, 2000.
- ¹⁸ См.: Мир и Россияне в XX веке. Волгоград, 2005. С. 463.
- ¹⁹ См.: *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Безумство власти. Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М., 2005. С.210.
- ²⁰ Социально-политическая активность молодежи. ЦИРКОМ. Некоторые результаты социологического исследования. М., 2006. С. 11.
- ²¹ См.: *Лагин Н.И.* Модернизация базовых ценностей россиян // Академическая трибуна. 1996. С. 7–8, 18.
- ²² См.: *Карпунин О.* Культура и молодежь // Вестник Аналитики. М., 2006. №3. С.74, 76.
- ²³ *Капустин Б.Г.* Конец транзитологии? О перспективном осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4. С.15.
- ²⁴ *Паин Э.А.* Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционная альтернатива в национальной политике России. М., 2003. С.22.
- ²⁵ Европейская молодежная кампания «Все различны – все равны». М., 2006–2007. С.57.
- ²⁶ *Чванов В.Н.* Межнациональная напряженность в национальном аспекте // Социс. 1993. № 7. С. 58–66.
- ²⁷ См.: *Мчедлов М.П., Нурулдаев А.А., Филимонов Э.Г., Элбанин Е.С.* Религиозный фактор в социально-политической жизни россиян (по материалам социологического исследования). М., 1997. С. 158, 176.
- ²⁸ См.: *Юдин В.В.* Религиозность молодежи // Социс. 2006. № 6. С.3.
- ²⁹ См.: *Крючкова М.* Православный форум Поволжья // Комсомольская правда. 2006. 13 дек.

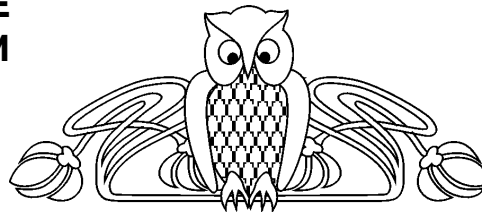

УДК 323

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ МОЛОДЕЖИ

С.Р. Латыпов

Казанский государственный университет,
кафедра прикладной политологии
E-mail: sayeedlatypov@mail.ru

В статье дается характеристика видов девиации в молодежной среде, рассматриваются основные способы ее профилактики, проводится их классификация, а также выявляются основные принципы государственной политики в сфере борьбы с девиантным поведением молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежная среда, девиантное поведение, виды девиации, социальная профилактика.

Conceptual Approaches in Definition of the State Policy in the Sphere of Youth Deviance

S.R. Latypov

The article describes different types of youth deviance, the main methods of its prevention and their classification, as well as reveals the main principles of the state policy for the youth deviance control.

Key words: youth, youth policy, youth/young people, deviant behavior, kinds of deviation, social preventive measures.

Во все времена общество негативно реагировало на поведение человека, которое не вписывалось в сложившиеся традиции и социальные нормы. Подобное поведение принято называть отклоняющимся, или девиантным. Среди исследователей нет единой позиции по интерпретации категории «девиация». В социологии объяснение и понимание феномена поведенческих отклонений и связанных с ним социальных процессов происходит в рамках отдельного направления – социологии девиантного поведения. Термин «девиация», так же как и «девиантное поведение», определяется с помощью понятия «социальные нормы», которые можно определить как меру допустимых социальных действий и поступков, которые оцениваются обществом одобрительно. Социальные нормы могут выражаться в универсальной форме: в виде социальных установок, культурных традиций, нравов общества и институтов культуры. Но те же самые социальные нормы могут выражаться в моральной оболочке. Моральная норма действует через внутренние регуляторы поведения личности, которые формируются через решение проблем соотношения добра и зла, совести и ответственности, убеждения и раскаяния, чувства справедливости и гуманности¹. В криминологии девиантное поведение имеет более узкую трактовку и определяется как поведение,

противоречащее принятым в обществе правовым или нравственным нормам, преступное или аморальное поведение; результат асоциального развития личности². Таким образом, девиантное поведение можно определить как отступление, отказ постоянно следовать, совершая поступки, общепринятым социальным нормам.

Следует отметить, что среди исследователей нет общепринятого понимания политики государства по борьбе с девиацией в молодежной среде. К примеру, ряд российских ученых обращают внимание главным образом на проблемы уголовного права и уголовно-правовой политики, предметом которой является борьба с молодежной преступностью средствами государственного принуждения, то есть к политике по борьбе с молодежной девиацией они относят лишь целенаправленную деятельность государства, непосредственной задачей которой является контроль над молодежной преступностью³. Однако другие исследователи высказывают мнение о необходимости включения всего комплекса мероприятий по предупреждению преступности, не связанных с применением принудительных мер, в понятие политики по борьбе с девиацией молодежи, т.е. предлагается отнести к субъектам данной политики граждан и общественные формирования, действующие в области контроля над молодежной преступностью на локальном уровне.

Так, П.С. Дагель считает основным способом борьбы с молодежной девиацией ее предупреждение. По его мнению, политика государства в данной сфере прежде всего определяет основные направления, цели и средства борьбы с преступностью в молодежной среде и выражается в правовых нормах, деятельности государственных органов и общественных организаций. В ее рамках формулируются исходные требования борьбы с девиантным поведением молодежи с помощью разработки и осуществления широкого круга предупредительных мер, создания и применения правовых мер материального, процессуального и исполнительного уголовного права, устанавливающих криминализацию и пенализацию преступлений, а также посредством определения круга допустимых в борьбе с молодежной преступностью мер государственного принуждения⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что политика государства в сфере борьбы с девиантным поведением молодежи – это комплекс различных мероприятий, осуществляемых на государственном и муниципальном уровнях, направленных на достижение цели предупреждения и пресечения проявлений девиантного поведения и прежде всего преступности среди молодежи. Деятельность государства в этой сфере не ограничивается лишь политикой в области уголовного законодательства, а включает в себя все мероприятия в сфере юстиции, направленные на борьбу с преступностью. С этой целью используется также политика государства в иных сферах, которая оказывает влияние на состояние преступности, например, социальная политика, политика в области труда, политика в области образования. В содержании политики по борьбе с девиантным поведением одно из центральных мест занимают изучение причин преступности, применение уголовных наказаний и иных мер ограничения свободы, социальная реабилитация (лиц, ранее совершавших преступления) и защита (таких лиц от криминогенного влияния), а также общественное движение за профилактику преступности. Объекты политики в данной области – это не только преступления в их уголовно-правовом измерении, но и все анти-социальные явления, наносящие ущерб правовым интересам, охраняемым уголовным законом. Следовательно, политика по борьбе с девиантным поведением молодежи может рассматриваться как общесоциальная политика, включающая политику в области занятости, образования, жилищного строительства, т.е. мероприятия государства, непосредственно не преследующие цели борьбы с преступностью в молодежной среде.

В зависимости от стадий развития девиации методы государственной политики по борьбе с ней облекаются в форму профилактики, предотвращения и пресечения асоциального поведения, представляющих собой относительно самостоятельное направление предупредительной деятельности.

В литературе приводится большое количество классификаций мер профилактики девиантного поведения молодежи. Например, в качестве критерия классификации рассматривается сфера, в которой осуществляется профилактическое воздействие. В соответствии с этим критерием выделяют следующие меры: социально-экономические, государственно-правовые и культурно-воспитательные.

Под социально-экономическими методами подразумеваются такие способы социально-экономического управления и организации, которые, обеспечивая эффективность экономического развития, вместе с тем косвенно, а в некоторых случаях и непосредственно, направлены на предупреждение правонарушений, преступлений и преступности.

Государственно-правовые методы – это законодательно установленные государством сред-

ства и способы, с помощью которых достигается точное исполнение норм о правовом положении личности, пресекаются и устраняются нарушения установленных прав и свобод граждан. Государственно-правовые методы профилактики девиантного поведения молодежи охватывают также основные пути и средства повышения эффективности воспитательно-профилактической деятельности государственных органов, учреждений, организаций и должностных лиц, способствуют развитию и совершенствованию законодательства, повышению роли правовых инструментов в осуществлении предупредительных функций государства.

Культурно-воспитательные методы включают в себя приемы и средства, с помощью которых общество положительно воздействует на сознание, чувства, интеллект, волю и поведение людей с целью предупреждения возможных отклонений от норм морали и права. Указанные методы профилактики не только способствуют достижению общих целей воспитания молодежи, но и непосредственно направлены на повышение ее общей и правовой культуры, формирование уважения к нормам нравственности⁵. Однако наибольшее распространение в научной литературе получила классификация, в соответствии с которой методы предупреждения девиантного поведения молодежи классифицируются в зависимости от целей как общесоциальные и специальные методы.

Предупреждение девиации общесоциальными средствами осуществляется через всю совокупность крупномасштабных мероприятий, обеспечивающих развитие общества, прежде всего в экономической, политической и семейно-бытовой сферах. Эти мероприятия преследуют гораздо более широкие цели, чем борьба с преступностью, но они ограничивают поле для возникновения, развития и действия криминогенных процессов и явлений, возможности возникновения криминальных ситуаций. Тем самым устраняется или ослабляется действие общих причин и условий девиации, отдельных ее видов и конкретных преступлений⁶.

Основным субъектом общесоциальной профилактики девиантного поведения молодежи является семья, где начинается нравственное воспитание детей, которое продолжается в школах и высших учебных заведениях. Поддержать семью с детьми в сложной экономической ситуации – это важнейшая обязанность государства и общества, которые должны направить свои усилия на создание оптимальных условий для выполнения семьей ее функций и обеспечить социально-экономическую поддержку жизненного уровня семей с детьми. Также со стороны государства необходима система действенных мер, направленных против распада семьи. Организованное противодействие распаду семей напрямую работало бы против такого фактора, детерминирующего формирование личности девианта, коим являются

структурные нарушения семьи, отсутствие одного из родителей.

В системе общесоциальных мер профилактики молодежной девиации особое место занимает обеспечение занятости несовершеннолетних трудом. В сфере занятости, связанной с ростом безработицы, главной задачей должно стать оказание помощи несовершеннолетним и молодежи в трудоустройстве, профессиональной переориентации, подготовке и переподготовке.

Важной составляющей общесоциальных мероприятий является организация досуга молодежи. Это наиболее сложная и трудноразрешимая проблема, требующая комплексного подхода. Для ее решения необходимо объединение и координация усилий администраций, учреждений культуры, религиозных учреждений, органов образования, предприятий, жилищно-коммунальных служб, спортивных, молодежных и других общественных организаций. При этом главный акцент необходимо сделать на создание индустрии активного досуга, включающего разнообразные центры и социальные молодежные службы.

Методы специального предупреждения девиантного поведения предполагают комплекс мер, специально предназначенных и целенаправленных на борьбу с преступностью. Его основные черты:

- адресная направленность принимаемых мер именно на предупреждение преступности, ее отдельных видов и конкретных преступлений, т.е. масштабность целей, несмотря на их значимость, существенно меньше, чем мероприятий, реализующих общесоциальное предупреждение;

- взаимодействие общеуправленческих и общевоспитательных мер и мер социального и правового порядка, воздействующих на конкретные виды преступности или преследующих недопущение преступления;

- выступление в качестве субъекта предупреждения девиантного поведения организационных структур, для которых борьба с преступностью является основной (или одной из основных) функцией, либо выделена в перечне функций.

Специальное предупреждение девиации имеет два основных объекта непосредственного воздействия. Во-первых, социальные патологии, т.е. процессы и явления, служащие питательной почвой, «фоном» преступности, так называемые «фоновые явления»: пьянство и алкоголизм, потребление наркотических средств и других одурманивающих веществ без медицинских показаний, бродяжничество и попрошайничество, проституция, бытовое дебошничество и мелкое хулиганство и т.д. На данном уровне специального предупреждения сочетаются меры по профилактике перечисленных явлений путем воздействия на соответствующие группы и на конкретных их носителей; воздействие на причины и условия, продуцирующие эти явления; воздействие на связи этих явлений с преступностью. Борьба с

фоновыми явлениями, возможно, имеет даже более широкое социальное значение, чем борьба с преступностью.

Во-вторых, объектом специального предупреждения девиантного поведения являются выделенные в его рамках организованные, профессиональные, рецидивные формы преступности. Выделение этого объекта связано с тем, что речь идет о «ядре» преступности, эффективное противодействие формированию и расширению которого может внести существенный вклад в борьбу с преступностью в целом.

Индивидуальные меры профилактики – это профилактические беседы, постановка на профилактический учет, направление информации по месту работы, учебы об антиобщественном поведении лица, применение правовых мер воздействия, меры социальной поддержки, медицинской и психологической реабилитации и т.д.

Различают следующие стадии индивидуальной профилактики:

- ранняя профилактика, когда выявляются источники антиобщественных влияний на лицо (группу лиц) до того, как это влияние устойчиво сказалось на их поведении, с целью пресечения действия источника негативного влияния и разъяснения профилактируемому лицу опасности таких контактов; одновременно выясняется, в силу каких жизненных обстоятельств для профилактируемого лица эти контакты оказались привлекательными, с тем, чтобы воздействовать и на соответствующие жизненные обстоятельства;

- непосредственная профилактика, когда поведение лица свидетельствует о развитии у него негативных интересов, привычек, стереотипов (разрыв с позитивной микросредой, сомнительные доходы, контакты с криминальной средой и носителями привычек к пьянству, потреблению наркотиков, бытовым дебошам и т.д.); непосредственное участие в административных правонарушениях; здесь задачи состоят в удерживании лица от дальнейшего сползания на преступный путь, а затем в корректирующем воспитательном воздействии с одновременным оздоровлением среды;

- профилактика на этапе преступного поведения, т.е. в условиях далеко зашедшего процесса криминализации личности, когда количество и характер совершаемых правонарушений в сочетании с характером связей и времяпрепровождения в целом указывают на вероятность совершения преступлений в ближайшем будущем; в этих случаях неотложной задачей является удержание от преступления путем демонстративных мер контроля и жестких разъяснений правовых последствий преступлений; одновременно принимаются меры разобщения сформировавшейся криминальной микросреды и привлечения к ответственности ее лидеров, хотя бы за такие легко доказываемые преступления, как вовлечение в потребление наркотиков, вовлечение в антиобщественные действия, незаконное хранение оружия, хулиганство и т.д.;

- профилактика рецидива, специфика которой связана со специальным объектом воздействия – лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, или вернувшимися из мест лишения свободы, а также широким применением мер правового воздействия (процессуальных представлений и определений об устранении обстоятельств, способствующих преступлению; административный надзор и т.д.). Задачи же профилактического воздействия на этом этапе идентичны предыдущим этапам в зависимости от характера поведения профилактируемого лица⁷.

Вопрос об эффективности методов профилактики девиантного поведения молодежи является дискуссионным. Некоторые исследователи отдают предпочтение специальным мерам, не придавая большой значимости общесоциальной профилактике. К примеру, Р.М. Булатов и А.В. Шеслер рассматривают обеспечение эффективной деятельности органов внутренних дел как основу политики государства по профилактике молодежной девиации. По их мнению, наиболее эффективными являются следующие мероприятия:

- контроль поведения молодежи (посещение по месту жительства, учебы, работы и т.д.);
- воспитательное воздействие на молодежь (проведение профилактических бесед, участие в обсуждении поведения лиц, совершивших правонарушения, соответствующих государственных органов, общественных организаций и т.д.);
- социально-правовая защита прав молодежи (обращение в суд с заявлениями об ограничении дееспособности родителей, лишении родительских прав и т.д.)⁸.

Однако подавляющее большинство исследователей считают, что использование общесоциальных мер – это наиболее эффективный способ предупреждения молодежной девиации. По мнению японского исследователя К. Накаяма, эффективность предупреждения молодежной девиации обусловлена в первую очередь высоким уровнем социально-экономического развития страны, демократическими условиями жизни общества

и общим уровнем культуры населения и только во вторую очередь – особой ролью практической уголовной политики⁹.

На наш взгляд, общесоциальное и специальное предупреждение девиантного поведения молодежи взаимосвязаны и представляют собой взаимодополняющие друг друга виды деятельности государства. При этом органы, разрабатывающие специальные меры, на основе анализа социальной и криминальной ситуации в стране или регионе должны вносить предложения по совершенствованию мер общесоциального уровня. В то же время меры общесоциальной профилактики служат базой для специального предупреждения молодежной девиации и могут быть использованы субъектами специального предупреждения в качестве источника дополнительных целеуказаний и ресурсных возможностей.

Примечания

- 1 См.: Козырьков В.П. Природа девиации и структура социальных норм // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. №1. С. 170–171.
- 2 См.: Криминология / Под ред. В.Е. Эминова. М., 2007. С. 74.
- 3 См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 54–55.
- 4 См.: Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 5.
- 5 См.: Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика правонарушений. Горький, 1976. С. 50.
- 6 См.: Антоян Ю.М. Предупреждение преступности несовершеннолетних. М., 1982. С. 11–13.
- 7 См.: Косевич Н.Р. Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах. М., 2004. С. 157.
- 8 См.: Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности несовершеннолетних. Казань, 1999. С. 13–14.
- 9 См.: Nakayama K. Japan // Major criminal justice systems. L., 1981. P. 132.

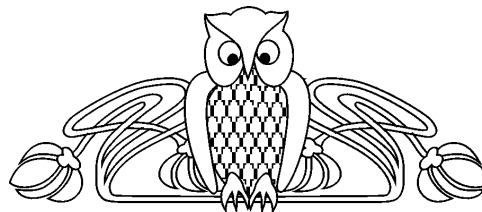
УДК [323.396 + 316.66] (470 + 571)

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Д.В. Попонов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: poponovdv@mail.ru

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятия «человеческий капитал», проводится их сравнительный анализ,

раскрываются основные характеристики, структурные и функциональные элементы человеческого капитала политической элиты, модели его воспроизводства.

Ключевые слова: человеческий капитал, политическая элита.

- профилактика рецидива, специфика которой связана со специальным объектом воздействия – лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, или вернувшимися из мест лишения свободы, а также широким применением мер правового воздействия (процессуальных представлений и определений об устранении обстоятельств, способствующих преступлению; административный надзор и т.д.). Задачи же профилактического воздействия на этом этапе идентичны предыдущим этапам в зависимости от характера поведения профилактруемого лица⁷.

Вопрос об эффективности методов профилактики девиантного поведения молодежи является дискуссионным. Некоторые исследователи отдают предпочтение специальным мерам, не придавая большой значимости общесоциальной профилактике. К примеру, Р.М. Булатов и А.В. Шеслер рассматривают обеспечение эффективной деятельности органов внутренних дел как основу политики государства по профилактике молодежной девиации. По их мнению, наиболее эффективными являются следующие мероприятия:

- контроль поведения молодежи (посещение по месту жительства, учебы, работы и т.д.);
- воспитательное воздействие на молодежь (проведение профилактических бесед, участие в обсуждении поведения лиц, совершивших правонарушения, соответствующих государственных органов, общественных организаций и т.д.);
- социально-правовая защита прав молодежи (обращение в суд с заявлениями об ограничении дееспособности родителей, лишении родительских прав и т.д.)⁸.

Однако подавляющее большинство исследователей считают, что использование общесоциальных мер – это наиболее эффективный способ предупреждения молодежной девиации. По мнению японского исследователя К. Накаяма, эффективность предупреждения молодежной девиации обусловлена в первую очередь высоким уровнем социально-экономического развития страны, демократическими условиями жизни общества

и общим уровнем культуры населения и только во вторую очередь – особой ролью практической уголовной политики⁹.

На наш взгляд, общесоциальное и специальное предупреждение девиантного поведения молодежи взаимосвязаны и представляют собой взаимодополняющие друг друга виды деятельности государства. При этом органы, разрабатывающие специальные меры, на основе анализа социальной и криминальной ситуации в стране или регионе должны вносить предложения по совершенствованию мер общесоциального уровня. В то же время меры общесоциальной профилактики служат базой для специального предупреждения молодежной девиации и могут быть использованы субъектами специального предупреждения в качестве источника дополнительных целеуказаний и ресурсных возможностей.

Примечания

- 1 См.: Козырьков В.П. Природа девиации и структура социальных норм // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. №1. С. 170–171.
- 2 См.: Криминология / Под ред. В.Е. Эминова. М., 2007. С. 74.
- 3 См.: Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. С. 54–55.
- 4 См.: Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. С. 5.
- 5 См.: Игошев К. Е. Социальный контроль и профилактика правонарушений. Горький, 1976. С. 50.
- 6 См.: Антоян Ю.М. Предупреждение преступности несовершеннолетних. М., 1982. С. 11–13.
- 7 См.: Косевич Н.Р. Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах. М., 2004. С. 157.
- 8 См.: Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности несовершеннолетних. Казань, 1999. С. 13–14.
- 9 См.: Nakayama K. Japan // Major criminal justice systems. L., 1981. P. 132.

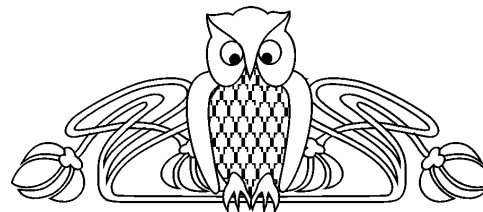
УДК [323.396 + 316.66] (470 + 571)

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Д.В. Попонов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: poponovdv@mail.ru

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятия «человеческий капитал», проводится их сравнительный анализ,

раскрываются основные характеристики, структурные и функциональные элементы человеческого капитала политической элиты, модели его воспроизводства.

Ключевые слова: человеческий капитал, политическая элита.

Problems of Reproduction of Human Capital of the Political Elite

D.V. Popov

The paper discusses basic scientific treatments of the «human capital» concept, their comparative analysis is made, basic characteristics, structural and functional elements of human capital of the political elite, models of its reproduction are disclosed.

Key words: human capital, political elite.

Повышенное внимание научного сообщества к проблеме человеческого капитала закономерно и объективно. Человеческий капитал наряду с инновациями сегодня главные темы, предопределяющие развитие современной социологии, политологии, экономики. Это два основных фактора, способствующих повышению эффективности общественной системы и ее основных компонентов в условиях усложнения ее структуры, темпов развития и многочисленных внутренних и внешних вызовов, оказывающих сильное влияние на ее облик и процессы функционирования.

Внимание к проблемам воспроизводства человеческого капитала политической элиты, с одной стороны, предопределено стратегически важными позициями, которые она занимает в социальной и политической системе, а с другой – сравнительно низким качеством «человеческого ресурса», составляющим ее основу. В свою очередь модель воспроизводства позволяет существенно расширить границы исследования человеческого капитала политической элиты, предоставляя возможность анализировать не только текущее качественное состояние элитных групп, но и тенденции его изменения в перспективе.

Что понимать под человеческим капиталом политической элиты? В каком контексте это понятие может быть использовано в современной политической науке? Как политологическая концепция человеческого капитала соотносится с концепциями, разработанными в рамках социологической и экономической науки? На эти вопросы у научного сообщества нет однозначных ответов.

Концепция человеческого капитала активно развивалась во второй половине XX в., получив международное признание в 1979 г., когда Т. Шульцу была присуждена Нобелевская премия по экономике. В 1992 г. успех своего коллеги по Чикагскому университету повторил Г. Беккер, теоретически и методологически развив в своих работах идеи Т. Шульца.

Т. Шульц и Г. Беккер понимали под человеческим капиталом воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков, которые могут быть усилены соответствующими вложениями, то есть требуют отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем¹. При этом в качестве основного института формирования человеческого капитала

ученые рассматривали систему образования, а вложения в развитие образовательных компетенций – эффективными инвестициями, способными в перспективе повысить производительность труда и принести обществу прибыль.

Экономическая наука при определении человеческого капитала исходит из рациональных устремлений индивидов. Важную роль в этом случае играют ожидания человека относительно будущих доходов, что предопределяет его поведение в обществе, формируя стратегию принятия решений и продвижения по карьерной лестнице. Все вложения в человеческий капитал расцениваются как краткосрочные и долгосрочные инвестиции, а не расходы, так как повышение уровня знаний, профессионализма, квалификации ведет к получению в будущем дивидендов в виде повышения зарплаты или социального статуса.

Однако поведение человека в общественной системе детерминировано не только его собственными мотивами и интересами. В не меньшей степени оно находится под влиянием различных социальных механизмов, контролирующих успехи индивидов независимо от их выбора, устремлений и навыков. В качестве таких механизмов в современной социологической науке рассматриваются социальные институты и сети, выступающие основными агентами социализации человека.

В данном контексте содержание понятия «человеческий капитал» можно дополнить понятиями «культурный капитал» и «социальный капитал», получившими широкое распространение в современной общественной науке. Теоретико-методологическую основу под эти концепции заложил М. Вебер, формулируя свой подход к анализу проблем социальной стратификации.

Центральным тезисом в работах М. Вебера представлена идея о множественности источников социальной иерархии, в качестве которых помимо экономического положения и власти рассматривался престиж. Этот критерий лежит в основе выделения так называемых «статусных групп», которые образуют люди с одинаковым статусом². Члены статусных групп чувствуют свою принадлежность к общности, что достигается благодаря одинаковому образу жизни, стандартам поведения, родственным связям. Статусные группы, как правило, аморфны, то есть не представляется возможным точно определить круг людей, обладающих одним социальным статусом. Тем не менее статусная группа способна проводить более или менее осознанную линию поведения, так как способна контролировать и даже частично направлять действия своих членов.

Как отмечает Б. Тернер, статусная группа – это сообщество индивидов, которые организовались для поддержания или расширения своих социальных привилегий посредством механизма социального закрытия с целью защитить существующие монопольные привилегии от посто-

ронных³. Главным механизмом защиты и воспроизводства привилегий выступает культурный капитал, который можно определить как богатство в форме знания или идей, которое узаконивает обладание статусом и властью.

Культурный капитал П. Бурдьё рассматривает наряду с другими видами капитала (экономическим, социальным, символическим) в контексте общей теории полей. Согласно П. Бурдьё, капитал «представляет собой власть над полем (в данный момент времени) и, более точно, власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд (в частности, власть над совокупностью средств производства), и заодно, над механизмами, стремящимися утвердить производство определенной категории благ, и через это – власть над доходами и прибылью». Отдельные виды капитала, отмечает французский социолог, как «козыри в игре, являясь властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле...»⁴.

Концепции статусной группы и культурного капитала позволяют существенно пересмотреть поведенческие стратегии человека в общественной системе, его способность самостоятельно на основе своих мотивов и интересов принимать решения по рациональному использованию и развитию заложенных в нем способностей и навыков. Действие социальных механизмов настолько сильно, что они практически в полном объеме контролируют успехи индивидов, независимо от их желаний и устремлений. В этом случае именно освоение «статусной культуры» выступает не только главным фактором воспроизводства статусных групп, но и гарантом высоких темпов социальной мобильности.

Процессы воспроизводства статусных групп актуализируют еще одну форму капитала, также выступающего детерминантой поведения человека в обществе. Речь идет о социальном капитале. При определении этого феномена за основу можно взять подход Дж. Коулмана, который представлял социальный капитал в качестве ресурсов, присущих социальным отношениям, в которые вовлечены индивиды: «Социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация».⁵

В интерпретации Дж. Коулмана, социальный капитал, воплощенный в отношениях между индивидами, выступает чисто функциональным понятием. При этом, по мнению автора, ни отдельные индивиды, ни общество в целом не являются обладателями социального капитала, поскольку он существует только на уровне групп и социальных сетей, и его невозможно «забрать с собой», переходя из одной группы в другую. Однако в рамках общностей существующие нормы и

потоки информации могут быть использованы их членами в полном объеме для получения личных или групповых благ.

Таким образом, можно выделить две модели воспроизводства человеческого капитала политической элиты, которые условно можно назвать конкурентная и поддерживающая.

Конкурентная модель функционирует за счет эффективных механизмов подготовки и отбора высококвалифицированных специалистов. Институты селекции базируются на меритократических принципах, способствуя распределению индивидов по иерархическим позициям в рамках общественной системы на основании их реальных способностей и компетенции. Формальная открытость данной модели поощряет процессы структурирования и развития рациональных поведенческих стратегий человека. Социальные акторы в сложившихся условиях способны самостоятельно принимать решения и действовать независимо, руководствуясь собственными интересами и принципами, ориентированными на максимизацию полезности своего поведения.

Поддерживающая модель складывается под влиянием ценностных ориентиров и стандартов соответствующей «статусной группы». Общность целенаправленно воспитывает и развивает определенный набор качеств, выступающих гарантом ее существования. Актор в данном случае рассматривается в качестве социализированного элемента, а его поведение предопределяется социальными нормами, правилами и обязательствами. Человеческий капитал интегрирован в статусную группу и выступает в качестве преимуществ уже инкорпорированных субъектов.

Представленные модели, по сути, воплощают две традиции в анализе процессов формирования и воспроизводства человеческого капитала – экономическую и социологическую. Однако динамика развития науки и практика функционирования общественной системы доказывает низкую продуктивность узкоспециализированных подходов. В этой связи конкурентную и поддерживающую модели можно рассматривать в качестве идеальнотипических конструкций, в то время как в реальной жизни проявляется как одна, так и другая тенденция. Каждый подход имеет свои функциональные преимущества, поскольку и общество в целом, и каждая отдельная «статусная группа» заинтересованы как в воспроизводстве системной матрицы и передачи из поколения в поколение традиций и образцов поведения, так и в эффективной ротации кадров (обновлении рядов).

Вопрос о соотношении моделей воспроизводства человеческого капитала политической элиты остается не решенным в рамках современной элитологии. Исследователи не могут найти идеальный баланс двух тенденций – к замкнутости, которые четко ассоциируются с процессами авторитаризации элитной структуры и системы

элитообразования в целом, и к открытости, одно-значно воспринимающиеся в контексте процессов демократизации.

Показательной в этом отношении является позиция Й. Шумпетера, который отмечал, что доступ на высшие руководящие посты в государственных институтах должен быть, с одной стороны, не слишком недоступным, а с другой – не слишком доступным «людям со стороны»⁶. По его мнению, только так можно ограничить присутствие в элитных группах «человеческого материала политики» не очень высокого качества.

В свою очередь Т. Дай, Л. Зиглер, М. Перенти и другие подчеркивали, что продвижение людей в политическую элиту должно быть «медленной продолжительной ассимиляцией», а не «быстрым или радикальным изменением»⁷. В этом случае процесс продвижения в элитную группу является достаточно медленным и длительным. Путь кандидата наверх осуществляется по определенным каналам с четкими правилами отбора и многочисленными фильтрами. Сам процесс отбора ориентирован в первую очередь на сохранение стабильности самой элитной структуры. В целом поддерживая этот тезис, С. Элдерсфельд отмечал, что базовой является тенденция к воспроизвод-

ству существующего типа элит, к медленному обновлению их состава⁸.

Теоретики концепции элитного плюрализма (Р. Даль, Д. Рисмэн, Д. Трумэн и другие), напротив, предлагали максимально открыть элитную структуру, обеспечив более свободную и относительно легкую интеграцию в ее состав «новых» кадров⁹. Основными критериями, которыми должен обладать кандидат, являются его личные качества и умения. При этом значительно расширяется число каналов продвижения в верхние эшелоны власти. В этом случае элита представляется политическим институтом представительства социальных интересов.

Последовательно эта модель проработана и в теории меритократии. Один из наиболее ярких представителей этой школы Д. Белл подчеркивал: «Люди, получившие высокий балл, вне зависимости от своего социального положения, должны занять место на вершине общества с тем, чтобы они могли найти наиболее эффективное применение своим талантам»¹⁰.

Основные содержательные характеристики представленных моделей воспроизводства человеческого капитала политической элиты можно обобщить в табл. 1.

Таблица 1

Модели воспроизводства человеческого капитала политической элиты

Идентификационные критерии	Модели воспроизводства человеческого капитала	
	Конкурентная	Поддерживающая
Механизмы воспроизводства	Институты	Сети
Характер конкуренции	Формальная	Неформальная
Модель интеграции	Реализация способностей	Социализация личности
Поведенческие стратегии	Рационально-мотивационная	Ценностно-ориентированная
Формат обновления	Ротация	Воспроизводство

Частично согласовать выделенные исследовательские традиции позволяет понятие «человеческий капитал», выполняющее интегративные функции в условиях существования различных видов капитала. Человеческий капитал – сложный многоаспектный феномен, имеющий сложную структуру. Для определения этой категории наиболее адекватна структурно-функциональная трактовка, фиксирующая внимание на многочисленных компонентах, составляющих его структуру и выполняющих определенные функции. При этом важно отметить, что структурная и функциональная конфигурация человеческого капитала будет меняться в зависимости от объекта анализа. Различным будет и характер дивидендов, получаемых в процессе использования человеческого капитала.

Базовыми структурными элементами человеческого капитала политической элиты, выступающей в качестве самостоятельной статусной груп-

пы, монополизировавшей в рамках общественной системы функции принятия решений, выступают: физический, социальный, культурный и политический капиталы. Каждый представленный вид капитала связан со своей собственной системой стратификации, имеет собственные способы передачи и параметры измерения, функциональные характеристики.

Существенные и функциональные различия между структурными компонентами человеческого капитала позволяет проследить анализ их состояний. Вслед за П. Бурдые можно предположить, что каждый из представленных видов капитала может проявлять себя в трех состояниях: инкорпорированном (в форме «длительных диспозиций ума и тела»), объективированном (овеществленная форма, передаваемая в физической, предметной форме) и институционализированном (объективированные формы признания капитала в качестве ресурса)¹¹ (табл. 2).

Таблица 2

Структурные элементы человеческого капитала политической элиты и их характеристики

Виды капитала	Формы состояния		
	Инкорпорированное	Объективированное	Институционализированное
Физический	Способности, интуиция, креативность мышления	Физические и психологические качества	Образ жизни, направленный на поддержание жизнедеятельности
Социальный	Доверие, соблюдение обязательств	Сетевые связи	Социальные сети
Культурный	Знания, практические навыки	Знаки, символы, ценности, традиции	Статусные группы
Политический	Предрасположенность к политической активности	Политические партии, политические связи	Структуры лидерства

Все структурные элементы человеческого капитала политической элиты можно рассматривать в качестве факторов его воспроизводства. Наиболее сильное влияние на эти процессы оказывают:

- здоровье (образ жизни человека, направленный на поддержание его жизнедеятельности);
- культура (задающая стереотипные модели поведения, формирующая ценностную структуру индивида и сохраняющая культурную однородность и отличительность статусных групп);
- образование (определяющее максимально достижимый индивидом социальный и политический статус и создающее объективно-

субъективные основания для карьерного роста человека в рамках социальной и политической системы).

В заключение можно представить схему воспроизводства человеческого капитала политической элиты. Основу схемы составляет комплекс взаимосвязанных этапов, позволяющих фиксировать, как и при каких обстоятельствах индивидуальные человеческие способности, навыки, мотивации могут приносить политические дивиденды (трансформироваться в конкретные «продукты», значимые в системе политических коммуникаций, способные структурировать политическое пространство).

Таблица 3

Воспроизводство человеческого капитала политической элиты

Этапы воспроизводства	Содержательные характеристики
Оценка	Конкурс, аттестация
Отбор	Выборы, механизмы назначения, внутригрупповая селекция
Инвестиции	Охрана здоровья, повышение образовательного уровня, повышение квалификации, профессиональная переподготовка
Вовлечение в политический процесс	Политическая активность в рамках институциональной системы и политических сетей
Получение прибыли	Репутация, доверие, поддержка, эффективность
Механизм обновления	Кадровый резерв

В табл. 3 представлены в основном формальные характеристики каждого этапа, которые можно фиксировать и анализировать, используя официальные институциональные и нормативные параметры процессов элитобразования. Между тем, наряду с этим исследовательским ракурсом, должен быть представлен и другой (неформальный) аспект. Он скрыт от общества и научного сообщества, но, несмотря на это, требует внимания, поскольку зачастую выступает решающим фактором, определяющим формат и существенные характеристики процесса воспроизводства политической элиты. Четкая фиксация содержательных этапов воспроизводства человеческого капитала политической элиты позволяет, помимо научного анализа и обобщения, проводить работу по выработке рекомендаций для оптимизации процессов элитобразования в целях повышения качества элитных групп и эффективности их деятельности.

Примечания

- ¹ См.: *Schultz T.W.* Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N. Y., 1971; *Idem.* Investing in People: The Economics of Population Quality. Berkeley, 1981; *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago; L., 1992.
- ² См.: *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 148–160.
- ³ См.: *Турнер В.С.* Status. L., 1988.
- ⁴ *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 18. См. также: *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. N. Y., 1986.
- ⁵ *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 124. См. также: *Шверт П.* Теоретическая социология

Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социс. 1996. № 1–2.

- 6 См.: Шулметер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 379.
- 7 См.: Дэй Т., Зиглер Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М., 1984; Перенти М. Демократия для элиты. М., 1990.
- 8 См.: Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в со-

временных обществах: эмпирические исследования и демократическая теория. М., 1992.

- 9 См.: Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992.
- 10 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 550.
- 11 См.: Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.

УДК 323.329:316.3(470+571)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (по материалам анкетных опросов)

Т.М. Жиганова

Волгоградская академия государственной службы,
первый проректор
E-mail: media@vags.ru; recror@vags.ru

В статье аргументируется определение интеллигенции, её признаков и структура в современной России. Изучены трансформации статуса интеллигенции в 1992–2007 гг., её экономическая и социальная дифференциация. Выводы сделаны на основе социологических опросов.

Ключевые слова: интеллигенция, социальная стратификация, социальный статус, трансформация интеллигенции, политическая деятельность, политические позиции.

Intelligency in the Social Structure of Post-Soviet Russia (by Questionnaire Results)

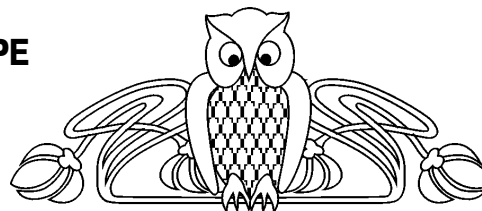
T.M. Zhiganova

The definition of intelligentsia, their features and structure in contemporary Russia is argued in this article. Transformations of intelligentsia's status (1992–2007), its economic and social differentiation are studied. The conclusions are made on the base of sociological data.

Key words: intelligentsia, social stratification, social status, transformation of intelligentsia, political activity, political positions.

Теории стратификации позволяют дать определение интеллигенции в качестве реальной группы общества; выяснить статус и роли, функции интеллигенции; проследить изменения диспозиций группы в социальной структуре российского общества. Причем стратификационный подход можно считать «материнским» для элитистского и аксиологического в соответствии с моделью «воронки причинности» А. Кэмпбелла. Элита в данном аспекте – одна из социальных групп в статусной иерархии. Ценности и ориентации интеллигенции можно трактовать как «символический капитал» группы, т.е. производную от структуры политических ресурсов группы.

Рассмотрим изменения статуса, позиций и функций российской интеллигенции в постсоветском обществе.

Цель статьи – дать определение интеллигенции, её атрибутивных признаков и внутреннего строения в системе стратификации России. Для этого потребуется сравнить существующие научные трактовки интеллигенции, интерпретировать совокупность индикаторов статуса данной группы, выявить тенденции экономической и социальной дифференциации группы в 1990–2000-х гг.

Эмпирическую базу статьи составили итоги анкетных опросов, проведенных Институтом комплексных социальных исследований РАН (2003 г.), исследовательским центром «РОМИР-Мониторинг» (осень 2004 – весна 2005 г.), а также материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. и текущей бюджетной статистики.

Теоретической основой работы стал неоинституционализм. Он позволяет отказаться от односторонних трактовок интеллигенции как морализаторских, так и профессионально-групповых. Интеллигенция может быть рассмотрена как реальная социальная группа, обладающая ресурсами влияния, формирующая свои интересы и реализующая их в стратегиях действия¹.

Начать можно со сравнения противоречивых трактовок интеллигенции. Российские политологи и социологи часто воспроизводят стереотипные оценки, отражающие реальность XIX века². Интеллигенция обычно считается неформальным сообществом «борцов за правду», нравственным эталоном для народа, носителем нормативных ценностей и форм поведения. Противопоставление в научных текстах понятий «интеллигенция» и «интеллектуал» выражает различие православной и западной секулярной традиций.

Моральные качества интеллигентов считаются неразрывно связанными с их политической автономией от власти, независимостью политических ориентаций. Так, академик Д.С. Лихачев полагал: «Интеллигент – это... человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений эко-

Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социс. 1996. № 1–2.

- 6 См.: Шулнетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 379.
- 7 См.: Дэй Т., Зиглер Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М., 1984; Перенти М. Демократия для элиты. М., 1990.
- 8 См.: Элдерсфельд С. Дж. Политические элиты в со-

временных обществах: эмпирические исследования и демократическая теория. М., 1992.

- 9 См.: Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992.
- 10 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 550.
- 11 См.: Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.

УДК 323.329:316.3(470+571)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (по материалам анкетных опросов)

Т.М. Жиганова

Волгоградская академия государственной службы,
первый проректор
E-mail: media@vags.ru; recror@vags.ru

В статье аргументируется определение интеллигенции, её признаков и структура в современной России. Изучены трансформации статуса интеллигенции в 1992–2007 гг., её экономическая и социальная дифференциация. Выводы сделаны на основе социологических опросов.

Ключевые слова: интеллигенция, социальная стратификация, социальный статус, трансформация интеллигенции, политическая деятельность, политические позиции.

Intelligency in the Social Structure of Post-Soviet Russia (by Questionnaire Results)

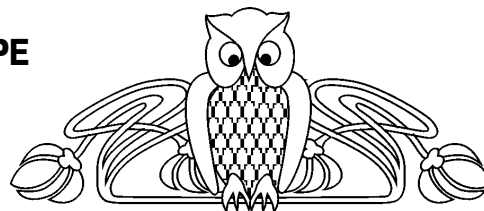
T.M. Zhiganova

The definition of intelligentsia, their features and structure in contemporary Russia is argued in this article. Transformations of intelligentsia's status (1992–2007), its economic and social differentiation are studied. The conclusions are made on the base of sociological data.

Key words: intelligentsia, social stratification, social status, transformation of intelligentsia, political activity, political positions.

Теории стратификации позволяют дать определение интеллигенции в качестве реальной группы общества; выяснить статус и роли, функции интеллигенции; проследить изменения диспозиций группы в социальной структуре российского общества. Причем стратификационный подход можно считать «материнским» для элитистского и аксиологического в соответствии с моделью «воронки причинности» А. Кэмпбелла. Элита в данном аспекте – одна из социальных групп в статусной иерархии. Ценности и ориентации интеллигенции можно трактовать как «символический капитал» группы, т.е. производную от структуры политических ресурсов группы.

Рассмотрим изменения статуса, позиций и функций российской интеллигенции в постсоветском обществе.

Цель статьи – дать определение интеллигенции, её атрибутивных признаков и внутреннего строения в системе стратификации России. Для этого потребуется сравнить существующие научные трактовки интеллигенции, интерпретировать совокупность индикаторов статуса данной группы, выявить тенденции экономической и социальной дифференциации группы в 1990–2000-х гг.

Эмпирическую базу статьи составили итоги анкетных опросов, проведенных Институтом комплексных социальных исследований РАН (2003 г.), исследовательским центром «РОМИР-Мониторинг» (осень 2004 – весна 2005 г.), а также материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. и текущей бюджетной статистики.

Теоретической основой работы стал неоинституционализм. Он позволяет отказаться от односторонних трактовок интеллигенции как морализаторских, так и профессионально-групповых. Интеллигенция может быть рассмотрена как реальная социальная группа, обладающая ресурсами влияния, формирующая свои интересы и реализующая их в стратегиях действия¹.

Начать можно со сравнения противоречивых трактовок интеллигенции. Российские политологи и социологи часто воспроизводят стереотипные оценки, отражающие реальность XIX века². Интеллигенция обычно считается неформальным сообществом «борцов за правду», нравственным эталоном для народа, носителем нормативных ценностей и форм поведения. Противопоставление в научных текстах понятий «интеллигенция» и «интеллектуал» выражает различие православной и западной секулярной традиций.

Моральные качества интеллигентов считаются неразрывно связанными с их политической автономией от власти, независимостью политических ориентаций. Так, академик Д.С. Лихачев полагал: «Интеллигент – это... человек, обладающий умственной порядочностью... к интеллигенции принадлежат только люди, свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений эко-

номических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обстоятельствам»³. Н.Н. Моисеев относил к интеллигенции прослойку, которая «способна выйти за рамки своих личных интересов, думать о судьбе всей страны, особенностях своего государства, искать конструктивные усовершенствования его структуры и деятельности. И это далеко не всегда люди интеллектуального труда»⁴.

На уровне политических ориентаций и установок деятельности В.А. Мансуров постулирует следующие качества интеллигенции: служение обществу, а не личной выгоде; соблюдение профессиональной этики; восприятие своей профессиональной группы как референтной; следование нормам культуры; стремление к автономии от оценок группы⁵.

При идеализме и эмоциональности данного подхода в нём есть «рациональные зерна». Интеллигенция оценивается по основному качеству – групповой идентичности. Она воспринимается как квалифицированный эксперт политики, дистанцированный от государственной власти.

Напротив, растёт популярность позиции, согласно которой интеллигенции не существует в постсоветской России. С.Б. Орлов называет эту группу «мифологической»⁶. Р.В. Рывкина и Н.Е. Покровский полагают, что интеллигенция утратила групповой статус и общие интересы, сходные источники доходов (оплату государством идеологического «обслуживания») ⁷. Часть её стала сегментом политической элиты (политконсультанты, редакторы СМИ и влиятельные журналисты, деятели науки и искусства). Преобладающая же часть интеллигенции не адаптировалась к современной социальной системе, войдя в состав «новых бедных».

На наш взгляд, правы сторонники третьего – прагматичного, взвешенного подхода (Н.И. Лапин, Д.С. Попов, Т. Гурова и др.). Они считают, что данная группа после 1991 г. трансформируется, обретая новые позиции и роли. Н.И. Лапин определяет интеллигенцию как группу профессионалов, выполняющих функции создания и «продвижения» ценностей в обществе⁸. Д.С. Попов отмечает, что интеллигенция всё более обретает черты виртуальной, а не только реальной группы⁹. На первый план выходит самоидентификация группы, что не означает исчезновения реального сообщества. Виртуализация групп, условность и подвижность их границ – мировая тенденция, с запозданием ставшая фактом и в России.

Наиболее полно точка зрения о поглощении старой интеллигенции в составе среднего класса выражена Л.А. Беляевой. Из формирующегося «нового» среднего класса 1990-х гг. исключены высококвалифицированные слои работников науки, культуры, образования, технической интеллигенции, социальных служб. Именно интеллигенция, и прежде всего её «ядро» – высокообразованный столичный слой, подготовила рыночные

и демократические преобразования. «Но в рамках избранной модели реформ эти группы были вытеснены в бедные слои»¹⁰.

Напротив, В.В. Радаев и О.И. Шкаратан считали весьма сомнительным вывод об исчезновении интеллигенции в целом. Нельзя, по их мнению, автоматически зачислять в интеллигенцию всех лиц с высшим образованием, а надо учитывать реальное качество образования и его полезность в восходящей мобильности.

М.Н. Руткевич определяет интеллигенцию как социальную группу работников, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации. В постсоветский период эта группа сохранилась, но изменилась её социальная сущность. Из совладельца общественной собственности она превратилась в наемных работников. Немалая часть бывшей интеллигенции испытала восходящую мобильность, перейдя в сферы финансов, торговли, политического и бизнесконсультирования¹¹.

И.И. Осинский и В.С. Семенов считают, что ныне интеллигенция расколота. Её значительная часть не имеет возможности реализовать профессиональные знания и навыки, повышать квалификацию¹².

Насколько эти мнения подтверждаются эмпирически? В 1994 г. проведен социологический опрос под руководством О.И. Шкаратана. Он охватил 3200 чел. в 11 регионах России. Опрос дал возможность оценить социальную и профессиональную идентификацию респондентов на интервале 1985–1994 гг., а также выяснить субъективные самооценки экономических ресурсов влияния.

Высококвалифицированными профессионалами, имеющими ученую степень, в 1985 г. являлись 1,6% респондентов; в 1990 г. – 1,8; в 1994 г. – 1,3%. Доля профессионалов с высшим образованием тоже сокращалась: в 1985 г. – 21,4% респондентов, в 1990 г. – 20,0; в 1994 г. – 18,8%.

В России образование само по себе не гарантирует успеха. По сведениям Государственного комитета по статистике РФ, к началу 2000 г. 9,9% российских безработных имели высшее, а 2,7% – незаконченное высшее образование¹³. Согласно докладу Министерства труда РФ, представленному на заседании Правительства РФ 24 февраля 2000 г., уровень заработной платы работников образования составлял 42% средней зарплаты в промышленности; работников здравоохранения – 46%; работников культуры – 42%¹⁴.

С.А. Магарил критикует представление об интеллигенции как о нерасчлененной, экономически и социально однородной группе. Такое представление далеко от реальности. Напротив, надо различать интеллектуальный истеблишмент и работников массовых профессий¹⁵. Первая из этих групп сосредоточена в столицах, а также крупных городах; она имеет основной доступ к СМИ и формирует стереотипы об интеллигенции. Вторая

группа (учителя, врачи, журналисты, работники культуры) непричастна к принятию стратегических решений. Информационная изоляция резко уменьшила влияние интеллектуалов на общественное мнение. Войдя во власть, интеллигенция перестает быть собой. Практика принятия политических решений предполагает компетенцию профессионально подготовленных политиков и управленцев, а не нравственно и идеологически ориентированных интеллигентов.

В январе 1994 г. и ноябре 2002 г. были проведены репрезентативные массовые опросы под руководством О.И. Шкаратана. Они охватили лишь представителей экономически активного населения. Согласно субъективной самооценке, считали себя высококвалифицированными профессионалами 8,2% респондентов в 1994 г. и 3,5% – в 2002 г. Профессионалами с высшим образованием были соответственно 18,6 и 14,3%¹⁶.

За 1990–2002 гг. высококвалифицированные профессионалы, судя по самооценке, подверглись нисходящей мобильности. Их общий удельный вес сократился с 3,8 до 3,4% респондентов. Свыше 1/2 опрошенных изменили свои позиции, причем баланс снизивших статус к повысившим – 3: 1.

Профессионалы с высшим образованием остались в целом стабильным слоем (14,2% респондентов), их нисходящая мобильность (по самооценке) уравновешивалась восходящей. Интеллигенция неоднородна по составу, статусу, интересам.

Институт комплексных социальных исследований РАН в 2003 г. провел опрос. По его итогам, интеллигенция составляет 15–17% респондентов. 45% интеллигенции работает в государственном секторе, 16% – на приватизированных и почти 23% – во вновь созданных частных фирмах. К верхнему слою среднего класса можно отнести около 35% опрошенных интеллигентов, которые имеют ежемесячный доход свыше 1 тыс. долл.¹⁷

Наибольший интерес представляет анкетный опрос, проведенный службой «РОМИР-Мониторинг» в конце 2004 – начале 2005 гг. Выборка из 15 тыс. чел. включала в себя 2800 жителей мегаполисов (городов с населением свыше 1 млн чел.), 1400 жителей крупных городов (от 500 до 1000 тыс. жителей), 2950 жителей средних городов, 2900 жителей малых городов, 5100 жителей деревень и посёлков городского типа.

По уровню дохода и образования управляющие и высококвалифицированные интеллектуалы, т.е. «белые воротнички», делятся на два слоя.

Первый из них (1,8% респондентов) – топ-менеджеры, владельцы частных малых предприятий и высококвалифицированные специалисты. Среди них весомо преобладают мужчины (68%). Это самая образованная группа респондентов: 63% из них имеют высшее образование, тогда как в группе интеллигенции таковых 48%. В данной группе высока склонность к самообразованию: 30% имеют второе высшее образование либо

окончили курсы повышения квалификации. У них самое «образованное» происхождение: родители 33% респондентов имеют высшее образование (в других слоях – не более 15% родителей). Большинство слоя топ-менеджеров и владельцев работает в малом и среднем бизнесе (менее 500 наемных работников на компанию). Они чаще всего живут в крупных, энергично развивающихся городах. Среди них преобладают адаптанты и «оптимисты»: 58% считают, что их положение улучшилось за последний год, а лишь 6% – что ухудшилось. 90% положительно относятся к предпринимателям и рыночной экономике.

«Белые воротнички-2» (5,4% респондентов) – менеджеры среднего звена, работники интеллектуального труда высокой и средней квалификации. Это вторая по уровню образования группа: 57% получили высшее образование, многие стремятся повышать квалификацию. Гендерный состав равновесный: по 50% мужчин и женщин. Они проживают в основном в успешно развивающихся городах. Заявленный уровень их доходов в 3 раза ниже, чем среди топ-менеджеров. Уровень адаптивности к постсоветской системе высокий: 76% полагают, что переход к рынку был нужен. 86% хорошо относятся к предпринимателям.

Интеллигенция в сумме достигла 15,5% респондентов опроса «РОМИР-Мониторинг». Она, так же, как и «белые воротнички», отчетливо делится на две подгруппы по статусу.

Первая, более обеспеченная подгруппа интеллигенции (10% респондентов) имела в начале 2005 г. заявленный личный доход 5600 руб., т.е. не отличалась от массовой подгруппы менеджеров. По профессии это педагоги, врачи, служащие. Среди них доминируют женщины (70%). Уровень образования высокий (почти 50% окончили вузы, 20% повышали квалификацию). Большинство из них проживают в успешных городах. Субъективная оценка своего экономического положения позитивна.

Мало отличаясь по вышеназванным показателям от менеджеров, квалифицированная интеллигенция слабее адаптирована к рынку труда. Только 27% группы считают, что легко найдет новую работу (среди топ-менеджеров таких 50%). Основная причина контраста – занятость интеллигентов в основном в госсекторе (66%), в том числе сфере образования (23% респондентов) и здравоохранения (13%). Сказывается также преобладание женщин, дискриминируемых в оплате и карьерном росте.

Массовый слой интеллигенции (5% респондентов) – прежде всего рядовые работники бюджетных отраслей госсектора: медсестры, учительницы начальных классов, воспитательницы детских садов и т.д.

В сравнении с высшим слоем интеллигенции этот слой менее образован (16% имеют высшее образование в сравнении с 57%). Среди них 75% заняты в госсекторе (62% в высшем слое). До-

минируют женщины (82%). Заявленный уровень доходов в 2,5 раз ниже, чем у высшего слоя интеллигенции (т.е. 2100 руб. в месяц). Они проживают в менее «успешных» городах. 24% слоя с удовольствием покинули бы свой город, 20% считают, что их населенный пункт приходит в упадок.

Вместе с тем низовой слой интеллигенции положительно относится к рынку: 61% считают переход к рынку необходимым, 89% хорошо относятся к предпринимателям.

По итогам исследования «РОМИР-Мониторинг», социальная структура общества в начале 2005 г. включала в себя пять страт. Они оцениваются не только по уровню доходов, но и по заявленным ценностям.

1. Верхний средний класс (19,9 %) – менеджеры, владельцы малых и средних предприятий, высококвалифицированные рабочие. В системе человеческих качеств выше всего ставят интеллект, трудолюбие, порядочность, волю.

Из ценностей доминирует свобода, понимаемая как свободный доступ к информации. Общественную справедливость трактуют как личные права и свободы.

2. Средний средний класс (15,5 %) включает в себя высший слой интеллигенции и квалифицированных рабочих. Причем ценности двух составляющих слоёв различаются. Для интеллигентов свобода, прежде всего, в праве открыто выражать мнение, а для рабочих – это возможность заниматься любимым делом.

Обе страты в совокупности (25,4 % респондентов) составляют средний класс быстро расширяющийся. Его представители ориентированы на достижение успеха, стремятся к личной свободе и богатству. Они ценят интеллект, трудолюбие и успех. В политическом аспекте они выступают за сильное государство, порядок и законность.

3. Верхний низший класс (9,1 % респондентов) неоднороден. Он включает в себя и низший слой интеллигентов (5 %), и учащихся (3,3 %) и рабочих (10,8 %). По своему менталитету первые две группы мало отличаются от среднего класса, но имеют пониженные доходы.

4. Средний низший класс (24,5 %) – неквалифицированные рабочие и служащие, неработающие.

5. Низший класс (31 %) – безработные, пенсионеры.

Анализируя статусные позиции и ценности в данной структуре, Т. Гурова отмечает парадокс: статус интеллигенции ниже, чем высококвалифицированных рабочих. Она полагает, что рабочие более настроены поддерживать рыночную экономику и иметь собственный бизнес, чем интеллигенты.

Степень зависимости от государства резко контрастирует по социально-квалификационным группам. Например, только 1,3 % руководителей и менеджеров высшего звена чувствуют большую зависимость, а среди квалифицированных работ-

ников интеллектуального труда таких 22,7%. Кстати, работники интеллектуального труда высшей квалификации гораздо ближе по уровню зависимости к руководителям и менеджерам среднего звена (соответственно 4,7 и 4,5 %).

Опрос, проведенный службой «РОМИР-Мониторинг» в начале 2005 г., охватил 1851 представителя интеллигенции. По итогам опроса, 1269 из них (2/3) отнесены к высшему слою по статусу, 582 – к низшему.

Демографический облик интеллигенции, по данному опросу, женский (на 72,8 % во всей группе). Малообеспеченный слой более феминизирован (82,0 % в равнении с 68,6 % женщин в высокооплачиваемом слое).

Уровень образования интеллигенции: преобладает высшее образование (38,3% всей совокупности) и среднее специальное (45,2%). Еще 6,4% респондентов имеют незаконченное высшее образование. Очевидны резкие различия в уровне образования между двумя слоями интеллигенции. Окончили вузы 48,5% высшего слоя и 16,4% низшего; имеют незаконченное высшее образование соответственно 5,3 и 8,9%; среднее специальное образование – 39,7 и 57,2%. Лишь 2% высшего слоя интеллигентов ограничились средним образованием, тогда как в низшем слое таковых 10,8%.

Судя по самооценке квалификационного статуса, большинство респондентов считают себя «квалифицированными работниками интеллектуального труда» (67,8 % всех опрошенных). 15,6 % назвали себя «малоквалифицированными работниками интеллектуального труда» (13,3 % высшего слоя и 20,6 % низшего слоя). На порядок меньше распространены самооценки «работник интеллектуального труда высшей квалификации» (6,4% всех респондентов, 8,1 – в высшем слое и 2,7 % – в низшем), а также «работник высококвалифицированного физического и умственного труда» (6,2 % всех опрошенных, 9 – высшего и 1,9% – низшего слоя).

Профессиональная специализация интеллигентов связана прежде всего со сферами образования (25 % всех респондентов), промышленности (11,6%), здравоохранения (10,2 %) и торговли (9,0 %). По понятным причинам эта принадлежность весьма диверсифицирована (23 варианта ответа).

Способствуют высокому субъективному статусу такие сферы деятельности, как промышленность (13,4% высшего имущественного слоя и 7,6% низшего), силовые ведомства (соответственно 5,4 и 3,4%), транспорт (5,2 и 1,7%), финансы и кредит (4,6 и 2,4 %), бытовое обслуживание (4,0 и 2,1%), строительство (3,2 и 2,1%), а также агробизнес, наука, компьютерное обслуживание.

Снижают субъективный статус респондентов такие области деятельности, как образование (23,2 % высшего слоя и 29,0 % – низшего),

здравоохранение (8,7 и 13,6%), органы государственного управления (3,9 и 3,3%), культура и искусство (2,8 и 5,0 %), а также связь, жилищно-коммунальное хозяйство, СМИ и реклама, органы юстиции, общественное питание.

Подавляющее большинство интеллигентов (95,7 % всей совокупности) работает по найму и лишь 2,5 % является предпринимателями, причем различий между двумя имущественными слоями по этому параметру нет. Тип профессиональной идентичности интеллигентов во многом связан с их занятостью в государственном секторе (69,2 % всей совокупности, 66,4 % высшего слоя респондентов и 75,4 % низшего слоя). Таким образом, занятость в госсекторе не стимулирует рост доходов респондентов.

Уровень заявленных доходов интеллигенции в целом характерен для «среднего среднего класса». 34,5 % всех опрошенных интеллигентов имели в начале 2005 г. заявленный доход от 3001 до 5000 руб. в месяц; 25,9 % – от 5001 до 10000 руб.; 21,6 % – от 2001 до 3000 руб. (прожиточный минимум на душу трудоспособного населения тогда составлял 2690 руб.) Имели заявленный доход ниже 3000 руб. в месяц 36,9 % интеллигентов, а свыше 10001 руб. – 2,8 %.

Очевидны четкие различия уровня доходов высшего и низшего слоёв интеллигенции. В высшем слое имели доход более 10001 руб. ежемесячно 4,0%, в низшем таких не было вовсе. Располагали доходом меньше 3000 руб. 10,3% высшего слоя и 94,7% низшего слоя. В сравнении по всем социальным группам респондентов имели доходы ниже 3000 руб. 49,6%, а выше 10001 руб. в мес. – 4,1%.

Субъективная оценка адаптации к рыночным условиям довольно высока среди интеллигентов (66,2% положительных и 26,6% отрицательных ответов), причём самооценка высшего и низшего слоёв различается незначительно.

Часть интеллигенции преобразовалась в новый правящий класс – политическую элиту. В итоге перемен интеллигенция раскололась на три новых слоя: 1) часть правящей элиты; 2) часть бизнес-элит; 3) слой в составе «новых бедных» (неимущих).

По мнению Т.В. Наумовой, внутри современной интеллигенции сложился высший слой, её элитарная часть. К ней относятся сравнительно обеспеченные профессионалы, интеллектуально обслуживающие правящую элиту, т.е. квалифицированные специалисты в области политических услуг, образования и науки. Этот слой выполняет важные политические функции: генерирует идеи, ставит проблемы, вырабатывает теории. Он остается по профессиональному статусу интеллигенцией, составляя базу поддержки правящего класса¹⁸.

В начале 1990-х гг. в правящую элиту рекрутировалась реформистски настроенная часть интеллигенции, в том числе выходцы из социальных низов. В основном это были представители

научной интеллигенции. Слой интеллигенции, интегрированный за последние 15 лет в правящую элиту, резко выделяется на фоне «массового» слоя интеллигенции уровнем доходов и высокими потребительскими стандартами. Это наиболее влиятельная и политически активная часть интеллигенции. Она вырабатывает и принимает ответственные решения, непосредственно осуществляет государственное управление. Именно этот слой распоряжается будущим страны.

Второй из высокостатусных слоёв внутри интеллигенции связан с бизнесом. Это собственники, сами руководящие принадлежащими им фирмами, а также топ-менеджеры.

Верхний слой среднего класса включает в себя небольшую часть квалифицированных специалистов, гуманитариев. Они в основном заняты в частном секторе экономики.

Все перечисленные слои интеллигенции легко адаптировались к трансформациям общества, выиграли не только в свободе мысли, но и по уровню жизни. Они достаточно оптимистично расценивают свои перспективы, равно как и будущее всей страны.

Напротив, подавляющая часть интеллигенции занята проблемами выживания. Для работников массовых профессий характерны невостребованность интеллектуального капитала и низкая оплата труда, поэтому данный слой не видит позитивных перемен, лишен доли прибыли от стабилизации общества. Значительная часть массовой интеллигенции не смогла адаптироваться к рынку и потому негативно относится к либеральным реформам.

О. Карпухин и Э. Макаревич вводят термин «интеллигенция массы», т.е. слой людей массовых профессий умственного труда, получивших высшее образование¹⁹. Эта группа аккумулирует интересы и ожидания; ориентируется на идеологические установки элитной интеллигенции и ретранслирует их на массы. «Интеллигенция массы» невостребована современной экономикой и ищет дополнительные заработки. Она не только лишена надлежащей доли в национальном доходе, но и вытеснена «на обочину» экономической активности. Однако некогда полученное образование, политические и профессиональные амбиции, сохраняются, т.е. они вступают в противоречие с реальным статусом интеллигентов.

О.И. Шкаратан критикует попытки априорно отнести всю интеллигенцию к среднему классу. Например, группа исследователей Бюро экономического анализа в 2000 г. отнесли по уровню образования к среднему классу от 20 до 40% занятого населения, а по профессиональной квалификации – от 35 до 45%²⁰. Те же авторы в более аргументированной монографии 2003 г. утверждают, что «ядро средних классов [России] представлено высокообразованным населением, сформировавшимся в семьях с хорошо образованными родителями, проживающими преимущественно в городах, активно включен-

ными в социальные коммуникации и имеющими для этого современные средства информационных технологий»²¹.

Но дело не только в процентном уровне. О.И. Шкаратан справедливо требует предпочесть функциональный подход, а не дескриптивный. В России средний класс, увы, более напоминает страны третьего мира по составу и функциям: это прежде всего мелкие предприниматели и менеджеры сервисных отраслей, инфраструктуры сырьевого бизнеса, банков; государственные и муниципальные служащие²².

В России еще слабо выражен новый средний класс – профессионалы и менеджеры, связанные с информационной экономикой, а также исследователи, врачи, преподаватели, т.е. производители инновационных знаний и технологий. По мнению О.И. Шкаратана, специалисты высшей и средней квалификации могли бы иметь шанс пополнить средний класс. Но их большая часть принадлежала в прошлом к «размытой межслоевой группе» – интеллигенции. Они находятся в весьма болезненном процессе вхождения в состав профессионалов. Но и это еще не средний класс, а лишь потенциальный «материал» для него.

Итак, в России за 1990–2000-е гг. сложилось общество, принципиально отличающееся от советского по характеру отношений между социальными группами и их составу. В советский период общественные отношения опосредовались государством. Ныне социальные группы более автономно строят отношения между собой.

Стратификационный подход к изучению интеллигенции позволяет определить сущность данной категории. Интеллигенция понимается нами как большая социальная группа, занятая в сфере высококвалифицированного умственного труда. Её основной функцией, позволяющей говорить о сохранении интеллигенции в России, является создание и распространение «символического капитала», коммуникация между элитами и массами. Интеллигенция сохраняет групповую идентичность.

Интерпретация итогов социологических опросов подтверждает, что интеллигенция может быть ограничена 13–15% респондентов. Они заняты, как правило, квалифицированным умственным трудом, имеют высшее или среднее специальное образование, относят себя к данной группе. По экономическому статусу интеллигенция неоднородна. Она включает в себя интеллектуальные элиты (часть «верхнего среднего» класса), «массовую» интеллигенцию («средний и низший средний» классы), а также малоимущие и маргинализованные слои. Элитная часть всей группы соотносится с остальными по численности примерно 1 : 3; имущественные группы отчетливо различаются по доходам и профессиям.

Качественные трансформации интеллигенции в 1990–2000-х гг. проявились в резком снижении политического статуса группы, в

утрате её государственно-зависимого и идеологизированного характера. Возросла сегментация интеллигенции по территориальному признаку (эффекты столичности и провинциальности), а также сегментация в зависимости от размеров населённых пунктов.

Наиболее системную интерпретацию статуса и мобильности группы можно провести по совокупности таких индикаторов, как уровень заявленных доходов, степень адаптации к новой социальной системе, субъективный статус, профессия, уровень и вид образования.

Примечания

- 1 См.: Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 20–22.
- 2 См.: Соколов В. Современная российская интеллигенция и российская ментальность // Государственная служба. 2006. № 4(42). С. 139–150; Нахушев В.Ш. Интеллигенция как сообщество пассионариев // Социс. 2006. № 6. С. 129–138.
- 3 Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3.
- 4 Моисеев Н.Н. Вехи – 2000: Заметки о русской интеллигенции кануна нового века // Дружба народов. 1999. № 3. С. 142.
- 5 Цит. по: Осинский И.Н., Добрынина М.И. Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков // Социс. 2002. № 1. С. 144.
- 6 См.: Орлов С.Б. Интеллигенция как мифологический феномен: историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 11. С. 51.
- 7 См.: Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России – исчерпание социальной роли // Социс. 2006. № 6. С. 138–146; Покровский Н.Е. Прощай, интеллигенция // На перепутье (Новые вехи): Сб. статей. М., 1999. С. 49.
- 8 Цит. по: Цапко М.С., Анисимов Р.И. Ценности и ценностные ориентации интеллигенции // Социс. 2006. № 9. С. 168.
- 9 См.: Попов Д.С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России. 2006. № 4. С. 62–64.
- 10 Беляева Л.А. Россия перед историческим выбором // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 61–66.
- 11 Осинский И.И., Добрынина М.И. Указ. соч. С. 143.
- 12 Там же. С. 144.
- 13 См.: Независимая газета. 2000. 19 сент.
- 14 См.: Рабочая сила. 2000. № 2 (март).
- 15 См.: Магарил С.А. Россия: государство и интеллигенция // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 279.
- 16 См.: Шкаратан О.И. Социальные реалии России начала 2000-х гг.: Предварительные итоги представительного опроса россиян // Мир России. 2003. № 2. С. 125–129.
- 17 См.: Чернов А. Люди, которых нет // Ведомости. 2004. 13 февр.

- ¹⁸ См.: *Наумова Т.В.* Социально-политические ориентации российской интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 35–40.
- ¹⁹ См.: *Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф.* О взаимодействии «новой» интеллигенции и интеллигенции массы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 77–79.
- ²⁰ См.: Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская и др. М., 2000. С. 178.
- ²¹ Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М., 2003. С. 269.
- ²² См.: *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. С. 180–181, 196–197.

УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены концептуальные основы и эволюция функциональности идеологического фактора в легитимации политической системы в 1990-е гг. и в современной России.

Ключевые слова: идеология, легитимация, партия, политическая система, функциональность идеологий, актуализированная идеология.

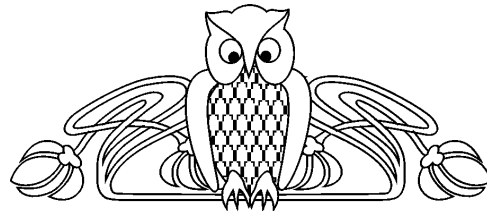
Ideological Factor of Political System Legitimation in Post-Soviet Russia

V.I. Golovchenko

The paper considers the conceptual principles and evolution of the ideological factor functionality in political system legitimation in Russia in the 1990ies and nowadays.

Key words: ideology, legitimacy, party, political system, functionality of ideologies, an actualized ideology.

Одной из важнейших инструментальных функций идеологий в обществе является легитимация существующей политической системы, ее основных институтов, механизмов и принципов функционирования. Ее сущность заключается в обосновании претензий на власть какой-либо политической силы (партии, общественно-политического движения, их отдельных представителей) и стремлении получить поддержку большинства граждан в данных претензиях с помощью информационно-коммуникационного воздействия. Идеологические концепты, оформленные в предвыборные платформы, за которые на выборах голосует большинство, формализуют социальную значимость данных претензий и легитимацию конкретного политического режима, усиливают государственную власть и соответственно увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований, повышают результативность принимаемых политических решений. Тем самым идеологии по-

зволяют разрешить диалектическое противоречие любой общественно-политической системы, заключающееся в удовлетворении двух важнейших объективных потребностей. С одной стороны, это потребность системы в постоянном обновлении и совершенствовании, в устранении различных социальных противоречий и конфликтных ситуаций, в постоянной адаптации к новым внутренним и внешним условиям. С другой – это потребность системы и общества в стабильности и преемственности своего развития.

В случае, если данное противоречие разрешить не удастся, происходит радикальный вариант реализации данной функции идеологии, заключающийся в обосновании необходимости замены политической системы на принципиально новую, основанную на иных ценностях и основаниях. Такой революционный переход был осуществлен в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. под знаменем борьбы с застойными явлениями социализма и необходимости его обновления, а затем на основе внедрения идей и ценностей либерализма.

Однако в 1990-е гг. разочарование значительной части российского населения в демократических социально-политических преобразованиях не привело к многоуровневой легитимации установившегося политического режима в постсоветской России. Формирование многопартийности, системы разделения властей, внедрение демократических процедур конкурентных выборов, политических прав и свобод, гласности и плюрализма не сопровождалось улучшением социально-экономического положения большинства российских граждан и поэтому не воспринимались как самодостаточные и социально значимые политические институты.

В результате недовольство людей политикой достигло такого масштаба, что поставило под вопрос все уровни легитимности существующей общественно-политической системы. Уровень персональной легитимности Президента на выборах 1996 г. удалось обеспечить только

- ¹⁸ См.: *Наумова Т.В.* Социально-политические ориентации российской интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 4. С. 35–40.
- ¹⁹ См.: *Карпухин О.И., Макаревич Э.Ф.* О взаимодействии «новой» интеллигенции и интеллигенции массы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 2. С. 77–79.
- ²⁰ См.: Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская и др. М., 2000. С. 178.
- ²¹ Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. Малевой. М., 2003. С. 269.
- ²² См.: *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. С. 180–181, 196–197.

УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрены концептуальные основы и эволюция функциональности идеологического фактора в легитимации политической системы в 1990-е гг. и в современной России.

Ключевые слова: идеология, легитимация, партия, политическая система, функциональность идеологий, актуализированная идеология.

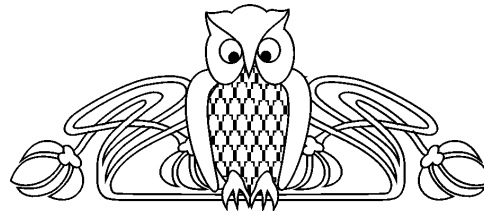
Ideological Factor of Political System Legitimation in Post-Soviet Russia

V.I. Golovchenko

The paper considers the conceptual principles and evolution of the ideological factor functionality in political system legitimation in Russia in the 1990ies and nowadays.

Key words: ideology, legitimacy, party, political system, functionality of ideologies, an actualized ideology.

Одной из важнейших инструментальных функций идеологий в обществе является легитимация существующей политической системы, ее основных институтов, механизмов и принципов функционирования. Ее сущность заключается в обосновании претензий на власть какой-либо политической силы (партии, общественно-политического движения, их отдельных представителей) и стремлении получить поддержку большинства граждан в данных претензиях с помощью информационно-коммуникационного воздействия. Идеологические концепты, оформленные в предвыборные платформы, за которые на выборах голосует большинство, формализуют социальную значимость данных претензий и легитимацию конкретного политического режима, усиливают государственную власть и соответственно увеличивают эффективность общественных и государственных преобразований, повышают результативность принимаемых политических решений. Тем самым идеологии по-

зволяют разрешить диалектическое противоречие любой общественно-политической системы, заключающееся в удовлетворении двух важнейших объективных потребностей. С одной стороны, это потребность системы в постоянном обновлении и совершенствовании, в устранении различных социальных противоречий и конфликтных ситуаций, в постоянной адаптации к новым внутренним и внешним условиям. С другой – это потребность системы и общества в стабильности и преемственности своего развития.

В случае, если данное противоречие разрешить не удастся, происходит радикальный вариант реализации данной функции идеологии, заключающийся в обосновании необходимости замены политической системы на принципиально новую, основанную на иных ценностях и основаниях. Такой революционный переход был осуществлен в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. под знаменем борьбы с застойными явлениями социализма и необходимости его обновления, а затем на основе внедрения идей и ценностей либерализма.

Однако в 1990-е гг. разочарование значительной части российского населения в демократических социально-политических преобразованиях не привело к многоуровневой легитимации установившегося политического режима в постсоветской России. Формирование многопартийности, системы разделения властей, внедрение демократических процедур конкурентных выборов, политических прав и свобод, гласности и плюрализма не сопровождалось улучшением социально-экономического положения большинства российских граждан и поэтому не воспринимались как самодостаточные и социально значимые политические институты.

В результате недовольство людей политикой достигло такого масштаба, что поставило под вопрос все уровни легитимности существующей общественно-политической системы. Уровень персональной легитимности Президента на выборах 1996 г. удалось обеспечить только

на очень короткий срок за счет невероятных информационно-коммуникационных усилий политтехнологов и использования огромных административных и экономических ресурсов. Идеологическая легитимность в этот период также была крайне низкой: ни одна из ведущих идеологий не могла претендовать на поддержку не только большинства населения, но и крупной социальной группы¹. Отсутствовала единая ценностная основа общества, линии социального размежевания были глубоки, а позиции сторон непримиримы. Структурная легитимность характеризовалась отсутствием доверия населения к значительной части политических институтов, норм и принципов их формирования и функционирования. Государственная дума никогда не имела высокого рейтинга доверия; политические партии и их лидеры разочаровывали популизмом и демагогией своих обещаний; выборы раздражали все усиливающимися грязными технологиями; СМИ и журналисты своей необъективностью и продажностью.

Если учесть, что происходило все это на фоне дезинтеграционных процессов в асимметричной федерации в многоконфессиональной и полиэтничной стране, то можно оценить всю глубину делегитимации политической системы России в данный период. Уже в середине 1990-х гг., фактически, возникла ситуация коллапса: социалистические ценности у большинства российских граждан были разрушены, а новые не внедрены. Плюрализм идеологий и отсутствие единого, идейно обоснованного вектора стратегического развития привели к пестроте и разнородности базового социокультурного основания политического развития России.

Прежде всего имело место заимствование западных идеологических систем, в той или иной степени адаптированных к российской действительности.

Во-вторых, осуществлялись попытки идеологической реинкарнации дореволюционных и эмигрантских политических концепций.

В-третьих, происходила идеологическая концептуализация на уровне партийных программ, ориентированных на корпоративные интересы отдельных социальных групп.

Наконец, продолжали занимать свою нишу и ретроспективные коммунистические идеологии, ставящие целью возвращение к различным моделям социалистического развития.

Наложение всего этого идеологического спектра на электоральные процессы не привело к его кристаллизации и идеологическому структурированию российского политического пространства. Главной причиной того, что идеологическая мотивация при голосовании не играла сколько-нибудь серьезной роли, стало использование манипуляционных технологий на выборах всех уровней. Популизм и демагогия, политическое краснбайство, использование «грязных»

технологических приемов на выборах (вплоть до фальсификации результатов) выхолостили идейно-мировоззренческую составляющую политической борьбы основных носителей идеологии в постсоветской России.

Партии не смогли реализовать свою идеологическую функцию и соответственно идентификационную и интегрирующую функции. В результате в условиях перманентного кризиса социально-экономических отношений 1990-х гг. в обществе широко проявились социальная аномия, безыдейность, распространение радикальных националистических и откровенно фашистских группировок. Эти негативные явления привели к тому, что среди общественно-политических деятелей и в научном политологическом сообществе вновь актуализировался вопрос о необходимости единой общенациональной идеологии для российского общества.

Мнения участников этой дискуссии разделились. Одни полагали, что в обществе, основанном на принципах политического и идейного плюрализма, никакой идеологии, претендующей на роль государственной, больше не должно быть. Напротив, приверженцы создания государственной идеологии усматривали и усматривают в ней важный инструмент консолидации российского общества, способ обретения нового качества.

Большинство российских теоретиков считали сохранение приоритетного положения идеологии основой развития политики, а соответственно и ее духовной сферы. По мнению исследователей, перед страной встала альтернатива: либо «поиск идеи, способной объединить людей вопреки тому, что составляет их своеобразие, в головах... идеологов», либо прорастание ее «из гражданского общества по мере его собственного созревания»².

Другая точка зрения представлена А.И. Соловьевым. По его мнению, при выборе любого из предлагаемых вариантов надо ориентироваться не на привлекательность умозрительных конструкций, а на его реалистичность как собственно политического проекта, предусматривающего наличие определенных сил, ресурсов, отношений в сфере власти. Политолог утверждал, что если предельно упростить нынешнюю логику политической эволюции, то можно увидеть, что политические усилия по созданию некоей модели демократии, гражданского общества и соответствующих ей *горизонтальных* связей сочетаются со строительством *вертикальных* отношений *массового общества*, так или иначе проникающего в нашу жизнь под влиянием новых технологических инструментов информационного общения, а также в связи с сейчас уже очевидной недостаточностью демократических механизмов для реализации разносторонних интересов граждан. Поэтому попытки активизировать политическое участие людей и другие принципы демократии на идейно-ценностной основе постоянно оспариваются сознательным производством имиджей,

направленных на усиление контроля верхов за массовым поведением в части поддержки того или иного проекта. А подобная ориентация предполагает уже не столько поиск наиболее действенных организационных структур демократии, сколько нахождение наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением; не укрепление национальной государственности, а усиление позиций государства как одного из субъектов информационного рынка в борьбе с внешними и внутренними контрагентами; не конструирование идеологий, а совершенствование технологий для поддержания диалогических связей политических акторов и т.д.³

С приходом к власти Президента В.В. Путина в данной дискуссии значительно усилился вектор позитивного отношения к общенациональной идеологии и ее роли в жизни общества. Администрация Президента РФ фактически выступила инициатором активизации идейно-теоретической работы в данной области, опередив партийных теоретиков и научное сообщество.

В результате, по мнению О.Ю. Малиновой, «политический пейзаж стал более монотонным, число площадок для политических дискуссий (или хотя бы их имитации) резко сократилось, а роль “идей” в политическом процессе свелась к легитимации официального курса и сугубо ритуальной демонстрации оппозиционности. Неудивительно, что исследовательский интерес к теме современных российских идеологий в последние годы заметно снизился»⁴.

На наш взгляд, это верно лишь отчасти, так как уменьшение академического интереса к теоретическим сюжетам компенсировалось актуализацией для политологического сообщества значения проблемы прикладной функциональности идеологий, переводом ее обсуждения в практическую плоскость⁵. Дискуссия по проблемам «суверенной демократии» как общенациональной идеологии является одним из свидетельств такого живого интереса⁶.

Например, по мнению М.А. Фадеичевой, «в стране, где установлена либеральная конституция, но либеральная идеология не является доминирующей, либеральные ценности – общепризнанными, а уровень электоральной поддержки либеральных партий настолько низок, что они не могут рассчитывать на представительство в высшем законодательном органе, неизбежно складывается особая идеологическая ситуация. Делегитимация действующей Конституции стимулирует поиски новой идеологии, более подходящей на роль “национальной идеи”»⁷.

При этом акцент делается именно на легитимирующей функции идеологии. Специфически российской проблемой является неадекватная «представленность» идеологий на разных операциональных уровнях. Принято считать, что идеология функционирует в виде политико-философских теорий, практических программ (в

частности, партийных) и представлений, абсорбированных массовым сознанием. Каждый из этих уровней играет свою роль в производстве, распространении и трансформации идеологии. В известном смысле можно сказать, что идеология существует именно как способ коммуникации между интеллектуальными и политическими элитами, а также между представителями этих элит и носителями соответствующих интересов в обществе. Главные творцы идеологий – интеллектуалы, участвующие в политике, и политики, умеющие манипулировать идеями⁸.

Для легитимации политической системы современной России особое значение имеет соотношение между актуализированным и теоретическим уровнями идеологии.

Сходство актуализированной («обыденной», «повседневной») идеологии и идеологии «специализированной» состоит в том, что и та, и другая используют механизмы легитимации. Под легитимацией понимается объяснение и оправдание институционального порядка, придание ему ценностно-нормативного характера. При этом легитимация связана не только с ценностями, но и «знанием»⁹. Легитимация, осуществляемая повседневным сознанием, предполагает определенное теоретизирование, которое обращено к ценностным представлениям, а «знания», используемые при легитимации, имеют мотивирующий характер.

Легитимация как раз направлена на то, чтобы частный интерес выглядел как общий, в той или иной степени массовый. Легитимация массовым сознанием каких-либо институциональных порядков не сводится к простому повинению. Легитимность порядка – это авторитетность, вера в его правомерность и справедливость, что, в свою очередь, предполагает абстрактные представления о правомерности и справедливости.

На наш взгляд, соотнесение актуализированных и институционализированных идеологий в обществе изменяется в разных социальных, временных и региональных условиях. Это значит, что политологический анализ ситуации предполагает не только характеристику содержания идеологических представлений, но и объяснение структуры актуализированной идеологии, причин и факторов ее конкретного проявления в данном месте в данный период времени. Необходимо учитывать, что идеологии, актуализированные в политической культуре большинства граждан, представляют собой не только теоретические идеологические конструкты, внедряемые в массовое сознание основными политическими акторами, но также являются результатом непосредственного столкновения с действительностью.

Поэтому значительную роль в формировании актуализированной идеологии, реализующей свои легитимирующие функции, играет деятельность государственных структур по созданию условий

для эффективного социально-экономического развития. В этой связи главной причиной успеха «идеологии» Путина представляется не ее теоретико-концептуальная завершенность, а использование простых и понятных каждому россиянину идеологием, подкрепленных определенными очевидными политическими действиями: стабильность – рост качества жизни – сплочение народов – патриотизм, державничество, самоуважение. Эта простая до примитивности схема использования идеологического фактора оказалась наиболее адекватной современному этапу развития России.

В силу существенной неоднородности, «расколотости» общественного сознания одна из главных задач современной российской государственной идеологической политики как на федеральном, так и на региональном уровнях – урегулирование социальных конфликтов, выработка идеологии межнационального согласия. Она предполагает использование базовых ценностей, присущих широким слоям населения, государственную поддержку идеологии на основе учета этих базовых ценностей и формирование концепции модернизации общества как движения по пути усвоения достижений научно-технического прогресса и более высокого современного «качества жизни».

Тем не менее с учетом стратегической перспективы, наиболее эффективным инструментом представляется конкурентная деятельность носителей различных идеологий, объединенных наличием единого ценностного фундамента и признанием конституционно закрепленных правил игры. При таком условии идеологии – мощное объединяющее средство, без которого любое государство разваливается, теряет свою монолитность. Отсутствие данной предпосылки во многом стало ключевой причиной, объясняющей отсутствие для российского населения массовой институциональной и идеологической легитимности властных структур, возглавляемых российскими реформаторами-либералами, и соответственно слабую электоральную их поддержку.

Особенно очевидно роль базовых общенациональных ценностей проявилась на выборах в декабре 2007 и марте 2008 г., когда «партия власти» и ее представители получили убедительную поддержку избирателей, а сторонники либераль-

ных идей были проигнорированы большинством электората¹⁰.

Вместе с тем нужно учитывать, что и новый Президент Российской Федерации и лидеры «партий власти» постоянно заявляют о своей приверженности базовым либеральным ценностям. Поэтому главным фактором для укрепления позиций либерализма в современной России, на наш взгляд, выступает стабилизация социально-экономической ситуации, которая постепенно создаст предпосылки для позитивного восприятия либеральных ценностей в политической культуре российских граждан и соответственно для укрепления политических позиций их носителей.

Примечания

- ¹ Исключение составляла КПРФ, хотя высокий уровень ее поддержки был обусловлен в большей степени протестными настроениями граждан, чем осознанной идеологической мотивацией.
- ² Алексеева Т.А., Капустин Б.Г., Пантин И.К. Перспективы интегративной идеологии // Полис. 1997. № 3. С. 18.
- ³ См.: Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. № 2. С. 19–20.
- ⁴ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007. № 1. С. 7–8.
- ⁵ Подробнее об этом см.: Головченко В.И., Головченко А.В. Идеологическое основание партийного спектра современной России // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 102–110.
- ⁶ См.: Поляков Л.В. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 59–68.
- ⁷ Фадеечева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // Полис. 2006. № 4. С. 54.
- ⁸ См.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 99.
- ⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995. С. 157.
- ¹⁰ Даже с учетом использования административного ресурса победа единороссов и «преемника» была неоспоримой, благодаря высокому рейтингу Президента В.В. Путина и его персональной легитимности.

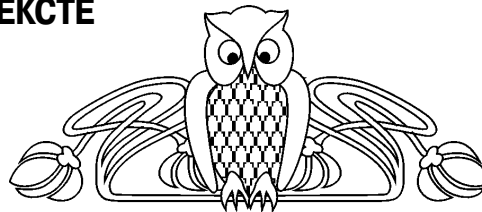

УДК 32:070:004.056

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МАСС-МЕДИА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены отдельные аспекты последствий значительного расширения технологических возможностей масс-медиа и их политической функциональности в контексте формирования политической культуры россиян. Представлено несколько типов «конструирования реальности» в телевизионных масс-медиа и рассмотрена их роль в политической социализации российских граждан.

Ключевые слова: политические технологии, функциональность масс-медиа, информационно-коммуникационные процессы, социокультурный фактор, «конструирование реальности», политическая социализация.

Mass Media Political Functionality in the Sociocultural Context of Modern Russia

A.V. Rossoshansky

The paper considers separate aspects of the consequences of significant expansion of the mass media technological opportunities and their political functionality within the context of political culture formation of the Russians. Some types of «designing reality» in TV mass media are presented and their role in political socialization of the Russian citizens is considered.

Key words: political technologies, mass-media functionality, information-communication processes, social-cultural factor, «constructing of a reality», political socialization.

Одной из важнейших проблем современности являются социокультурные последствия перехода к информационному обществу. Революционный технологический прорыв приводит к самым существенным социальным изменениям во всех областях общественной жизни. Однако их последствия не всегда и не во всем носят исключительно прогрессивный характер. С одной стороны, в результате достижений в области информационно-коммуникационных технологий произошло невиданное увеличение темпов прироста объема суммарных знаний человечества. Например, в 70-е гг. XX в. этот объем увеличивался вдвое один раз в 10 лет. В 80-е гг. – один раз в пять лет. С конца 90-х гг. объем знаний человечества удваивается практически каждый год¹. С другой стороны, по утверждению П. Вирилио, «трагедия познания, сделавшегося вдруг информационным, состоит в том, что технонаука, становясь массовой технокультурой, уже не ускоряет Историю, а

порождает лишенное всякого правдоподобия головокружительное ускорение реальности»².

Накопление больших массивов хаотичной, фрагментарной, сырой информации затрудняет оперативное принятие решений делового и личного характера. Обществу недостает продуктивных организационных форм и методов извлечения нужной информации, ее анализа и приведения в состояние, пригодное для употребления. Распад социальной реальности на фрагменты, который сопровождается отказом от общих социетальных ценностей, – концепция, которая присуща идеологии постмодерна. Например, А. Тоффлер считал, что это приведет в будущем к информационному шоку³.

По мнению А.Д. Елякова, возникает парадокс: «недостаток информации в условиях ее избытка»⁴. На наш взгляд, данный парадокс характерен и в контексте политической социализации и формирования политической культуры, когда видимое обилие политической информации не приводит к системному усвоению и пониманию большинством граждан правовых, институциональных и процессуальных основ политической жизни современной России. Кроме того, ведущие субъекты политики используют данный парадокс как одну из предпосылок для информационно-коммуникационных технологий манипулирования общественным мнением. Их алгоритм очень емко сформулировал Ж. Бодрийяр: навязывается «связное, групповое видение предметов как почти неразделимого целого, как цепи, которая в таком случае не является больше рядом простых предметов, но сцеплением значащих предметов в той мере, в какой они обозначают один другого в качестве суперпредмета, комплексного и вовлекающего потребителя в серию усложненных мотиваций»⁵.

Томпсон отмечает, что массовая коммуникация связана с символическими формами, которые продуцирует индустрия медиа. Поэтому возникновение и развитие масс-медиа может рассматриваться как глубинная непрерывная трансформация средств производства и циркуляция символических форм в современных обществах. Именно это содержание ученый вкладывает в понятие «медиазации современной культуры»: «нашу культуру в качестве “современной”, современной, определяет невозвратная и все большая углубленность про-

изводства и циркуляции символических форм в опосредствованные процессы комодификации и передачи информации»⁶.

Формирование политической культуры все более зависит от взаимодействия двух противоречивых тенденций, которые констатируют теоретики коммуникативистики в функционировании основных субъектов современного информационно-коммуникационного пространства. Суть этих тенденций состоит в том, что имеет место «одновременное развитие чрезвычайной социальной зависимости и акцентированной индивидуализации»⁷. Одной из важнейших причин сложившейся ситуации выступает изменение функциональности масс-медиа, в том числе и в отношении политической реальности. По мнению немецкого исследователя У. Бека, «тайна электронных масс-медиа кроется в их *принципиально* мобилизующем и тем самым в *потенциально* политическом моменте. Электронная коммуникация делает возможным то, что было немислимо прежде: активное, одновременное и взаимное установление контакта между отдельными личностями поверх всех границ между странами, религиями и континентами. Нет смысла заклинать прекрасный новый мир масс-медиа, но нельзя упускать из виду и предоставляемых им политических шансов»⁸.

Стержневой проблемой выступает понимание места и роли масс-медиа в конструировании социальной и политической реальности. Большинство исследователей оценивают масс-медиа не просто как «четвертую власть», но подчеркивают их определяющую инструментальную роль в формировании социокультурных отношений. Всеохватывающие процессы глобализации сопровождаются проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и сообществ. Зарождающееся информационное общество строится таким образом, что именно сбор, анализ и передача необходимой информации становятся «фундаментальными источниками производительности и власти»⁹.

Различия в оценках и в характере степени данного влияния, на наш взгляд, лишь подчеркивают признание его многовекторности и социальной тотальности. Свидетельством выступает многообразие используемого понятийного ряда: «виртуальная реальность», «симулякры», «телемир», «общество спектакля», «культурная индустрия», «информационные войны», «производство согласия», «имиджевые технологии» и т.п. Данные определения свидетельствуют не просто о расширении инструментального характера масс-медиа, но об усилении манипуляционного начала в их деятельности и о нарастании целенаправленного конструирования в восприятии большинством населения «псевдорéalности».

Наглядным примером может служить информационная война американских масс-медиа, раз-

вернутая против России в ходе конфликта между Грузией и Южной Осетией. Замалчивание фактов, односторонняя подача информации, ее целенаправленная интерпретация, откровенная ложь¹⁰ привели к тому, что общественное мнение в США «черное» воспринимало за «белое», и наоборот: агрессию Грузии против южноосетинского народа просто не заметили, а действия России по защите своих миротворцев и гражданского населения оценили как агрессию. Западные европейские СМИ хотя бы говорили о «неадекватности» российской реакции, косвенно изначально признавая факт грузинского нападения.

Степень отдаленности фиктивной реальности от реальной различна и в значительной степени зависит от характера и форм передач, используемых масс-медиа, ориентированных на удовлетворение информационных потребностей граждан различного рода. По мнению Д.В. Афанасьева¹¹, можно выделить несколько моделей конструирования реальности в телевизионных масс-медиа (по степени отдаления от реальности). Несмотря на развлекательный характер многих из них, на наш взгляд, большинство моделей прямо или косвенно реализуют, в том числе и политическую, функциональность¹².

1. «Реальное ТВ» (ТВ «реального времени») представляет новости глазами очевидца (реальные действия пожарных, скорой помощи, милиции и т.д., сопровождаемые камерой, когда возможно – в прямом эфире; съемки скрытой камерой, мобильным телефоном, любительские съемки). Важнейшие политические функции данной модели заключаются в демонстрации оперативности данного канала масс-медиа в предоставлении важнейшей информации, в том числе и о различных политических событиях. Прямая передача выступлений государственных руководителей различного уровня, политических лидеров партий, информация с заседаний, совещаний, съездов, круглых столов, видеоряды с политических митингов, демонстраций и т.п. должны убедить граждан в том, что они получают достоверную и неискаженную информацию о событиях глазами журналистов-очевидцев. Кроме того, данная модель должна также свидетельствовать не только об объективности конкретного канала масс-медиа, но и о прозрачности политических процессов в стране, о демократичности общественных отношений, об открытости политической системы в целом. Тем самым реализуется важнейшая функция институциональной, идеологической и персонализированной легитимации существующего режима.

2. «Традиционная информационная журналистика» (освещение событий в мире с короткой задержкой во времени). Здесь конструирование реальности происходит прежде всего за счет выстраивания особого ракурса на событие с помощью целенаправленного отбора информации, а также за счет ее интерпретации журналистами

и аналитиками. Микширование информации и мнения об этой информации выступает главным средством формирования заданного общественного мнения в восприятии реальности. В условиях плюрализма СМИ у граждан есть возможность сравнивать различные точки зрения на события, дискуссионные их оценки, аргументы сторон¹³. Однако сама по себе конкуренция информационных каналов не снимает проблему навязывания позиций и поведенческих установок индивидов, в том числе и в политической жизни.

Кроме того, и первая и вторая модели выполняют важнейшую политическую функцию по формированию «повестки дня», выстраиванию информации о политических событиях в определенную систему на основе ее ранжирования по степени значимости и злободневности. В результате формируется степень актуальности ее восприятия в массовом сознании и соответствующие целенаправленно конструируемые изменения в общественном мнении по различным текущим политическим вопросам.

3. Аналитические программы («Времена», «Герой дня», в ГТРК Саратов, например, программа «Национальный интерес»). Главный функциональный их смысл заключается в том, чтобы подкрепить формируемое общественное мнение о важнейших политических событиях с помощью научных аргументов специалистов и экспертов в данных вопросах. Внедряемые в массовое сознание политические ценности и представления получают тем самым объективированный характер в силу их «правильности», «логичности», «закономерности», «системности». Происходит своего рода «научная легитимация» ведущих идеологий (либо единой идеологии), ключевых политических институтов и механизмов их функционирования, принимаемых и реализуемых конкретных программ и решений в различных областях общественной жизни.

4. Дискуссионные передачи («Взгляд», «Час пик», «К барьеру», «Момент истины» и др.). Политическая функциональность данных передач состоит в демонстрации плюралистичности и демократичности информационно-коммуникационного пространства современной России и соответственно многомерности политической субъектности. В результате в политической культуре современных россиян формируются представления о персонализированной возможности иметь свое собственное мнение и публично его отстаивать. Кроме того, внедряется представление о конкурентности российской политической жизни и наличии возможностей критиковать существующие государственные институты, принимаемые ими решения и результаты деятельности. Например, В.В. Жириновский высоко оценивается его сторонниками прежде всего за способность «рубнуть правду-матку» и критиковать любого политика.

5. «Программы изображаемой реальности» («простые люди» либо актеры в контексте поставленного, но имитирующего реальность действия. Примеры: «Дом», «Последний герой», «Суд идет» и др.). Социализационный потенциал данных передач достаточно высок, но его воспитательный вектор и последствия, к сожалению, весьма противоречивы. Например, все передачи, имитирующие процедуру судебного разбирательства, выполняя ценностно-регулирующую функцию, в конечном итоге существенно повышают правовую культуру российских граждан и уровень доверия к этому важнейшему социальному институту. Другой пример – передачи типа «За стеклом», «Дом», которые приводят к резкому размежеванию телеаудитории и формированию особой молодежной социокультурной среды, нередко вступающей в противоречия с общепринятыми нормами и правилами поведения.

6. «Псевдожурналистика». Сочиненные интервью, постановочная (по сути игровая) «документалистика», смонтированный «компромат» и т.д. Особенно активно используются в ходе избирательных кампаний для реализации различных информационно-коммуникационных технологий формирования имиджа и контримиджа. Конструируемая с их помощью политическая «реальность» и «образы» имеют особую опасность, так как выступают важнейшими мотивами голосования на выборах с целью создания системы политического представительства разнообразных интересов граждан. Последующее разочарование деятельностью «народных избранников», избранных на основе подобных технологий, приводит нередко к росту недоверия к политическим институтам и демократическим процедурам в целом. Более того, неумеренное и явное использование данной модели приводит к падению авторитета и самих масс-медиа в силу их явной политической ангажированности. Наиболее ярким примером может служить информационная война С. Доренко против Ю.М. Лужкова и Е.М. Примакова.

7. Классические развлекательные форматы (ежедневные сериалы, игровые фильмы и т.д.). Телевизионные фильмы и сериалы представляют собой одно из эффективных средств политической социализации, внедряя в массовое сознание образцы социального поведения. Главное преимущество их перед другими формами воздействия заключается в том, что они обращены к эмоциональной сфере индивидов, к их чувствам и разнообразным интересам, приоткрывая тем самым внутренние каналы для восприятия политической информации, для формирования нужных установок в отношении к политическим институтам и политическим ценностям.

Предложенный набор моделей конструирования социально-политической реальности включает лишь основные журналистские и развлекательные формы репрезентации действительности и ее интерпретации.

Большинство данных передач создает эффект «соучастия» и «соприсутствия» для всех российских граждан. Достигается он чаще всего присутствием зрителей в телевизионной студии и предоставляемой возможностью для них высказать свое мнение и отношение к обсуждаемым проблемам. Большую роль играет также стремление вовлечь телезрителей в интерактивное голосование с помощью телефонных звонков. Тем самым граждане втягиваются в заочный диалог на стороне одного из участников. Позиция и аргументы участников дискуссий после телефонного голосования начинают восприниматься индивидами как свои собственные, эмоционально переживаемые. Кроме того, у граждан вырабатывается убеждение, что от их голоса зависит укрепление той позиции, которую они разделяют и поддерживают. В результате создается «псевдо-реальность» на основе «псевдоучастия» зрителей в важнейших политических событиях. С их помощью формируется имитация активистской политической культуры, реализуемой гражданами в удобном кресле перед телевизором, в уютной домашней обстановке, без необходимости серьезных затрат времени, волевых усилий и иных личных ресурсов.

Однако даже такое «псевдоучастие» сопровождается определенным выполнением ключевой функции социальной и политической идентификации граждан и является важнейшей предпосылкой для реализации социально-организационной функции по объединению людей как в рамках различных общественных образований, так и страны в целом. Без нее невозможно осуществить патриотическое воспитание и политическую идентификацию граждан и обеспечить интеграцию такого сложного полиэтничного и поликонфессионального российского общества в условиях острой конкурентной борьбы и жесткого противостояния России на мировой арене.

УДК 327.7

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

А.А. Горбунов

Гуманитарный институт Московского государственного университета путей сообщения, директор
E-mail: jurid@info.gu.ru

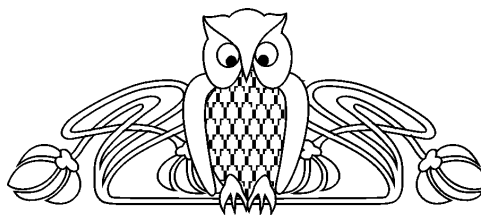
В статье представлен развернутый анализ общих тенденций и проблем самоопределения России как демократического государства и государства с длительной исторической традицией в глобализующемся мире. Система глобальных вызовов российской геополитической стратегии исследуется в аспекте влияния на эту стратегию состояния системы внутривнутрироссийских и международных коммуникаций.

Ключевые слова: глобализация, демократизация, геополитическая стратегия, цивилизационные вызовы, международные коммуникации, политические отношения.

© А.А. Горбунов, 2008

Примечания

- 1 См.: Поляков Ю.А. Информационная безопасность и средства массовой информации. М., 2004. С. 76.
- 2 Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 11.
- 3 Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. 464 с.
- 4 Еляков А.Д. Современная информационная революция // Социс. 2003. № 10. С. 30.
- 5 Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М., 2006. С. 7.
- 6 Thompson J. The Media and Modernity. Theory of the Media. Stanford University Press, 1995. P. 171.
- 7 Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005. С. 9.
- 8 Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 183–184.
- 9 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 48.
- 10 Например, сюжеты российских телевизионных каналов об обстреле грузинской армией с помощью «Градов» городских кварталов Цхинвала использовались американскими СМИ для демонстрации «агрессии» России против мирных жителей Грузии.
- 11 См.: Афанасьев Д.В. Конструирование реальности силами медиа: все больше и больше // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й междунар. конф. РКА «Коммуникация-2008». М., 2008. С. 112–113.
- 12 Используя идею Д.В. Афанасьева, мы предлагаем свою собственную интерпретацию функциональности информационно-коммуникационных моделей, используемых телевизионных масс-медиа. Как и большинство типологий, данная иерархия аналитических моделей носит условный характер в связи со сложным, многоуровневым и многофункциональным характером любой телевизионной передачи.
- 13 Особенно большие возможности здесь возникают в связи с распространением коммуникационных технологий Интернета.

Russia in the System of Global Social Coordinates

A.A. Gorbunov

Detailed analysis of general trends and problems of self-determination of Russia as a democratic state and a state with long historical tradition in the globalizing world is given. The system of global challenges to the Russian geopolitical strategy is investigated concerning how this strategy is influenced by the condition of the system of intra-Russian and international communications.

Большинство данных передач создает эффект «соучастия» и «соприсутствия» для всех российских граждан. Достигается он чаще всего присутствием зрителей в телевизионной студии и предоставляемой возможностью для них высказать свое мнение и отношение к обсуждаемым проблемам. Большую роль играет также стремление вовлечь телезрителей в интерактивное голосование с помощью телефонных звонков. Тем самым граждане втягиваются в заочный диалог на стороне одного из участников. Позиция и аргументы участников дискуссий после телефонного голосования начинают восприниматься индивидами как свои собственные, эмоционально переживаемые. Кроме того, у граждан вырабатывается убеждение, что от их голоса зависит укрепление той позиции, которую они разделяют и поддерживают. В результате создается «псевдо-реальность» на основе «псевдоучастия» зрителей в важнейших политических событиях. С их помощью формируется имитация активистской политической культуры, реализуемой гражданами в удобном кресле перед телевизором, в уютной домашней обстановке, без необходимости серьезных затрат времени, волевых усилий и иных личных ресурсов.

Однако даже такое «псевдоучастие» сопровождается определенным выполнением ключевой функции социальной и политической идентификации граждан и является важнейшей предпосылкой для реализации социально-организационной функции по объединению людей как в рамках различных общественных образований, так и страны в целом. Без нее невозможно осуществить патриотическое воспитание и политическую идентификацию граждан и обеспечить интеграцию такого сложного полиэтничного и поликонфессионального российского общества в условиях острой конкурентной борьбы и жесткого противостояния России на мировой арене.

УДК 327.7

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КООРДИНАТ

А.А. Горбунов

Гуманитарный институт Московского государственного университета путей сообщения, директор
E-mail: jurid@info.gu.ru

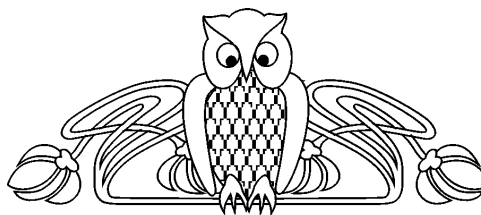
В статье представлен развернутый анализ общих тенденций и проблем самоопределения России как демократического государства и государства с длительной исторической традицией в глобализующемся мире. Система глобальных вызовов российской геополитической стратегии исследуется в аспекте влияния на эту стратегию состояния системы внутривнутрироссийских и международных коммуникаций.

Ключевые слова: глобализация, демократизация, геополитическая стратегия, цивилизационные вызовы, международные коммуникации, политические отношения.

© А.А. Горбунов, 2008

Примечания

- 1 См.: Поляков Ю.А. Информационная безопасность и средства массовой информации. М., 2004. С. 76.
- 2 Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 11.
- 3 Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. 464 с.
- 4 Еляков А.Д. Современная информационная революция // Социс. 2003. № 10. С. 30.
- 5 Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М., 2006. С. 7.
- 6 Thompson J. The Media and Modernity. Theory of the Media. Stanford University Press, 1995. P. 171.
- 7 Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005. С. 9.
- 8 Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 183–184.
- 9 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 48.
- 10 Например, сюжеты российских телевизионных каналов об обстреле грузинской армией с помощью «Градов» городских кварталов Цхинвала использовались американскими СМИ для демонстрации «агрессии» России против мирных жителей Грузии.
- 11 См.: Афанасьев Д.В. Конструирование реальности силами медиа: все больше и больше // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й междунар. конф. РКА «Коммуникация-2008». М., 2008. С. 112–113.
- 12 Используя идею Д.В. Афанасьева, мы предлагаем свою собственную интерпретацию функциональности информационно-коммуникационных моделей, используемых телевизионных масс-медиа. Как и большинство типологий, данная иерархия аналитических моделей носит условный характер в связи со сложным, многоуровневым и многофункциональным характером любой телевизионной передачи.
- 13 Особенно большие возможности здесь возникают в связи с распространением коммуникационных технологий Интернета.

Russia in the System of Global Social Coordinates

A.A. Gorbunov

Detailed analysis of general trends and problems of self-determination of Russia as a democratic state and a state with long historical tradition in the globalizing world is given. The system of global challenges to the Russian geopolitical strategy is investigated concerning how this strategy is influenced by the condition of the system of intra-Russian and international communications.

Key words: globalization, democratization, geopolitical strategy, challenges of civilization, international communication, political relationships.

С геостратегической точки зрения Россия отождествляется с самой Евразией, объединяет евразийский Запад и евразийский Восток, являясь самостоятельным, особым геополитическим организмом.

«Особое географическое положение России предопределило и уникальность геополитического положения Российской Федерации. Занимая центральную часть Евразийского континента, Россия объективно играет роль геополитического моста и посредника в отношениях между странами Запада и Востока, – отмечает академик В.И. Жуков. – Её одновременное присутствие в Европе и Азии влияет на содержание социальных, экономических, политических, военных и культурных процессов в данных частях света. Занимая огромное пространство, имея выходы к морям, используя большую территорию для международного транзита, а также обладая системой космической, воздушной, морской навигации, Россия владеет уникальными возможностями для активного и эффективного участия в международной интеграции и воздействия на глобальные политические процессы и жизнь планеты в целом»¹.

Самой историей России отведена роль атланта мирового цивилизованного равновесия между Западом и Востоком. Ослабленная, раздробленная на части, она не сможет выполнить роль мирового силового барьера. Подобно волнам цунами геополитический дисбаланс станет распространяться по всем направлениям на внешний мир, сметая на своем пути не только государства, но и народы. Эту проблему обстоятельно исследовал в свое время русский философ И. Ильин. Для восстановления функции равновесия надо не осуществлять политику «вестернизации» России, а создавать евразийско-азиатский союз. Во внутренней политике это было бы сплочение тех стран СНГ, которые этого хотят, во внешней – преодоление односторонней ориентации, смена её на балансируемое равноудаление при опоре на свои силы.

Исчезновение с мировой арены стабильного и сложного Советского Союза, являвшегося естественным геополитическим наследником Российской империи, непоправимо исказило «силовое поле» международных отношений, позволявших удерживать мировую политику в русле эволюционного, предсказуемого развития. Парадоксально, но факт – в результате развала СССР западная цивилизация не получила ожидаемого эффекта: она оказалась вследствие крушения биполярного мира лицом к лицу со сложнейшими мировыми проблемами. С.Н. Бабурин прав в своем утверждении: «Американцы, наконец, поплатились за свою жадность в 1990–1992 годах: если бы они не перешли в тот момент с вложения серьезных средств в разрушение СССР на разграбление по-

лученной под свой контроль страны, а вложили бы 100–200 млрд. долларов в формирование новой российской экономики, в подъем жизненного уровня основной части населения – они закрепили бы у нас существование паразитического строя, они победили бы на 100–200 лет»².

Развал СССР для России означал потерю всех бывших союзников и свертывание сотрудничества с большей частью доброжелательных партнеров как экономических, так и политических; резкое снижение уровня национальной безопасности по всем важнейшим параметрам: военным, политическим, экономическим идеологическим; стратегическую, дестабилизацию огромного географического пространства: от Прибалтики до Кавказа, от Кишинева до Душанбе.

Грозным эхом отозвалось крушение союзной государственности по всему миру. Опасный кризис в зоне Персидского залива (военные действия США против Ирака), раздел Югославии, интервенция в Сомали, расширяющиеся экспансионистские претензии НАТО, постепенное превращение ООН и других международных организаций в инструмент имперской политики Запада, серьезное ущемление интересов развивающихся государств, пожары межнациональных конфликтов на территории бывших союзных республик – таков далеко не полный перечень последствий развала СССР.

Существенные изменения, связанные с распадом СССР, возникновением на его территории целого ряда независимых государств, социально-экономическими и политическими преобразованиями в странах Восточной Европы, перестройкой международных отношений в сторону разрядки напряженности и утверждения доверия между ведущими странами мира, поставили перед Россией множество принципиально новых проблем. В первую очередь они связаны с тем, что Россия теперь является не одной, хотя и самой крупной и мощной, из составных частей Союза, а суверенным государством, правопреемницей бывшего СССР. В результате этого она стала субъектом международного права, самостоятельно осуществляющим внешнюю политику и несущим ответственность за выполнение ранее подписанных Советским Союзом договоров. В связи с развалом СССР для России возникли задачи, связанные с поиском, установлением и развитием добрососедских отношений со странами ближнего зарубежья – Содружеством Независимых Государств, составной частью которого она сама является. Россия заинтересована в политической стабильности во вновь возникших государствах и стремится, если к ней обращаются с просьбой, помочь им в разрешении внутренних конфликтов (например, Грузия, Таджикистан). Политическая стабильность в странах ближнего зарубежья является важным условием стабильности на границах России и отвечает ее национально-государственным интересам.

Россия, как и другие страны Содружества, объективно заинтересована в развитии взаимовы-

годных экономических связей. Это обстоятельство объясняется прежде всего тем, что ныне независимые страны в прошлом, когда они существовали как союзные республики СССР развивались на основе специализации и кооперации производства. Развал Союза привел к полному нарушению экономической интеграции, ставшему одной из самых важных причин резкого общего упадка производства всех стран Содружества. Восстановление итерационных связей сыграло бы важную роль в развитии их экономики, укреплении доверия и дружбы между ними.

Говоря о важности налаживания должных отношений между Россией и другими странами СНГ, нельзя игнорировать нерешенные проблемы, в числе которых на первое место выступает территориальный вопрос. В связи с развалом СССР, который был основан на порою непродуманно прочерченных границах между республиками, а также нелепых передачах части территории одной республики другой (последнее в значительной мере объясняется и тем, что территории республик в условиях фактически унитарного государства, каким был СССР, воспринимались формально), возникли взаимные претензии. Не миновали они и Россию. Свидетельством тому являются проблемы Крыма, некоторых территорий в районе Прибалтики. Существуют и другие проблемы, связанные, например, с разделом имущества, ранее принадлежавшего Советскому Союзу.

Первостепенной важности задачей внешней политики России является установление и поддержание нормальных, доверительных отношений со странами Запада. Решение этой задачи в прошлом было осложнено наличием биполярной системы международных отношений, с одной стороны, военно-политического блока НАТО, а с другой – Организации Варшавского договора. Наряду с этими блоками существовали Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»), объединившее целый ряд развитых капиталистических стран Европы, и Совет экономической взаимопомощи – межгосударственная экономическая организация социалистических стран. Все попытки договориться о ликвидации военно-политических блоков или, по крайней мере, о роспуске их военных формирований ни к чему не привели. Не были реализованы и предпринимавшиеся усилия к сотрудничеству вышеназванных экономических организаций. Благоприятному, отвечающему интересам всех стран, решению вопросов мешала конфронтация, подогреваемая соответствующей идеологической деятельностью, осуществляемой с обеих сторон на государственном уровне.

Преобразования в России и странах Восточной Европы привели к ликвидации биполярной системы международных отношений. Это произошло в результате самороспуска Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи. Бывшие союзники СССР быстро сориентировались на Запад, проявив особую ак-

тивную на предмет вступления в НАТО, Совет Европы и «Общий рынок». В результате возникла не лучшая для России ситуация оказаться в изоляции. Эта опасность дала о себе знать в ходе предпринимавших усилий НАТО пополнить свои ряды за счет стран Восточной Европы и таким образом распространить свою сферу деятельности на территорию, граничащую с Россией. Она проявилась и в расхождении мнений о том, должна ли российская группа войск, дислоцированная в Боснии и Косово, быть самостоятельной боевой единицей или находиться под командованием НАТО.

Эти разногласия говорят со всей очевидностью о наличии разных точек зрения, которые нельзя игнорировать. Неадекватность суждений не должна стать причиной обострения отношений между Россией и Западом. В нынешних условиях есть все необходимое для того, чтобы решить общие проблемы путем переговоров, не допуская силовых методов убеждения.

Внешняя политика России в настоящее время должна быть сориентирована на то, чтобы избежать изоляции, включиться в мировое сообщество в качестве суверенной, уважающей себя державы, содействовать обеспечению такого мирового порядка и своего участия в нем, которые способствовали бы повышению международного авторитета страны и создавали бы наилучшие условия для решения её внутренних задач. Россия должна занять достойное место в системе международных отношений, основанных на равенстве сторон, взаимном уважении, взаимовыгодном сотрудничестве, на праве каждой страны отстаивать свои национальные интересы и при этом не игнорировать интересы других стран.

Наряду с защитой своих сугубо национальных интересов, Россия должна принимать активное участие в решении глобальных проблем современности, одинаково важных для населения всех стран мира. Участвуя в решении этих проблем, Россия также борется за обеспечение своих национальных интересов, составляющих часть общечеловеческих интересов.

В решении задач консолидации мирового сообщества важнейшее место занимает Европа, которая не раз была очагом кровопролитных войн, центром конфронтации двух общественных систем в послевоенные годы и которая в настоящее время остается узлом мировой политики. Не случайно поэтому в последнее время, связанное с перестройкой международных отношений, руководители ведущих стран не раз обращали внимание на необходимость создания «общеевропейского дома», «целостной и свободной Европы», конфедерации европейских государств от Атлантики до Урала.

Большую роль в осуществлении этого дела призвана сыграть Россия как связующее звено между Западом и Востоком. Но выполнить эту роль она сможет лишь при условии успешного решения ею задач внутреннего социально-

экономического развития, преодоления конфликтных ситуаций на своей территории, консолидации общества, то есть всего того, что позволяет обеспечить укрепление ее силы и могущества.

Основой внешнеполитической концепции России может быть лишь идея национального интереса. Уже теоретически и практически доказано, что геополитическая стабильность на планете может обеспечиваться только балансом национально-государственных интересов различных стран. Тесная взаимосвязь и взаимозависимость современного мира не позволяет проводить политику национального эгоизма (как и национального нигилизма). Такие крайности нарушают баланс сил на планете.

Таким образом, несомненно, что внешняя политика России призвана быть важнейшим средством возрождения России в ее былом статусе великой державы, обеспечить достойное место в мировом сообществе.

В оценках геополитического и международного положения России, как правило, исследователи отмечали и продолжают отмечать специфичность отношений страны с её ближайшими соседями, в частности, с Европой. С одной стороны, её культурную близость с Европой, а с другой – объективную специфичность, обусловленную в числе прочего её географическим положением, огромной территорией, а также культурно-историческим наследием. Кроме того, на оценки исследователей-геополитиков, политологов существенно повлияли изменения, произошедшие в Евразии за 90-е гг. XX в. Разрушение прежнего равновесия, длившегося почти 50 лет (с 1945 по 1992 г.), повлекло за собой кризис политической идентичности как в Европе, так и в России. Но в России на этот кризис накладывается другой, связанный с развалом СССР – кризис геополитический. Практически и теоретически она становится континентальной державой, имеющей ограниченные выходы к Черному и Балтийскому морям и отдаленной от Центральной Европы поясом независимых государств ближнего и среднего зарубежья. Сложившаяся геополитическая ситуация ставит Россию в положение региональной державы с ограниченными международными возможностями.

Страна оказалась перед необходимостью выбирать из небольшого числа вариантов: стать «другой Европой», пассивным придатком, адептом Запада, вновь ли попытаться превратиться в Третий Рим и настойчиво и энергично продвигать свои теоретические идеи на Запад или взять на вооружение «неоконсервативный» подход, предполагающий смещение центра России в восточные регионы. Ориентация на Запад, по А. Панарину, обрекает страну на деиндустриализацию.

Радикальные реформаторы России ориентируются на Запад. Современный «торговый строй», созданный на Западе – идеал для радикал-

либералов. Их не интересуют такие понятия, как история народа, государства, геополитические интересы России, ценностные установки и ориентации народов, проживающих на территории страны. Не принимается ими во внимание, что ценности во многом не совпадают с ценностями народов Запада, в частности, коллективизм в противовес принципу индивидуализма, социальная справедливость в противовес «каждый против каждого» и т.д., не принимается во внимание и система религиозно-нравственных ориентиров народов России и Запада.

Лидеры этого течения на первое место ставят материальные потребности и систему рыночных отношений. Их главное желание – соорудить на территории нынешней России новое историческое общество, живущее в системе тех экономических, политических, духовных координат, на которых живет Запад.

Во второй половине 90-х гг. в России сформировалось ложное национально ориентированное течение, связанное с защитой национальных интересов страны. О силе его влияния говорят многие факты из политической, экономической, духовной жизни страны. Национальные интересы России должны стоять выше сиюминутных интересов многих политических деятелей РФ. Кроме того, необходимо обязательно избавиться от пагубного влияния внешних сил на политику (внутреннюю и внешнюю) страны.

«Как уже неоднократно отмечалось, – пишет В.И. Жуков, – наряду с искренним сочувствием и помощью России в осуществлении преобразований, отчетливо просматривается стремление определенных сил использовать её трудности для реализации своих интересов, за счёт интересов безопасности Российской Федерации»³. Во-первых, отношения России с Западной Европой остаются несимметричными; во-вторых, Россия экспортирует в Европу в основном энергоносители и другое сырьё, а не продукцию, товары, связанные с машиностроением, т.е. обогащенные трудом россиян. Экспорт высокотехнологичных товаров по-прежнему жестко ограничен Западом; в-третьих, позиция России в СНГ вызывает недоверие к ней со стороны Запада, который обвиняет её в имперских амбициях.

Для того чтобы определить приоритеты в геополитической стратегии России, надо выяснить и понять, что такое современная Россия, каковы её интересы, что затрудняет адаптацию России к новым геополитическим реалиям.

С развалом СССР стратегическое положение России, как отмечает В.И. Жуков, оказалось ослабленным по всем параметрам: в географическом отношении Россия сместилась в глубь евразийского континента, утратила возможность выхода в Мировой океан через наиболее удобные, хорошо освоенные, оснащенные и безопасные морские и речные коммуникации; созданные с её участием военно-политические блоки распались; стратеги-

ческие союзники перешли на сторону тех, кого совсем недавно называли вероятным противником. Названные факторы геополитической уязвимости России превратили её в объект манипулирования со стороны мировых политических сил⁴.

Наиболее заметно это проявляется не только в экономической, но и в территориальной экспансии по всем направлениям. На Юге России уже сейчас обострилась проблема территориальной целостности страны из-за планов создания «исламского союза от Казахстана до Марокко» под эгидой Турции.

Территориальные претензии к России на западе и северо-западе имеют все страны, граничащие с Российской Федерацией. Международное сообщество постоянно наводняет различными «инициативами» по приданию Калининградской области «международного статуса», по включению её в «единое экономическое пространство Балтии».

На Дальнем Востоке также сложилась крайне неблагоприятная для России ситуация. Быстрорастущая экономика Азиатско-Тихоокеанского региона вовлекает этот край в сферу интересов прежде всего Китая, Японии, Южной Кореи.

Без каких бы то ни было внешних угроз пустеет российский Север, теряющий способность к экономическому, социальному и культурному развитию.

«Налицо острое противоречие между геополитическим масштабом как существенным признаком «великой державы» и ограниченными, сокращающимися возможностями в сохранении и управлении этим пространством»⁵, резюмирует В.И. Жуков.

В настоящее время Россия окружена, образно говоря, тремя геополитическими барьерами, в определенной степени блокирующими реализацию ее геополитического потенциала.

Первый – это сформировавшиеся политические режимы в бывших союзных республиках. Например, заметно стремление Латвии, Литвы и Эстонии построить свою независимость на дистанцировании от России, опоре на «спонсорство» Запада и прежде всего США. Иллюстрацией антироссийской направленности политики стран Балтии является множество «мелких уколов» обидного характера, таких как закрытие русских школ, дискриминация по языку, игра на противоречиях с другими государствами и др.

Второй геополитический барьер образуют страны бывшего социалистического содружества, сделавшие русофобию доктринальным принципом своих отношений с Россией. Русофобия выступает как плата за сохранение власти и повод заручиться покровительством более могущественных государств – США, Германии, Франции и т.д.

Третий геополитический барьер образуют бывшие традиционные противники СССР, экстраполирующие претензии к нему на сегодняшнюю Россию. Следуя традиционной логике

конкурентной борьбы времен холодной войны, они объективно не заинтересованы в могуществе России, ее самостоятельности в геополитическом отношении.

Этим объясняется и природа современной неприязни к России. Реальность такова, что Российская Федерация стала объектом всех видов экспансии, имея слабый механизм противодействия им⁶.

Здесь уместно напомнить, что развал СССР начался с культурно-политической экспансии, затем она была закреплена экономической экспансией, в 90-е гг. последовала и военная, в частности, приближение войск блока НАТО к границам России. Подобную схему экспансии детально описал русский философ И. Ильин в 40-х гг. XX в., говоря, что весь кризис, переживаемый ныне Россией и миром, есть кризис по существу своему духовный. «Идет измелчание духовного характера, утрата духовного измерения жизни, обмеление и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости в духовной культуре, отмирание рыцарственности и вырождение гражданственности. ... Вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства – весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение⁷».

Русская интеллигенция, считает И. Ильин, в течение XIX в. соблазнялась им как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. Это «вселенское властолюбие» он называет духовной чумой, которую принесла в Россию полурусская полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая. «Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилья?» – задает философ вопрос. И сам же отвечает: «Потому, что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа... не умела верно вести его...» И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы, а также по недостатку волевого элемента в русском православии последних двух веков. И главное – по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания⁸.

Эта полуинтеллигенция уверовала в «западного дьявола», как в Бога, и поработила многоплеменную российскую массу – сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти⁹.

Именно так и была построена программа развала СССР. Соблазн разнуздания, вседозволенности, невиданных до конца 80-х гг. XX в. для народов СССР и России пошлости, порнографии, насилия, садизма и других «прелестей» западного образа жизни, что обрушился на русских, татар, башкир, украинцев, белорусов и другие народы Союза с экранов телевизоров и кинотеатров, с глянцевого обложки журналов и книг, передач радио и т.д., раскачивал национальное самосознание. Большинство СМИ «демократической» ориентации, как будто соревнуясь друг с другом,

обливали грязью всю историю России, но особенно много желчи было вылито на послеоктябрьский период российской государственности.

За культурно-политической экспансией последовала экономическая. Лозунг Остапа Бендера – «Запад нам поможет» – затмил здравый смысл у многих даже национально ориентированных россиян. Немаловажный рычаг в руках западных «друзей» – продовольственная зависимость РФ. Сбрасывая в РФ недоброкачественные продукты питания, решая проблему депопуляции населения нашей страны, западные «добродетели» используют продовольственные поставки как сильнейшую экономическую и политическую удавку. Успешно идет реализация рекомендаций Римского клуба, представленных им в ООН. В них четко сказано, что «численность населения России к 2010 г. не должна превышать 50 млн человек»¹⁰.

«Отчетливо просматриваются и цели экспансии – превратить Россию в сырьевой придаток Европы, Америки, Японии; сохранить ее как рынок дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силы, как научно-технический и социально-экономический полигон; использовать её территорию как свалку отходов индустриальной деятельности развитых государств»¹¹, – замечает В.И. Жуков.

Каково будущее России? Этот вопрос задают политики всех стран мира. Во многом ответ на него лежит в жизнедеятельности самой России. Сможет ли она сохранить свой ракетно-ядерный щит, поднять экономику, развить социальную сферу, занять активные наступательные политические позиции, поднять этническое самосознание

всех народов, проживающих в стране, разбудить в них чувство патриотизма, гордости за историю своего Отечества?

В свою очередь эффективное использование уникального политического потенциала, исторического опыта и внутренних возможностей немислимо без политически выверенной и просчитанной государственной стратегии на ближайшую и отдаленную перспективу социального развития страны. Причем ясность целей и задач развития всех сфер жизни общества должна быть не только понятна всем гражданам государства, но и поддержана большинством населения. В противном случае самые смелые и грандиозные начинания будут обречены на неудачу¹².

Примечания

- ¹ Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. 2-е изд, перераб. и доп.: В 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 453.
- ² Цит. по: Иванов В.Н., Мальцев В.А., Чартаев М.А. Россия: К тенденциям развития общества и политической власти. М.; Н. Новгород, 1996. С.11–12.
- ³ Жуков В. И. Указ. соч. С.453.
- ⁴ Там же. С. 457–458.
- ⁵ Там же. С. 459.
- ⁶ Там же. С. 459–460.
- ⁷ Ильин И. О грядущей России. М., 1993. С. 116.
- ⁸ Там же. С. 116–117.
- ⁹ Там же. С. 117.
- ¹⁰ Россию приговорили // Правда России. 1997. 3 июня.
- ¹¹ Жуков В.И. Указ. соч. С. 460.
- ¹² Там же. С. 453.

УДК 321.64(574/575)

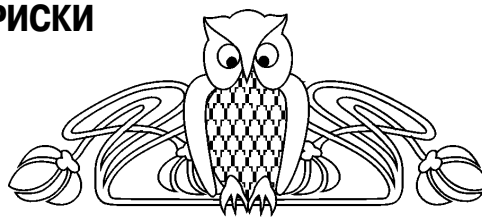
«БАШИЗМ» V.S. «ИМПЕРИЯ»: ПРЕДЕЛЫ И РИСКИ ЭТНАРХИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Д.А. Ванюков, И.В. Нестерова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В статье рассматривается комплекс взаимоотношений центральноазиатских государств, режим которых определяется как «башизм»/этноархия, с современными глобальными цивилизационными проектами Запада и Востока, а также с региональными державами – РФ и КНР. Внешние угрозы во многом помогают лучше понять внутренние пределы и риски, стоящие перед авторитарно-патерналистскими режимами Центральной Азии и их политическими лидерами – «баши».

Ключевые слова: политический режим, глобализация, геополитические интересы, этнархия, башизм.

«Bashism» v.s. «Empire»: Limits and Risks of Central Asia Ethnarchies

D.A. Vanyukov, I.V. Nesterova

The paper considers the complex of relations of the Central Asia countries, whose regime is named as «bashism»/ethnarchy, with modern global civilization projects of the West and East, and with regional states (Russian Federation and People's Republic of China) as well. Their external threats help in many respects to better understand the

обливали грязью всю историю России, но особенно много желчи было вылито на послеоктябрьский период российской государственности.

За культурно-политической экспансией последовала экономическая. Лозунг Остапа Бендера – «Запад нам поможет» – затмил здравый смысл у многих даже национально ориентированных россиян. Немаловажный рычаг в руках западных «друзей» – продовольственная зависимость РФ. Сбрасывая в РФ недоброкачественные продукты питания, решая проблему депопуляции населения нашей страны, западные «добродетели» используют продовольственные поставки как сильнейшую экономическую и политическую удавку. Успешно идет реализация рекомендаций Римского клуба, представленных им в ООН. В них четко сказано, что «численность населения России к 2010 г. не должна превышать 50 млн человек»¹⁰.

«Отчетливо просматриваются и цели экспансии – превратить Россию в сырьевой придаток Европы, Америки, Японии; сохранить ее как рынок дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силы, как научно-технический и социально-экономический полигон; использовать её территорию как свалку отходов индустриальной деятельности развитых государств»¹¹, – замечает В.И. Жуков.

Каково будущее России? Этот вопрос задают политики всех стран мира. Во многом ответ на него лежит в жизнедеятельности самой России. Сможет ли она сохранить свой ракетно-ядерный щит, поднять экономику, развить социальную сферу, занять активные наступательные политические позиции, поднять этническое самосознание

всех народов, проживающих в стране, разбудить в них чувство патриотизма, гордости за историю своего Отечества?

В свою очередь эффективное использование уникального политического потенциала, исторического опыта и внутренних возможностей немислимо без политически выверенной и просчитанной государственной стратегии на ближайшую и отдаленную перспективу социального развития страны. Причем ясность целей и задач развития всех сфер жизни общества должна быть не только понятна всем гражданам государства, но и поддержана большинством населения. В противном случае самые смелые и грандиозные начинания будут обречены на неудачу¹².

Примечания

- ¹ Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. 2-е изд, перераб. и доп.: В 3 т. М., 2007. Т. 1. С. 453.
- ² Цит. по: Иванов В.Н., Мальцев В.А., Чартаев М.А. Россия: К тенденциям развития общества и политической власти. М.; Н. Новгород, 1996. С.11–12.
- ³ Жуков В. И. Указ. соч. С.453.
- ⁴ Там же. С. 457–458.
- ⁵ Там же. С. 459.
- ⁶ Там же. С. 459–460.
- ⁷ Ильин И. О грядущей России. М., 1993. С. 116.
- ⁸ Там же. С. 116–117.
- ⁹ Там же. С. 117.
- ¹⁰ Россию приговорили // Правда России. 1997. 3 июня.
- ¹¹ Жуков В.И. Указ. соч. С. 460.
- ¹² Там же. С. 453.

УДК 321.64(574/575)

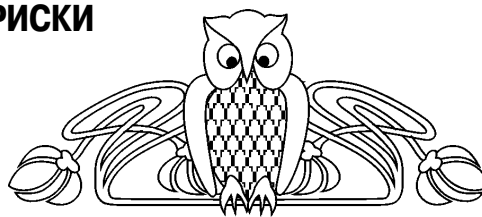
«БАШИЗМ» V.S. «ИМПЕРИЯ»: ПРЕДЕЛЫ И РИСКИ ЭТНАРХИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Д.А. Ванюков, И.В. Нестерова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В статье рассматривается комплекс взаимоотношений центральноазиатских государств, режим которых определяется как «башизм»/этноархия, с современными глобальными цивилизационными проектами Запада и Востока, а также с региональными державами – РФ и КНР. Внешние угрозы во многом помогают лучше понять внутренние пределы и риски, стоящие перед авторитарно-патерналистскими режимами Центральной Азии и их политическими лидерами – «баши».

Ключевые слова: политический режим, глобализация, геополитические интересы, этнархия, башизм.

«Bashism» v.s. «Empire»: Limits and Risks of Central Asia Ethnarchies

D.A. Vanyukov, I.V. Nesterova

The paper considers the complex of relations of the Central Asia countries, whose regime is named as «bashism»/ethnarchy, with modern global civilization projects of the West and East, and with regional states (Russian Federation and People's Republic of China) as well. Their external threats help in many respects to better understand the

internal limits and risks before the authoritarian-paternalistic regimes of Central Asia and their political leaders («bashi»).

Key words: political regime, globalization, geopolitical interests, ethnarchies, bashism.

Так называемые глобализационные процессы в современном мире рельефно обозначили и сущностно обострили проблему идентичности национальных культур и государств. С легкой руки М. Хардта и А. Негри эти глобализационные процессы получили концептуализированный псевдоним «Империя»¹. Хотя, представляется, не менее имперским, по сути и векторности, является и еще один проект в современном мире, выступающий и позиционирующий себя как альтернативу западному либерально-демократическому «Множеству». Это проект всемирного исламского Халифата своеобразной реинкарнации того гигантского пространства мусульманских ценностей, которое существовало в VII – IX вв.² Халифат – это прямая угроза и безопасности у российских границ (потенциально – и за их пределами), и политической стабильности тех центральноазиатских режимов, сущность которых авторы в той или иной степени связывают с феноменом этнархии, или «башизма», распространенной в форме патерналистской автократии³.

Однако в рудиментарном виде существует и еще одна, уже постимперская модель, связанная с остаточным влиянием в регионе России. И непосредственно через оставшиеся фрагменты своеобразного наследия национально-имперского организма в его и царской, и советской моделях⁴. А также через механизмы и институты панрегиональных международных организаций и блоков: Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского экономического сообщества (ЕвроАзЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Говоря о ШОС, куда входят КНР, РФ, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан (в качестве наблюдателей – Монголия, Индия, Пакистан, Иран), можно обозначить и потенциальный вектор доминирования в Центральной Азии еще одной региональной империи – Китая. Во всяком случае географические карты из школьного учебника истории, по которым учатся в КНР, фиксируют недвусмысленные претензии китайской стороны не только на значительные районы российского Дальнего Востока, но и территории Казахстана и Кыргызстана⁵.

В определенной степени имеющиеся противоречия между США, РФ и КНР помогают центральноазиатским президентам-этноархам использовать их в интересах собственной политической клановой элиты и упрочения режима своей власти. В данных условиях переход центральноазиатских государств с кириллицы на латиницу означал вовсе не демонстративную переориентацию здешних этнархов с России на

Запад, а курс на автономность своих государств в рамках существующих традиций.

Интересный потенциал в процессе символической десоветизации/деруссификации продемонстрировал Таджикистан, где президент инициировал отказ от русской фамильнообразующей лексемы «ов» и стал из Э. Рахмонова – Рахмоном. И все же подобная инициатива может быть декодирована скорее как привычное для характерных в панрегионе властных традиций стремление «сохранить лицо» и показать свою дистанцированность от Москвы. Подчеркнуто национальный таджикский лидер-этноарх Рахмон появился после того, как президент Э. Рахмонов передал в собственность России находящуюся на территории горной страны станцию космического слежения «Нурек» и дал разрешение на появление в Таджикистане российской военной базы на основе 201-й мотострелковой дивизии⁶. Хотя еще в 2004 г. одним из условий подписания нового договора между Москвой и Душанбе выдвигалось неприемлемое для Кремля требование предоставления Э. Рахмонову права в случае угрозы национальным интересам принимать на себя командование той же 201-й дивизией⁷. Российской стороне удалось также переиграть и Тегеран, который с 2005 г. пытается усилить свое геэкономическое и геополитическое влияние в регионе через предоставление Душанбе льготных кредитов (на сумму более 120 млн долларов) для завершения строительства начатых еще в советское время Рогунской и Сангтудинской ГЭС. Теперь эти стратегически важные гидроэлектростанции попали в зону преимущественных интересов российского бизнеса («Русал») и госкорпораций. Правда, подлинной ценой всего пакета двусторонних договоренностей была реструктуризация и, фактически, списание почти 300 млн государственного долга Таджикистана.

Умение хорошо торговаться ценится здесь не только на традиционном восточном базаре. Центральноазиатские этнархии за время своего независимого постсоветского существования приобрели колоссальный опыт лавирования между глобальной международной империей США и региональными державами с проимперскими амбициями (РФ и КНР). При этом отдается предпочтение не только экономически привлекательным международным проектам, но и партнерам, которые считаются с непосредственными интересами властвующих политических кланов и их лидерами-этноархами и склонны закрывать глаза на не укладывающиеся в «демократический канон» явный авторитарный политический дизайн и административно-манипуляционные ритуалы получения и распределения власти. Так, наблюдатели от ОБСЕ ни разу не признавали легитимными выборы в том же Таджикистане, в отличие от парламентских наблюдателей СНГ и ГД РФ⁸.

Практически всех центральноазиатских этнархов-«башей», как и А. Г. Лукашенко, при-

нято называть «последними авторитарными лидерами» стран СНГ⁹. Хотя в названиях возглавляемых «башей» властвующих партий может быть вынесен статусный оппозиционный концепт авторитаризма — «демократия»¹⁰. Так, созданная Э. Рахмоновым партия называется Народно-демократической, а Г. Бердымухаммедов наследовал власть в Туркменистане вместе с лидерством в созданной Туркменбашей Демократической партией — единственной легальной политической силой в стране.

Наличие демократических выборов процедур, однако, не влияет на авторитарную сущность режимов: Туркменбашей постулировал свой пожизненный властный статус, И. Каримов, Э. Рахмон (ов), Н. Назарбаев поправками к конституциям обеспечили себе практически тот же статус, ограниченный не столько законом, сколько доброй волей самих этнархов. Отказ же президента Киргизии А. Акаева менять Основной Закон для пролонгации своих полномочий был воспринят как сигнал утраты сакрального властного статуса и правящей элитой, и оппозицией, которая постоянно приписывала А. Акаеву окончательный отход от демократических принципов организации национального пространства¹¹. Фатальную для клана Акаевых роль в «тюльпановой / маковой» революции сыграла даже не поддержка со стороны западных фондов и политических центров¹², а выбранный президентом еще на излете «перестройки», не без оглядки на феномен «Горби», ориентированный на международное признание Глобальной империи политический имидж мудрого реформатора. Вот только с образом «мудрого отца народа» Кыргызстан был готов мириться, а с ипостасью вызывающего восторги Запада¹³ отступника от традиций нет: ведь добровольный отказ от президентства в рамках патерналистской автократии — это отказ «отца народа» от своих «детей/сограждан/подданных».

Западная дипломатия до сих пор не уловила значение и роль традиционалистских, реарханизированных правил политической игры, которые установились в регионе. Так, председательствующий в ОБСЕ министр иностранных дел Испании М. А. Моратинос встретился со вторым президентом Киргизии К. Бакиевым и достаточно успешно провел переговоры о возможностях испанских инвестиций для местного рынка. Но все договоренности оказались под ударом, когда М. А. Моратинос встретился с лидером непримиримой киргизской оппозиции Ф. Куловым¹⁴. Шаг, вполне оправданный и даже ожидаемый в рамках западных либеральных представлений и демократических процедур, в этнархиях рассматривается как покушение на моноцентрическую модель организации власти, как подрыв статуса «башей» — единственного законного воплощения национального могущества и влияния.

Потенциальное умаление собственного политического статуса и лица этнархов (западные

политические технологии здесь, как показал опыт А. Акаева, не работают) похоронило еще на стадии проекта разработанную Госдепартаментом США модель «Большой Центральной Азии» (БЦА), которую госсекретарь К. Райс пыталась продвигать во время своего центральноазиатского вояжа в 2006 г. По мысли идеологов и практиков Рах Americana, БЦА вытеснит в панрегионе организации и блоки с участием России и Китая. Обещанное содействие «в получение доступа к кредитам экспортно-импортного банка США» и «поддержку Соединенными Штатами при вступлении в ВТО»¹⁵ нейтрализовались другими «демократично-культуртрегерскими» положениями проекта: реформа налогообложения, организация налоговых систем (подразумевалось, при прямом содействии и контроле американских экспертов) и предотвращение конкуренции негосударственных организаций с частным сектором. К тому же в рамках БЦА политический центр принятия стратегических решений должен был переместиться в контролируемый (в военно-политическом отношении) Соединенными Штатами Афганистан. А потенциально это означало и огромный риск полномасштабного включения постсоветских этнархий в царящую в Афганистане наркоэкономику, которая при американском контроле реально только выросла и окончательно превратилась в глобальную международную угрозу¹⁶.

Фактически отвергнутая этнархиями постсоветской Средней Азии (во всяком случае, нынешней генерацией) американская идея «Большой Центральной Азии» увеличивала также риски дальнейшего обострения отношений этих мусульманских, но светских режимов с радикально-панисламистским проектом Халифата. Этнархи «башей» достаточно последовательно позиционируют себя как чтущих Аллаха современных Халифов¹⁷, но поступаться собственной властью и статусом в пользу виртуальной, по сути, исламской империи — Халифата — не собираются.

Достаточно жесткое подавление режимом И. Каримова инспирированных радикальными исламистами волнений в Андижане в мае 2005 г. — убедительное тому свидетельство. В отличие от мирового сообщества политика И. Каримова была незамедлительно поддержана российским руководством, менее всего озабоченного перспективами демократической трансформации патерналистских автократий, а более — безопасностью своих границ и стабильностью в регионе. Тем более что террористы — активные проводники и агенты проекта «Халифата» — выступают, по сути, с сепаратистским проектом шариятского государства в Ошской долине, что затрагивает национальные интересы сразу Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и их лидеров — «башей»¹⁸.

Потенциальная опасность использования ислама в качестве основного легитимизатора режимов этнархий и их предводителей заставляет «башей» обращаться не столько к фактору веры,

сколько к мифологизированному национальному прошлому. При этом отсвет легендарных автократов древности, усиленно воевавших с империями минувших веков и возглавлявших достаточно сильные по сегодняшним меркам «региональные державы», должен был ложиться на властный статус и образ современных этнархов. Так, в Таджикистане на рубеже столетий праздновали 1100-летие государства Саманидов, стоявших во главе «Средневекового Возрождения» и давших человечеству Закарию Ар-Рази и Хоразми, Фараби и Рудаки, Бируни и Авиценну, Дакики и Фирдоуси¹⁹. При этом у президента Э. Рахмонова получился знак равенства между Саманидами, положившими на время конец распрям в Средней Азии, и им самим, вышедшим победителем из гражданской/клановой войны в Таджикистане.

Еще дальше в своем «классическом» двухтомном сочинении «Рухнама» зашел Туркменбаши. Он не только сделал себя «отцом всех туркмен», но и свой народ провозгласил «отцом всего и всех» – от колеса и металлургии до демократии²⁰. Своим непосредственным великим предком он объявил Байрам-Хана Туркмена²¹. А вот проведение не без помпы в Бишкеке А. Акаевым празднования 3000-летия Оша как напоминание и обещание «золотого века» тюркского мира²² лишь сплотило в самой Ошской долине политических противников президента А. Акаева – исламских сепаратистов, агентов проекта «Халифат».

Празднование 1100-летия Саманидов или 660-летия Амира Тимура (событий, оставшихся почти незамеченными российской прессой и аналитиками) демонстрировали и еще одну символически оформленную интенцию политических режимов этнархов – претензию на оформление династичности. Однако здесь, скорее, вырисовываются перспективы не столько передачи власти детям нынешних этнархов, сколько закрепления руководящих прерогатив не за семьей, а за политическим кланом «баши». Собственно, это уже и случилось в Туркменистане. Ну, а перспективы «наследниц» Н. Назарбаева и И. Каримова выглядят и вовсе сомнительными из-за патриархальных основ здешней цивилизации, где женщина просто по определению не может быть «баши» – политическим «отцом нации».

Как ни парадоксально, но центральноазиатские этнархии представляют сегодня реконцептуализированное «переиздание» классических национальных государств. Тех самых, права которых на государственную идентичность и территориальный суверенитет подвергаются эрозии в рамках глобального западного проекта Империи-Множества и подвергаются прямым атакам в рамках глобального панисламского проекта Халифата. В этих условиях, возможно, цивилизационные проекты с участием России, уже в силу своего генезиса²³, могут выглядеть для стран Центральной Азии как «привычное», а значит «приемлемое зло». Вопрос в том, сумеет

ли воспользоваться данным обстоятельством современная российская дипломатия.

Примечание

- ¹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 6, 18–19, 78. Теория уточнена и дополнена в следующей работе тех же авторов «Множество», но и там подчеркивается, что курс на империю остается мировой тенденцией. См.: Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 3.
- ² См.: Ключников Б. Исламизм, США и Европа: война объявлена. М., 2003. 240 с.; Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). М., 2007. С. 197; Бабакр Х. Хуже нефти могут быть только алмазы // Независимая газ. 2004. 27 сент.; Панфилова В., Тодуа З. Амиры рвутся к власти. Исламские фундаменталисты готовят прорыв в Центральной Азии // Независимая газ. 2005. 20 апр.
- ³ Ванюков Д.А., Нестерова И.В. Этнархия: феномен посткоммунистических режимов Центральной Азии // Проблемы политологии и политической истории. Саратов, 2008. Вып. 14 (в печати).
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя: принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М., 2003. С. 331–334.
- ⁶ См.: Мухин В. Россия создает крупную военную базу в Центральной Азии. Таджикистан будет центром геополитических интересов России на юге Содружества // Независимая газ. 2003. 21 мая.
- ⁷ См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 241.
- ⁸ См.: Панфилова В. Рахмонов опять вне конкуренции // Независимая газ. 2006. 4 сен.
- ⁹ См.: Салимов С., Мазаева О. Лекарство от революции // Независимая газ. 2005. 19 мая.
- ¹⁰ Еще одной референтной моделью для правящих политструктур панрегиона была, собственно, не организация, а национальный пафос, вынесенный в название партии С. Берлускони «Вперед, Италия!» – «Алга, Кыргызстан!» («Вперед, Киргизия!»).
- ¹¹ См.: Гордиенко А. Аскара Акаева попросили остаться // Независимая газ. 2003. 30 сен.; Панфилова В. Акаев уходит, а его сосед Рахмонов решил остаться // Независимая газ. 2005. 28 фев.
- ¹² См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 227; Куртов А. Киргизия: пожар на острове стабильности не был случайным // Независимая газ. 2005. 28 марта.
- ¹³ Во все киргизские, да и российские СМИ попал отзыв на книгу президента «Переходная экономика Кыргызстана глазами физика» президента Давосского форума К. Шваба: «Автор такой книги должен возглавлять МВФ!». См.: Мурзахмедова Г. Политик с харизмой ученого // Независимая газ. 2000. 21 окт.
- ¹⁴ См.: Чекрыгин С. Европейцы зачастили в Среднюю Азию // Независимая газ. 2007. 17 апр.
- ¹⁵ См.: Лузянин С.Г. Восточная политика... С. 195.
- ¹⁶ См.: Шурыгин В. Затянувшийся «блиц-криг». США в Средней Азии: что дальше? // Завтра. 2002. № 42.

- ¹⁷ См.: Ванюков Д.А., Нестерова И.В. Указ. соч.; Нестерова И.В. Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: исламский фактор // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2008. Вып. 9 (в печати).
- ¹⁸ См.: Панфилова В., Тодуа З. Указ. соч.; Лузянин С.Г. Горячая смесь из политики и криминала. Промежуточные итоги тюльпановой революции в Киргизии // Независимая газ. 2005. 28 нояб.
- ¹⁹ См.: Рахмонов Э. Тысяча лет в одну жизнь // Независимая газ. 1999. 31 авг.
- ²⁰ См.: Туркменбаши С. Рухнама. Ашхабад, 2005. С. 19, 33–34, 44.
- ²¹ См.: Марков В. Феномен Туркменбаши // Независимая газ. 2000. 23 дек.
- ²² См.: Акаев А. Чудесный древний оазис шелкового пути. Размышления в преддверии празднования 3000-летия Оша // Независимая газ. 1999. 30 сен.
- ²³ См.: Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008. С. 84.

УДК [342.24:329.051] (470+571)

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» О РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.В. Трофимова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В данной статье проведен анализ программных документов партии «Единая Россия». Рассматривается видение партией состояния российского федерализма и перспектив его развития; оценивается степень влияния «Единой России» на развитие федерализма в нашей стране.

Ключевые слова: партия, федерализм, федеративное государство, федеральная политика, федеральные отношения.

Yedinaya Rossiya Party about Russian Federalism: Status and Outlook

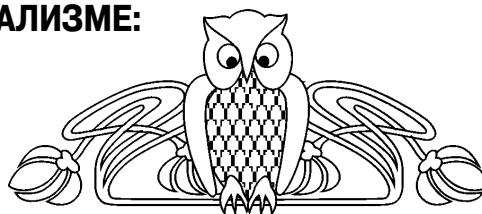
O.V. Trofimova

The paper analyses the program documents of the Yedinaya Rossiya party. The party's vision of the Russian federalism status and outlooks of its development is examined; the degree of the party's influence on federalism development in our country is estimated.

Key words: party, federalism, federal state, federal policy, federal relationships.

Двадцатый век называют «веком федерализма». Именно на это столетие приходится резкое увеличение числа федеративных государств и расцвет федерализма, его идей и принципов. По Конституции 1993 г., Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹.

Федеративное государство – это неотъемлемое качество демократии государства. В свою очередь обязательным критерием демократии является партийная система. От качества партийной системы напрямую зависит прочность и эффективность федеративного государства. Политические партии в федеративном государстве играют роль своеобразных скрепляющих механизмов всего федеративного политического пространства.

В современной России существует многопартийная система и ведущую роль в ней играет партия «Единая Россия». В рамках данной статьи анализируется состояние российского федерализма в программных документах партии, а также перспективы его развития. За время своего существования «Единая Россия» провела восемь съездов; имеет свою программу, устав, манифест, символику. Помимо этих источников, мы исследовали также точки зрения лидеров «Единой России», стратегию партии, проекты. Основные направления стратегии, которую предлагает обществу «Единая Россия», заданы в Программном заявлении 2003 г. Этот документ прошел обсуждение в региональных отделениях партии и получил поддержку.

Партия «Единая Россия» утверждает, что «формирует свои предпочтения в области совершенствования федеративных отношений в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации, исходя из основополагающих задач обеспечения единства и целостности страны»².

Важный аспект федерализма, характеризующий его положительный смысл, – это органическая связь федеративного устройства государства с демократическим политическим режимом. Федерализм тяготеет к демократическим методам осуществления власти, к использованию переговорного процесса, тщательному учету интересов, открытости³. Укрепление именно демократического государства является первоочередной задачей партии. Единороссы утверждают, что они «положили начало подлинной демократии»⁴.

Программа партии определяет Российскую Федерацию как «федеративное государство, в котором стабильно развиваются межэтнические отношения, обеспечена финансовая самостоя-

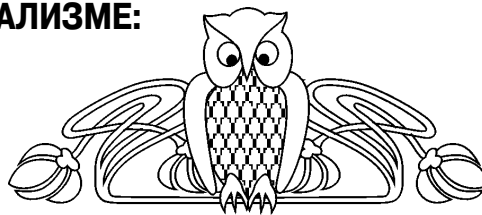
- ¹⁷ См.: Ванюков Д.А., Нестерова И.В. Указ. соч.; Нестерова И.В. Трансформация политических режимов стран Центральной Азии: исламский фактор // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2008. Вып. 9 (в печати).
- ¹⁸ См.: Панфилова В., Тодуа З. Указ. соч.; Лузянин С.Г. Горячая смесь из политики и криминала. Промежуточные итоги тюльпановой революции в Киргизии // Независимая газ. 2005. 28 нояб.
- ¹⁹ См.: Рахмонов Э. Тысяча лет в одну жизнь // Независимая газ. 1999. 31 авг.
- ²⁰ См.: Туркменбаши С. Рухнама. Ашхабад, 2005. С. 19, 33–34, 44.
- ²¹ См.: Марков В. Феномен Туркменбаши // Независимая газ. 2000. 23 дек.
- ²² См.: Акаев А. Чудесный древний оазис шелкового пути. Размышления в преддверии празднования 3000-летия Оша // Независимая газ. 1999. 30 сен.
- ²³ См.: Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М., 2008. С. 84.

УДК [342.24:329.051] (470+571)

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» О РОССИЙСКОМ ФЕДЕРАЛИЗМЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

О.В. Трофимова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: jurid@info.gu.ru

В данной статье проведен анализ программных документов партии «Единая Россия». Рассматривается видение партией состояния российского федерализма и перспектив его развития; оценивается степень влияния «Единой России» на развитие федерализма в нашей стране.

Ключевые слова: партия, федерализм, федеративное государство, федеральная политика, федеральные отношения.

Yedinaya Rossiya Party about Russian Federalism: Status and Outlook

O.V. Trofimova

The paper analyses the program documents of the Yedinaya Rossiya party. The party's vision of the Russian federalism status and outlooks of its development is examined; the degree of the party's influence on federalism development in our country is estimated.

Key words: party, federalism, federal state, federal policy, federal relationships.

Двадцатый век называют «веком федерализма». Именно на это столетие приходится резкое увеличение числа федеративных государств и расцвет федерализма, его идей и принципов. По Конституции 1993 г., Российская Федерация есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹.

Федеративное государство – это неотъемлемое качество демократии государства. В свою очередь обязательным критерием демократии является партийная система. От качества партийной системы напрямую зависит прочность и эффективность федеративного государства. Политические партии в федеративном государстве играют роль своеобразных скрепляющих механизмов всего федеративного политического пространства.

В современной России существует многопартийная система и ведущую роль в ней играет партия «Единая Россия». В рамках данной статьи анализируется состояние российского федерализма в программных документах партии, а также перспективы его развития. За время своего существования «Единая Россия» провела восемь съездов; имеет свою программу, устав, манифест, символику. Помимо этих источников, мы исследовали также точки зрения лидеров «Единой России», стратегию партии, проекты. Основные направления стратегии, которую предлагает обществу «Единая Россия», заданы в Программном заявлении 2003 г. Этот документ прошел обсуждение в региональных отделениях партии и получил поддержку.

Партия «Единая Россия» утверждает, что «формирует свои предпочтения в области совершенствования федеративных отношений в строгом соответствии с Конституцией Российской Федерации, исходя из основополагающих задач обеспечения единства и целостности страны»².

Важный аспект федерализма, характеризующий его положительный смысл, – это органическая связь федеративного устройства государства с демократическим политическим режимом. Федерализм тяготеет к демократическим методам осуществления власти, к использованию переговорного процесса, тщательному учету интересов, открытости³. Укрепление именно демократического государства является первоочередной задачей партии. Единороссы утверждают, что они «положили начало подлинной демократии»⁴.

Программа партии определяет Российскую Федерацию как «федеративное государство, в котором стабильно развиваются межэтнические отношения, обеспечена финансовая самостоя-

точность субъектов Федерации и муниципальных образований, разграничены полномочия между уровнями власти»⁵. Федеративное устройство государства служит своего рода щитом, защищающим региональные интересы и, что особенно важно, интересы национальных меньшинств.

Целью национальной политики партии является «формирование российской гражданской нации, сплочение граждан Российской Федерации как единого многонационального народа, воспитание культуры межнационального общения, искоренение любых проявлений ксенофобии и национализма»⁶. В программных документах «Единой России» заявляется, что «федеративным отношениям придан конституционный характер, восстановлен приоритет федерального законодательства над региональным. Региональное законодательство приводится в соответствие с федеральным»⁷.

С данным утверждением мы позволим себе не согласиться. Современная юридическая литература пестрит информацией о том, что региональное законодательство не приведено в соответствии с федеральным⁸. Зачастую на региональном уровне принимаются законопроекты, не учитывающие законодательство федеральное.

Сдерживающим фактором регионального развития является то, что многие вопросы остаются за рамками правового регулирования. По мнению «Единой России», здесь все же наблюдается положительная динамика. Государственной думой приняты в двух чтениях проекты Федеральных законов «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации» и «О федеральных целевых программах регионального развития». В них устанавливается нормативно-правовая основа формирования единого социально-экономического и инфраструктурного пространства страны с учетом интересов всех субъектов Федерации. Однако эти законопроекты пока не нашли поддержки у правительства⁹. Действительно, если бы были приняты эти законопроекты, то развитие регионов во многом бы улучшилось.

Следует отметить чрезмерное присутствие федеральных органов исполнительной власти в регионах. Единороссы считают, что многие федеральные ведомства имеют в них свои территориальные органы, которые нередко дублируют местную администрацию. Действительно, усиление опеки со стороны центра приводит к определенной дезорганизации, снижает уровень ответственности должностных лиц субъектов Федерации за положение дел на соответствующей территории.

За прошедшие годы в сфере федеративных отношений при активной поддержке фракции «Единая Россия» в Государственной думе приняты законодательные акты, адекватные современным российским реалиям. Это позволило нейтрализовать центробежные тенденции, предшество-

вавшие периоду образования и начала активной деятельности «Единой России». Происходит консолидация российской нации вокруг курса на укрепление законности и порядка, экономической и политической стабильности, повышение благосостояния граждан.

Выстраивая свою политику в сфере федеративных отношений, «Единая Россия» учитывает такую особенность российского федерализма, как его асимметричность¹⁰. Разнородность государственно-правовой природы Российской Федерации, являющаяся при определенных обстоятельствах серьезным фактором дестабилизации, требует такой формы федерализма, которая обеспечивала бы баланс интересов федерального, регионального и муниципального уровней власти в вопросах реализации государственного, территориального управления в рамках укрепления единой исполнительной вертикали. «Единая Россия» уверена в том, что такой баланс существует.

На нынешнем этапе развития федеративных отношений партия считает важным принятие комплекса мер, обеспечивающих политическую и юридическую ответственность региональных властей за результаты социально-экономической деятельности. «Единая Россия» заявляет, что для «эффективного территориального развития требуется комплексная программа регионального развития, которая стала бы основой для осуществления государственного регулирования и отражала динамику социально-экономической ситуации, устанавливала приоритеты развития и пути их реализации. Насущная необходимость такой программы особенно очевидна в свете геополитической задачи приоритетного развития Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера», о чем заявляла «Единая Россия» на своем VI съезде в Красноярске¹¹.

Большим плюсом является то, что единороссы видят будущее развитие партийной системы в федеративном государстве. По их мнению, в современных условиях партийной системе необходим мощный политический центр. Они убеждены, что сегодня только центризм (который представляет их партия) может стать опорой эффективного государства. «Единая Россия» заявляет о том, что роль политических партий в формировании местной исполнительной власти должна радикально возрасти. Переход на смешанную систему выборов в регионах и на пропорциональную систему выборов в Государственную думу тоже значительно повышает роль партий в политической системе¹². Это огромный шаг вперед по развитию политической конкуренции, усилению оппозиции. «Единая Россия» не против сотрудничества со сторонниками. Они считают, что для общей выгоды надо вступать в коалиции и с оппозиционными партиями. По мнению единороссов, в самой партии необходимо развивать партийную дискуссию. «Не будет дискуссии в партии, не будет ее и вовне»¹³.

«Единая Россия» продвигает президентские инициативы в регионах, но нет ответственности чиновников перед этой партией. В такой ситуации партия все же наметила для себя задачу по введению отчетов о результатах деятельности партии не только на федеральном, но и на региональном и местном уровнях¹⁴. Но помимо отчетности партийной перед обществом, необходимо наладить ответственность власти перед обществом и партиями. Ведь в условиях федерализма невозможно обеспечить эффективность власти только административными мерами.

Рассмотрев программные документы, мы можем утвердительно заявить, что «Единая Россия» подробно рассматривает состояние современного российского федерализма; видит перспективы его развития. Но сторонники партии считают, что все в российском федерализме положительно, все хорошо. Это не совсем правильная точка зрения. Федерализм – явление многоаспектное и многогранное. Россия представляет собой достаточно сложное федеративное государство и формирование федеративных отношений – длительный процесс. Если сравнивать характеристики моделей федерализма и российского регионализма, то обнаруживаются следующие проблемы:

- отсутствие прочной правовой основы федеративных отношений РФ;
- фактическое неравенство и неравноправие субъектов РФ;
- крайне тяжелые для регионов последствия проводимого центром экономического курса;
- произвол региональных верхов и незащищенность граждан от действий властей, а также неблагоприятные условия для создания в России федерации.

В программе политической партии «Единая Россия» мы не увидели этих проблем. Они считают, что в России есть правовая основа федерализма, существует равноправие субъектов и есть все условия для существования федерации. «Единая Россия» – «партия власти» – возложила на себя очень высокую задачу. Она единственная партия, имеющая региональные отделения во всех субъектах Российской Федерации. И кому как не ей знать особенности российского федеративного государства, особенности каждого субъекта нашего федеративного государства, и в зависимости от этого реально решать возникшие вопросы и наиболее проблемные вопросы населения нашей страны. «Единая Россия» предлагает комплекс мер по улучшению эффективности федерализма в России, но было бы большим плюсом, если бы рейтинговая партия «Единая Россия», которой доверяет большая часть населения Российской Федерации, проводила бы политику, направленную на соблюдение основных принципов федерализма, таких как: целостность государственного суверенитета, провозглашение верховенства федерального права над правом субъектов Федерации, единство системы государственных органов на всей территории Федерации,

равноправие субъектов Федерации, право наций на самоопределение. Необходимо вывести федерализм на более эффективный, новый уровень развития.

Может быть, вся проблема заключается в том, что партия «Единая Россия» ставит на одну ступень федерализм и регионализм. Проблема сохранения территориальной целостности и управляемости Российского государства – одна из самых острых и актуальных. Могут ли существовать суверенные республики-государства внутри единого государственного образования – Федерации? Для характеристики состояния дел в РФ может быть применен термин «регионализм» как определение такого положения, когда субъекты Федерации – регионы ставят свои интересы выше интересов единого государства. Мы можем задать еще один вопрос: а есть ли вообще условия для создания и существования федерализма в России? Для страны с таким разнообразием внутренних условий, как в России, федеративное устройство представляется наиболее адекватной формой государственного устройства, которое позволит лучше выразить и учесть это многообразие¹⁵. Но пока мы имеем вместо федерализма – регионализм.

Видимо, и в программе политической партии «Единая Россия» федерализм рассматривается сквозь призму регионализма. Происходит подмена понятий. Каждый регион в России – сам себе федерация. «Единая Россия» видит в этом положительный момент. Самостоятельность и самодостаточность регионов может оказаться не только плюсом как для регионов, так и для центра, но и очень большим минусом. Статус «Единой России» как «партии власти» и партии парламентского большинства позволяет говорить о «Единой России» как о сильной, влиятельной структуре, которая реально стремится помочь и защитить его интересы. Хочется верить, что в будущем «Единая Россия» будет проводить в жизнь заданные перспективы российского федерализма. И, как следствие этого, будут решены такие наиболее проблемные, как: сложные отношения центр – регионы, неравенство субъектов РФ, отсутствие правовой базы федеративных отношений, право наций на самоопределение. Ведь пока власти пытаются настроить федерализм в России и наладить нормальные отношения между субъектами и центром, за свое будущее беспокоятся прежде всего нации и народности этой самой Федерации.

Примечания

- 1 См. подробнее: Конституция РФ. Новосибирск, 2005. С. 5 – 6.
- 2 Стратегия политической партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 3 См., например: Долгов В.М. Политические механизмы взаимодействия центра и регионов Российской Федерации // Политические системы России и Германии. Волгоград, 2005. С. 298.

- 4 Программа Партии «Единая Россия»: Россия, которую мы выбираем». Утверждена на 3-м съезде партии 20 сентября 2003 г. // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 5 Там же.
- 6 Манифест Партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru](http://edinoros.ru)
- 7 Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 8 См., например: *Вишняков В.В.* Конституция Российской Федерации должна служить укреплению российского государства // *Диалог*. 2004. № 3. С. 41; *Левакин И.В.* Российская Федерация: проблемы государственного единства // *Государство и право*. 2003. № 5. С. 114; *Лапаева В.В.* Законодательство об общественных организациях: правовая концепция разграничения полномочий федерации и субъектов // *Законодательство и экономика*. 2002. № 10.
- 9 См.: Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 10 См. подробнее: *Мелкумов А.А.* Федеративные принципы государственного устройства // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. С. 62 – 70.
- 11 Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 12 См.: *Сурков В.* Суверенная демократия и «Единая Россия» // *Стратегия России*. 2006. № 3. С. 15.
- 13 Там же. С. 23.
- 14 См.: *Грызлов Б.* Выбор будущего // *Стратегия России*. 2006. № 12. С. 7.
- 15 См.: *Ковалев В.* Регионализм против федерализма // <http://www.nasled.ru/>

УДК 323.3

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.М. Суханов

Башкирский государственный университет,
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

В статье рассмотрены особенности информационно-коммуникационного обеспечения региональной политической идентичности в современной России в условиях глобализации.

Ключевые слова: политическая идентификация, информационно-коммуникационный фактор идентификации, информационные потоки, региональное политическое пространство, глобализация.

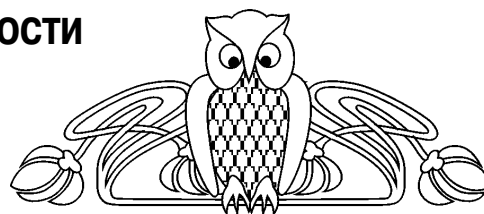
Information and Communication Supporting of Regional Identity in the Conditions of Globalization

V.M. Sukhanov

In the article the peculiarities of information and communication supporting of regional political identity in modern Russia in the conditions of globalization are considered.

Key words: political identification, identification factor of information and communication, flow of information, regional political area, globalization.

Одним из важнейших факторов региональной политической идентификации является ее информационно-коммуникационное обеспечение. Его количественные и качественные характеристики, в свою очередь, в значительной степени определяются процессами глобализации. Глобализация подразумевает стандартизацию образцов политического, экономического, культурного развития, при этом предполагается, что успеха в конкуренции за «жизненное пространство» в

новом мире добьются те социально-политические и социально-экономические системы, которые смогут творчески интерпретировать эти стандарты и за счет этого в чем-то получить выигрыш в динамике прогресса по сравнению со своими соседями.

Гражданская и правовая организация современных либеральных демократий подразумевает, что люди имеют (в идеале) совершенно одинаковые права на получение информации от СМИ, на доступ к ней в процедурах политического участия. Оценить, насколько практически реализуется эта ключевая характеристика либеральной демократии, можно прежде всего по количественным критериям. Фактически – по тому, каков организационно-технический потенциал информационного пространства региона и потенциал использования этих организационно-технических основ для обеспечения региону специфического имиджа участника федеративных отношений в современной России, агента экономических реформ или субъекта гражданских конфликтов.

Привлечение качественных показателей сразу же обнаружит, насколько реальное положение дел с политической информацией в регионе далеко от этого идеала, насколько расходится качество информации, доступной рядовым гражданам и доступной административно-политическим и бизнес-элитам. А это, фактически, позволит

- 4 Программа Партии «Единая Россия»: Россия, которую мы выбираем». Утверждена на 3-м съезде партии 20 сентября 2003 г. // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 5 Там же.
- 6 Манифест Партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru](http://edinoros.ru)
- 7 Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 8 См., например: *Вишняков В.В.* Конституция Российской Федерации должна служить укреплению российского государства // *Диалог*. 2004. № 3. С. 41; *Левакин И.В.* Российская Федерация: проблемы государственного единства // *Государство и право*. 2003. № 5. С. 114; *Лапаева В.В.* Законодательство об общественных организациях: правовая концепция разграничения полномочий федерации и субъектов // *Законодательство и экономика*. 2002. № 10.
- 9 См.: Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 10 См. подробнее: *Мелкумов А.А.* Федеративные принципы государственного устройства // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4. С. 62 – 70.
- 11 Стратегия партии «Единая Россия» // [www.http://edinoros.ru/news](http://edinoros.ru/news)
- 12 См.: *Сурков В.* Суверенная демократия и «Единая Россия» // *Стратегия России*. 2006. № 3. С. 15.
- 13 Там же. С. 23.
- 14 См.: *Грызлов Б.* Выбор будущего // *Стратегия России*. 2006. № 12. С. 7.
- 15 См.: *Ковалев В.* Регионализм против федерализма // <http://www.nasled.ru/>

УДК 323.3

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.М. Суханов

Башкирский государственный университет,
проректор
E-mail: sovetnik@bsu.bashedu.ru

В статье рассмотрены особенности информационно-коммуникационного обеспечения региональной политической идентичности в современной России в условиях глобализации.

Ключевые слова: политическая идентификация, информационно-коммуникационный фактор идентификации, информационные потоки, региональное политическое пространство, глобализация.

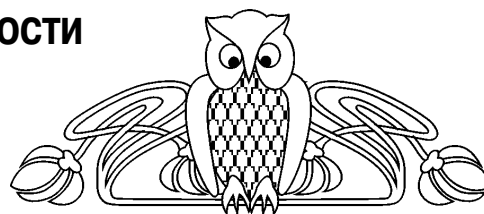
Information and Communication Supporting of Regional Identity in the Conditions of Globalization

V.M. Sukhanov

In the article the peculiarities of information and communication supporting of regional political identity in modern Russia in the conditions of globalization are considered.

Key words: political identification, identification factor of information and communication, flow of information, regional political area, globalization.

Одним из важнейших факторов региональной политической идентификации является ее информационно-коммуникационное обеспечение. Его количественные и качественные характеристики, в свою очередь, в значительной степени определяются процессами глобализации. Глобализация подразумевает стандартизацию образцов политического, экономического, культурного развития, при этом предполагается, что успеха в конкуренции за «жизненное пространство» в

новом мире добьются те социально-политические и социально-экономические системы, которые смогут творчески интерпретировать эти стандарты и за счет этого в чем-то получить выигрыш в динамике прогресса по сравнению со своими соседями.

Гражданская и правовая организация современных либеральных демократий подразумевает, что люди имеют (в идеале) совершенно одинаковые права на получение информации от СМИ, на доступ к ней в процедурах политического участия. Оценить, насколько практически реализуется эта ключевая характеристика либеральной демократии, можно прежде всего по количественным критериям. Фактически – по тому, каков организационно-технический потенциал информационного пространства региона и потенциал использования этих организационно-технических основ для обеспечения региону специфического имиджа участника федеративных отношений в современной России, агента экономических реформ или субъекта гражданских конфликтов.

Привлечение качественных показателей сразу же обнаружит, насколько реальное положение дел с политической информацией в регионе далеко от этого идеала, насколько расходится качество информации, доступной рядовым гражданам и доступной административно-политическим и бизнес-элитам. А это, фактически, позволит

научно оценить меру успешности современного российского либерально-демократического транзита в том или ином регионе и в стране в целом по одному из важнейших критериев, дать критическую оценку реальному месту российских регионов в общем движении социально-политических систем разных стран и народов к универсальным принципам цивилизованного общежития. В этом случае необходимо будет переосмыслить опыт отечественных политических партий, общественных движений, религиозных и культурно-просветительных институтов в деле формирования гражданского общества в России.

Отечественные исследователи, когда говорят о качестве информации, закономерно переходят в плоскость рассуждений об информационной безопасности государства и региона, т. е. в плоскость постановки проблемы способов и возможностей ограничения свободного доступа отдельных граждан и социальных корпораций к той или иной политической информации. Хотя по логике либерально-демократической доктрины это ограничение нежелательно.

В данном случае оправданием такой постановки вопроса служит забота о сохранении и поддержании суверенитета социально-политических институтов вообще и региональных институтов, в частности. Суверенитет в современных политологических исследованиях региональной политики обычно выделяется в качестве одного из важных оснований для разговора о регионе и региональной политике как самостоятельном предмете научного внимания. В таком подходе есть своя логика: если наличие у региона политической субъектности мы определяем по степени его суверенизации и тому, как эта региональная суверенность артикулируется во внутриэлитарных коммуникациях, если эта степень суверенизации политологами исчисляется по тому, насколько региональные социумы и элиты способны контролировать административную, политическую, экономическую, культурную сферы и посредством такого контроля заявлять о специфике своей политической идентичности, то почему из этого ряда сфер, подлежащих максимально жесткому контролю, ради поддержания регионального суверенитета мы должны исключать информационные коммуникации?

Предпринимаются теоретические попытки снять это противоречие, основывая суждения на апелляции к национальной идее. Таковая представит синтезом либеральных ценностей и принципа суверенности. Как утверждает Д.В. Ховалыг, «для того чтобы Россия нашла смысл существования в глобализирующемся мире, прежде всего ей необходимо найти общественный идеал, государственную идею, общенациональную идею, парадигму развития, идеологию. Следующим шагом должно стать повышение эффективности российской государственности как противодействии дальнейшему распаду»¹. Непродуктивность

данных попыток преодоления обозначенного нами противоречия между нормами либерализма и суверенным интересом вытекает уже из самого перечня разнородных по содержанию понятий, определяющих различные по сути стратегии преодоления указанного противоречия, но поставленные в один ряд.

Здесь, как представляется, заключено то принципиальное противоречие, которое поддерживает взаимное непонимание политических элит, работников СМИ, а также двусмысленное положение политических аналитиков в вопросах региональной информационной политики. Это концептуальная «вилка» между доктринальными основами либерализма и реалиями региональной политики. Концептуальные основы, к которым апеллирует массмедийное сообщество, требуют давать политической информации как можно больше и всем, а далее пусть потребитель сам выбирает и оценивает нужное. Политические реалии федеративных отношений в России, к которым апеллируют административно-политические элиты региона, обнаруживают очевидную вещь: заявить о себе как об эффективном игроке на поле федеративной политики регион может, только обладая суверенными полномочиями в отношении своего экономического, электорального, административного, культурного, и информационного в том числе, пространств.

Этот краткий теоретический экскурс, на наш взгляд, достаточен для понимания главного момента. Сугубо прикладное, основанное на количественных характеристиках исследование информационного фактора региональной политической идентичности в условиях нынешней глобализации возможно и оно действительно дает кое-что для понимания объективных предпосылок, ресурсов эволюции российского информационного пространства. Но в этом случае теоретически трудно осмыслить то, как и почему в современной России, точнее – региональные элиты и региональные сообщества, ведут себя в вопросах информационного обеспечения своей политической идентичности в пространстве РФ. Нередко это происходит вопреки фундаментальной логике глобализационных процессов, вопреки доктринальным основам современного либерализма.

Осмыслить это концептуально возможно, как представляется, только обратившись к качественным характеристикам той информации, которая сегодня оказывается задействована в политических процедурах, которая служит их мотивом, легитимирующим основанием или элементом управляющих механизмов. По справедливому утверждению Г.А. Дробота, «сопоставление теоретически обозначенных черт глобализации с реальной действительностью позволяет сделать вывод о том, что глобализация – это новое качественное состояние мира и в меньшей степени его количественная характеристика»².

Суть вопроса, на который необходимо найти ответ, можно сформулировать так: естественно ли то, что конфликтуют между собой глобализация как способ мышления современной эпохи и как своего рода наднациональный культурный «текст» и «текст» региональной идентичности? Или же это временное состояние, свойственное нынешнему этапу российского демократического транзита, и оно может быть преодолено на путях дальнейших экономических, правовых, административных и культурных реформ?

Говоря о глобализации как способе мышления эпохи, мы имеем в виду тот теоретический подход, который был предложен отечественным философом З.М. Оруджев³. Суть подхода состоит в том, что он учитывает возрастающее влияние прошлого на мышление человека, которое накапливается и начинает воздействовать на настоящее. Это воздействие обнаруживает себя в изменениях способов мышления эпохи, происходящих за счет обогащения нашего мышления новыми логическими понятиями, принципами и правилами познавательной деятельности. Такой подход, на наш взгляд, позволяет снять многие противоречия в политологических трактовках глобализации, связанных с очевидным вторжением прошлого в сферу современных политических культур, в сферу идеологических императивов и ценностное поле. Он позволяет *представить* интеллектуальное сообщество субъектом, мыслящим в одном стиле с властными элитами и рядовыми гражданами, несмотря на различие дискурсов, ценностных ориентаций и места в политической иерархии.

Глобализация в этом ракурсе предстает как культурный «текст», который сложился в результате накопления несколькими поколениями постиндустриальных и информационных обществ знаний о прошлом. Накопление это в определенный момент совпало с возможностью посредством новых информационных технологий преобразовать накопленный потенциал знаний о прошлом в спектр политических интересов, решений и действий, связанных с поиском социумами и их элитами этнической, конфессиональной, внутривнутриполитической идеологической, геополитической идентичностей. В результате этого мир стал един как никогда и одновременно разобщен как никогда. Парадоксальная ситуация со стремлением социально-политических систем «быть как все» и одновременно быть отчужденными «ото всех» в смысле политической идентичности, мыслить эту идентичность категориями суверенитета прослеживается и в развитии российских регионов. Регионы все двадцатилетие российских демократических реформ стремятся организацией своих экономических, культурных, правовых и административных пространств заявить о своей «российскости», понимаемой как региональная уникальность, что вполне соответствует нынешней глобализационной парадигме.

С этим, на наш взгляд, можно связать и феномен интереса современных элит и общества в России к идеологическому концепту «суверенная демократия». Это то искомое основание для всего информационного поля России, вокруг которого можно выстраивать информационную политику и не актуализировать при этом противоречий между свободой информации и информационной безопасностью, интеграцией в глобальные информационные коммуникации и сохранением (возрождением) регионального самосознания.

Какого качества информация может быть признана необходимой и достаточной для того, чтобы региональные сообщества и элиты ощущали себя чем-то самостоятельным, обладающим идентичностью в политическом процессе? Такой вопрос в политологических исследованиях разрешается обычно при помощи суждений, позаимствованных из повседневных социальных коммуникаций. Набор качественных характеристик стандартен: информация должна быть правдивой и такой, какая нужна людям, чтобы разобраться во всем, что происходит в политике.

В данном случае ответ на вопрос о качестве информации подменен постановкой второго ряда вопросов: какую информацию можно считать правдивой или ложной, и можно ли и нужно ли массе рядовых граждан знать о политике все досконально или же что-то определенное? Информационное поле российских регионов функционирует по законам регулируемого рынка, но формально под знаком свободного спроса и предложения информации. Эта «свобода» подразумевает, что качество информации не является значимой проблемой для превращения информации в товар, что это вообще проблема теоретически актуальная, но несущественная для региональной политической практики.

Прежде всего, как нам представляется, качество той информации, которая циркулирует сегодня в российских региональных политических пространствах, независимо от их структуры и специфической динамики, может и должно определяться проблемой соотношения «глобализации» (понимаемой как идеал и следствие процессов информатизации всех социокультурных практик) и «национального государства» как двух стратегий модернизации современных обществ. Легко заметить, что в СМИ всех уровней и политических ориентаций «гибель» национально-государственной организации и торжество глобального миропорядка позиционируются в качестве само собой разумеющихся вещей. И это качественное состояние (аксиоматическое состояние) политической информации, столь важное для ориентации социумов и региональных элит в поле конкурирующих исторических и современных идентификаций, насаждается в массовом сознании уже в виде состоявшегося выбора, к которому хочешь или не хочешь, но придется присоединиться.

Совершенно иным могло бы быть качество этой информации, преподносимой СМИ рядовым гражданам, если бы во внимание принималось то, что очевидно для современных отечественных исследователей: в исторической конкуренции глобализационных и национально-государственных императивов развития на всех уровнях существования современных социально-политических систем, по сути, еще ничего не предрешиено и субъекты этой игры имеют еще возможность определить ее правила с учетом собственных интересов, как это сегодня делает на практике большинство развитых стран либеральной демократии. Х.Э. Мартиросян справедливо замечает: «Казалось бы, формирование международных рынков, “свободное движение” капитала, увеличение потоков информации, мигрантов и туристов, образование “транс”, “интер”, и “над” национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некоторую глобальную целостность. Но вскоре стало очевидным, что глобализация, вызывая противодействие, не только не разрушает, но и консервирует и, более того, во многих случаях развивает сложившуюся планетарную иерархию народов и наций»⁴. Это то, что, пользуясь выбранным нами методологическим ориентиром, составляет источник внутренней непоследовательности «способа мышления» современной эпохи и побуждает аналитиков бросаться в своих оценках ситуации в медийном пространстве в крайности, от утверждений, что все люди мыслят одинаково и СМИ должны ориентироваться на «среднего» потребителя информации, до акцентации внимания на том, что все люди проявляют неодинаковый интерес к информации и СМИ должны искать путь к уму и сердцу каждого гражданина, каждой социальной группы.

Почему бы не посмотреть на ситуацию иначе и соответственно изменить качественные ориентиры в информационных потоках? Ведь понять свою уникальность можно, не столько сравнивая себя с соседом, сколько сравнивая себя с неким общественно согласованным эталоном челове-

ских возможностей. Почему бы этот принцип не приложить к тому, как понимают и как могут понимать свое нынешнее положение и перспективу различные социально-политические системы, обладающие разным историческим и современным опытом как источниками своих будущих возможностей?

Качество информации в пространстве региональных коммуникаций может и должно определяться состоянием идеологического поля. Современные исследователи политических идеологий продолжают по традиции характеризовать их как системы идей и установленных теоретически ориентиров развития. Однако в условиях глобализации, когда приходится принимать во внимание несовместимость многих исторически сложившихся языков, при помощи которых можно формулировать идеологические императивы, идеологии все более приобретают характер фактически осуществляемых практик. Именно это, на наш взгляд, дает возможность внедрять либерализм как систему ценностно-ориентированных практик в среды социальных практик даже тех народов, которые ничего толком не знают о теоретических основах либерализма. На уровне практик исчезает, таким образом, момент несовместимости идеологических императивов и историко-культурных императивов развития, например, регионального социума.

Примечания

- ¹ Ховалыг Д.В. Коммуникативная природа ценностей и их трансформация в медийном пространстве // Полис. 2008. № 1. С. 63.
- ² Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 107.
- ³ См.: Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. М., 2004.
- ⁴ Мартиросян Х.Э. Национальное государство. Проблемы и перспективы в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. №8. С. 5–6.